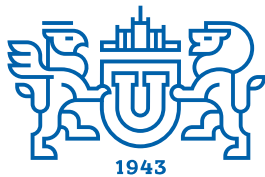

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2026
Т. 26, № 2**

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

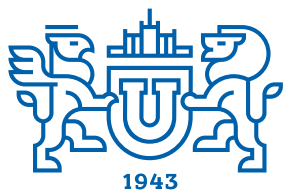
Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И. В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. полит. н., доц. **Балынская Н. Р.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
к. культурологии **Ворошин С. Д.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
к. филол. н. **Федорова Е. В.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2026

Vol. 26, no. 2

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Balynskaya Natalia Rinatovna, D. Sc. (Politics), associate professor
Fyodorova Ekaterina Viktorovna, Cand. Sc. (Philology)
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Voroshin Semyon Dmitrievich, Cand. Sc. (Culturology)
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
АНДРЕЕВ А. Н. Актеры, певцы и музыканты при дворе Анны Иоанновны по данным архива католической церкви Св. Екатерины в Петербурге.....	6
БАКАНОВ С. А., ПЕТУХОВ М. Ю. Послевоенный перевод театров СССР на самоокупаемость и его последствия (на примере Челябинской области).....	15
ЕВДОКИМОВА Л. С. Христианство и демократия в публицистике игумена Вениамина (Новика): особенности текста и контекста.....	25
ЗОЛОТАРЕВ О. В. Сотрудничество П. Л. Лаврова с газетой «Русские ведомости».....	32
ПАРХОМЕНКО М. Д. Что такое история: идеи, интерпретации, критика (вокруг книги британского историка Эдварда Карра).....	40
Искусствоведение	
МОСЯГИНА Н. В. «Благоухание познания...»: ольфакторный код в гимнографии.....	49
НЕВДАШЕВ А. С. Инструментовка как средство художественного высказывания: акустические и колористические приемы в сочинениях А. Павлючука для духового оркестра.....	59
Литературоведение. Журналистика	
БАЛЫНСКАЯ Н. Р. Специфика формирования медиаобраза региона в условиях медиатизации политического пространства (на примере Челябинской области).....	66
БЕЛОУСОВА Е. Г. Что и зачем читает герой Е. Г. Водолазкина: мотив чтения и особенности его воплощения в романе «Чагин».....	75
ДМИТРЕНКО Е. Л., БУЛАТОВ Р. Р., ШЕСТЕРКИНА Л. П. Особенности использования искусственного интеллекта в работе ГТРК «Южный Урал».....	83
МОРЕВА А. Н. Медиатизация йоги и Болливуда в формировании национального бренда Индии в глобальной коммуникационной стратегии.....	90
НЕЗГОВОРОВ С. В. Создание медиапродуктов, направленных на формирование позитивного образа лечебных учреждений Архангельской области.....	97
ЯРАДАЕВ М. А., ГАВРИЛОВ А. Д. Сайты печатных изданий Чувашии: сравнительный анализ дизайн- и контент-решений редакций.....	106

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
ANDREEV A. N. Theater actors, singers, and musicians at the court of Anna Ioannovna according to the archives of St. Catherine’s Catholic church in St. Petersburg.....	6
BAKANOV S. A., PETUKHOV M. Y. The post-war transition of Soviet theaters to self-sufficiency and its consequences (using the example of the Chelyabinsk region).....	15
EVDOKIMOVA L. S. Christianity and democracy in the publicistic writings of Higumen Veniamin (Novik): text and context features.....	25
ZOLOTAREV O. V. P. L. Lavrov’s collaboration with the Russkiye Vedomosti newspaper.....	32
PARKHOMENKO M. D. <i>What is History</i> : exploring ideas, interpretations, and criticism (based on the book by the British historian Edward Carr).....	40
Art criticism	
MOSIAGINA N. V. “The fragrance of knowledge...”: the olfactory code in hymnography.....	49
NEVDASHEV A. S. Instrumentation as a means of artistic expression: acoustic and coloristic techniques in A. Pavlyuchuk’s compositions for wind band.....	59
Literary criticism. Journalism	
BALYNSKAYA N. R. The specifics of shaping a regional media image in the context of political space mediatization: a case study of the Chelyabinsk region.....	66
BELOUSOVA E. G. What and why does E. G. Vodolazkin’s hero read: the reading motif and its manifestation in the novel <i>Chagin</i>	75
DMITRENKO E. L., BULATOV R. R., SHESTERKINA L. P. Features of using artificial intelligence in the work of GTRK Yuzhny Ural.....	83
MOREVA A. N. Mediatization of yoga and Bollywood in the formation of India’s national brand within a global communication strategy.....	90
NEZGOVOROV S. V. Creating media products to promote a positive image of medical institutions in the Arkhangelsk region.....	97
YARADAEV M. A., GAVRILOV A. D. Websites of print media in Chuvashia: a comparative analysis of design and content solutions of editorial offices.....	106

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Материалы исторического раздела посвящены разным аспектам современной исторической науки. Статья А. Н. Андреева посвящена исследованию персональных данных иностранных музыкантов, певцов и актеров в России времен Анны Иоанновны, а также реконструкции социальных отношений с их участием с опорой на регистрационные записи католической церкви Петербурга. Исследование С. А. Баканова и М. Ю. Петухова посвящено изучению перевода театров СССР (на примере Челябинской области) на самоокупаемость, а также анализу последствий данной реформы. Л. С. Евдокимова в своей статье исследует христианско-демократический дискурс, сформировавшийся в постсоветской России в религиозной среде, а также в правозащитном сообществе, в том числе в религиозном диссидентстве. Статья О. В. Золотарева анализирует малоизвестную сторону творческого наследия известного российского революционера-народника П. Л. Лаврова. М. Д. Пархоменко в своей статье фокусирует внимание на изучении идей Э. Карра о природе исторической науки, представленных в его книге «Что такое история?».

*В разделе «Искусствоведение» Н. В. Мосягина исследует ольфакторные топоры в гимнографических текстах *Slavia Orthodoxa* на материале песнопений древнерусской традиции. Статья А. С. Невдашева посвящена анализу оркестровых приемов в сочинениях саратовского композитора Алексея Павлючука «Приближение» и «Парадокс» для духового оркестра.*

В разделе «Литературоведение. Журналистика» Н. Р. Балынская исследовала специфику формирования медиаобраза региона в условиях медиатизации политического пространства (на примере Челябинской области). В статье Е. Г. Белоусовой исследована проблема саморефлексии литературы, которая на материале романа Е. Г. Водолазкина «Чагин» рассматривается как литературная рефлексия о читателе. Е. Л. Дмитренко, Р. Р. Булатов, Л. П. Шестеркина в своей статье представили особенности использования искусственного интеллекта в работе ГТРК «Южный Урал». А. Н. Морева выявляет механизмы медиатизации йоги и Болливуда как стратегических атрибутов национального бренда Индии в контексте глобальной коммуникационной стратегии. Статья С. В. Незговорова посвящена видам и жанрам медиапродуктов, повествующих о деятельности лечебных учреждений Архангельской области. М. А. Ярадаев, А. Д. Гаврилов в своем исследовании изучают проблему цифровизации региональных традиционных СМИ, вызванную интенсивным развитием коммуникационной инфраструктуры интернета и все большей востребованности сетевых платформ в качестве источников массовой информации.

АКТЕРЫ, ПЕВЦЫ И МУЗЫКАНТЫ ПРИ ДВОРЕ АННЫ ИОАННОВНЫ ПО ДАННЫМ АРХИВА КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. ЕКАТЕРИНЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

А. Н. Андреев

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,
Российская Федерация*

Актуальность исследования обусловлена недостатком биографических сведений об иностранных музыкантах, певцах и актерах в России времен Анны Иоанновны. Цель статьи состоит в уточнении персональных данных артистов, а также в реконструкции социальных отношений с их участием с опорой на регистрационные записи католической церкви Петербурга. Теоретическим фундаментом исследования служит концепция микроистории Эммануэля Ле Руа Ладюри с ее повышенным интересом к структуре социальных связей. Вводятся в научный оборот новые сведения о знаменитых на всю Европу театральных семействах – скрипачах Мадонис, комедиантах Сакки, оперных артистах Джорджи, артистах балета Ринальди и др. Изучены некоторые особенности бытового поведения артистов и их «ментальной оснастки». Показано, что театральная среда способствовала сексуальному раскрепощению пребывавших в ней лиц, что приводило не только к частому супружеству партнеров по сцене, но и к распространению внебрачных связей. Установлено, что к кругу артистов был особенно близок обер-гофмаршал граф Рейнгольд Густав фон Левенвольде. Социальное взаимодействие с итальянскими артистами у Левенвольде выходило далеко за пределы деловой и театральной сфер.

Ключевые слова: артисты, музыканты, придворный театр, эпоха Анны Иоанновны, католики Петербурга.

Введение

Современная историческая наука, имеющая тенденцию к поиску новых подходов к исследованию, готовая к широким обобщениям и интерпретациям источников, тем не менее, по-прежнему испытывает острый фактологический голод при решении ряда проблем отраслевой истории. Основными историческими акторами продолжают считаться люди и социальные группы, но о конкретных людях, даже о самых известных, ученые знают не так много, как им хотелось бы [1]. Поэтому, погружаясь в фактический материал, историки всегда осознают острую нехватку биографических данных деятелей прошлого, особенно если оно отделено от нас несколькими веками. В связи с этим любые уточнения в биографиях, даже на первый взгляд незначительные, никогда не утратят актуальности, тем более если они производятся на основе малоизвестных источников. Для истории русского императорского театра, создававшегося с привлечением иностранных артистов, таким источником выступают церковные книги петербургских инославных приходов, в которых регистрировались крещения, свадьбы и похороны, фиксировались участники церемоний. Приходские реестры позволяют уточнить имена музыкантов, певцов и актеров, известных исследователям под прозвищами, театральными псевдонимами или неполными именами. Церковные метрики включают в себя информацию о родственниках

отношениях артистов, дают возможность скорректировать хронологические рамки их пребывания в России и, самое главное, содержат не введенные еще в науку имена людей из мира музыки и театра. Особенно много сведений обнаруживаем в книге крещений петербургской католической церкви¹ [2]. Это обусловлено тем, что институциональное формирование императорского театра в России, осуществлявшееся при Анне Иоанновне, происходило преимущественно за счет найма итальянцев, то есть католиков.

Обзор литературы

Театральным деятелям иноземного происхождения в эпоху Анны Иоанновны посвящено немало работ как в России, так и за рубежом. Среди отечественных исследований можно отметить статьи В. В. Сиповского [3] и В. Н. Всеволодского-Гернгросса [4], монографии Н. Ф. Финдейзена [5] и Ю. В. Келдыша [6]. Вершиной современной историографии остаются труды Л. М. Стариковой, проделавшей огромную работу по выявлению, анализу и публикации различных документов, освещающих жизнь и творчество артистов в России XVIII в. [7, 8]. К крупнейшим достижениям зарубежной науки следует отнести публикации швейцарского музыковеда Робера-Алоиза Мозера [9] и профессора Падуанского университета

¹ Реестры бракосочетаний и погребений этого прихода за интересующий нас период, к сожалению, не сохранились.

Мариалуизы Феррацци [10, 11]. Во всех этих работах самое пристальное внимание уделяется деталям биографии артистов: их происхождению, времени приезда в Россию, родственным связям и т. п. Однако приводимые специалистами сведения, собранные по крупицам, нередко противоречивы. Кроме того, никто из историков музыки и театра не обращался к церковным реестрам, анализ которых, между тем, разрешает ряд противоречий, дополняет картину пребывания иностранцев в России, а иногда ставит новые вопросы.

Методы исследования

Теоретическим фундаментом исследования служит концепция микроистории Эммануэля Ле Руа Ладюри с ее повышенным интересом к структуре социальных связей. Главным инструментом выступает биографический метод, в том числе такая его разновидность, как метод «восстановления истории семей».

Результаты и дискуссия

В начале 1731 г. из Варшавы в Россию приехала группа артистов комедии дель арте во главе с капельмейстером Томмазо Ристори. Согласно русским источникам, ими были «италианские музыканты и комедианты», присланные от польского короля Августа II «ко двору Ея Императорского Величества». Среди них значились «певец Козимо Эрмини», «жена ево Маргарита», «музыкант Иоганн Верокаи», «певица Лудовика», артисты Белотти, Эрмано и другие [7, с. 182; 12, с. 75]. Они приехали в Москву, где продолжал пребывать двор, в середине февраля 1731 г. и отправились назад в Польшу в январе следующего года [7, с. 182, 210, 215]. Некоторые, впрочем, остались: с 1731 по 1738 г. сначала в Москве, а затем в Петербурге, в придворном театре, служил выдающийся скрипач и композитор Джованни Верокаи (Верокэ, Verocai), некогда учившийся у самого Вивальди [5, с. 16; 13, с. 77–78].

В сентябре 1731 г. в Москве встречали так называемых «гамбургских музыкантов», приглашенных придворным капельмейстером Иоганном Гюбнером. Это была группа из шести певцов и одиннадцати инструменталистов [12, с. 69]. Группа включала в себя певицу Кристину-Марию Аволио (д'Аволио), ее мужа Джузеппе Аволио (поэта и театрального администратора), кастрата Дреера (Трейера) и его брата-гобоиста Доминика, выступавшего сочинителем музыки. Помимо них в группу «гамбургских музыкантов» входили скрипач Иоганн Кайзер из Гамбурга (это был не известный на всю Европу композитор Рейнхард Кайзер, как обычно полагают, а только его однофамилец [9, с. 89, 92]), сын Кайзера, а также его дочь-солистка («молодая Кайзер»), сестра мадам Аволио девица Кроуманн («молодая Круманн»), бас Фишер, фэготисты Фридрих, Эйзель и Глэш (Плэш, Глотш), гобоист Дебберт, «кляфцимбалист» (т. е. клавесинист) Гвер, нотный копиист

Графф и иные лица [7, с. 204–205, 217; 9, с. 91]. Они несколько лет служили в России, и большинство из них отмечены в книге крещений петербургской церкви. Так, Джузеппе Аволио в феврале 1734 г. выступил воспитателем младенца [2, л. 45]; его жена Кристина-Мария, урожденная Кроуманн (Грауманн, Гронеман, Грюнеман), певица-сопрано, происходившая не из Майнца [14, с. 80], а из Кёльна [2, л. 51], в качестве крестной матери была у купели в октябре и декабре 1733 г., а также в июне 1734 г., а затем не раз в 1735 г. [2, л. 43 об., 44 об., 46, 50 об., 51]. Супруги Аволио уволились не в 1738 г., как долгое время считали [5, с. 11], а 1 марта 1736 г. (установлено Л. М. Стариковой [12, с. 80; 7, с. 270–271]), и церковная книга католиков это подтверждает. У четы Аволио на момент их выезда из России в апреле 1736 г. были два малолетних ребенка [7, с. 298]. Они не отмечены в приходских метриках, что говорит об их рождении еще до прибытия к аннинскому двору.

«Молодая певица Круманн», сестра мадам Аволио, впоследствии стала «женой знаменитого фэготиста Фридриха» [14, с. 80], который во всех документах значится просто как «фэготист Фридрих» [7, с. 234, 256, 260]. «Молодую Круманн» скорее всего звали либо Фридерикой, либо Элизабет – в церковной книге есть сведения о Фридерике Грюнеман (Friderica Grunemanin), воспринявшей ребенка в октябре 1736 г. [2, л. 55 об.], и об Элизабет Грюнеман, неоднократно становившейся крестной матерью в 1736 и 1737 гг. [2, л. 54 об., 56, 61]. Обе Грюнеман принимали участие в крещении детей придворных артистов, что свидетельствует об их принадлежности к миру музыки и театра. Вместе с ними во всех обрядах участвовал Пьетро Мира (будущий шут императрицы Педрилло), с которым «молодая Круманн», уже будучи женой Фридриха, состояла в любовных отношениях [9, с. 89, 92]. Если речь идет о Фридерике Грюнеман, то она вышла замуж за фэготиста Фридриха после октября 1736 г. (поскольку в церковном реестре упомянута еще под девичьей фамилией); если же женой фэготиста стала Элизабет, то это могло произойти не раньше конца ноября 1737 г. (по той же причине). В 1741 г. Фридрих и его жена были уволены, отбыли за границу, но, возможно, возвратились при Елизавете Петровне [9, с. 89, 92]. В январе 1741 г. «у певчей Фридрихи» имелись «малолетние дети сын Павел, дочь Касандра» [7, с. 340], которые не зарегистрированы в католической церкви, из чего можно заключить, что Фридрих, несмотря на свое австрийское происхождение, являлся протестантом.

Дочь Иоганна Кайзера, певица, в 1731 г. в Москве вышла замуж за скрипача Верокаи [14, с. 79; 5, с. 7, 20]. Согласно церковным документам, ее звали Софией Амалией. 7 апреля 1734 г. в петербургском католическом приходе была крещена

Элеонора Цецилия Верокаи, ее дочь [2, л. 45 об.]. Сам Джованни Верокаи не раз выступал в роли крестного отца для детей католиков в 1733–1735 гг. [2, л. 42, 43 об., 45 об., 48 об.]. Он уехал из России в самом конце 1738 г. (указ о выдаче ему денег на проезд подписан 19 декабря [7, с. 227, 327]), но жену и дочь он отправил в Гамбург намного раньше, еще летом 1735 г. [7, с. 264–265]. Кастрат Джованни Дреер (Дрейер) воспринимал детей при крещении в октябре 1732 г., а также в мае 1733 г. [2, л. 42, 44 об.]. Его брат, «композитор» Доминико, в 1732 г. на время уезжал в Италию для вербовки новых комедийных артистов, однако уже в апреле 1733 г. снова зафиксирован в штате придворных служителей [7, с. 222, 234]. Оба Дреера окончательно уехали из России поздней осенью 1735 г. [7, с. 266]. Фаготиста Эйзеля (Heisel), которого Штелин именует контрабасистом из Богемии [14, с. 79], звали Йозефом, в январе 1734 г. он присутствовал на церемонии крещения в церкви [2, л. 45]. При российском дворе Эйзель продолжал служить, по некоторым данным, в 1741 г. [9, с. 91].

Певец и клавесинист Гвер (Guerra, Guer) происходил из Рима. Его звали Джованни Антонио, благодаря метрикам это может считаться доказанным фактом. Он был женат на приезжей немке Анне Иоганне, урожденной Шмидт [2, л. 39 об., 41, 43, 44 об., 50 об.]. В российской столице у них родились сыновья – Франциск Петр (дата крещения – 12 июля 1732 г.), Яков Антоний (крещен 29 июля 1733 г., умер почти сразу же) и Ринальдо Джованни Антонио (крещен 6 июня 1735 г., скончался 5 октября) [2, л. 39 об., 43, 50 об.]. Гвер умер в Петербурге вскоре после крещения сына Ринальдо, что следует из указа от 15 июня 1735 г. о выдаче денег «бывшего при итальянской музыке Гвера жене его вдове Анне на дорожной из России до отечества ее проезд» [7, с. 224, 262]. Однако Анна Иоганна задержалась в Петербурге из-за болезни младшего сына. Она уехала в январе 1736 г. «з детми Карлом и Францом» [7, с. 267], причем Карл, по-видимому, родился еще за границей, а Франц стал единственным выжившим из «петербургских» детей.

Долгое время (возможно, до конца своих дней) в Петербурге оставался нотный переписчик и по совместительству музыкант Матиас Венцеслав Графф (Грофф) (Mathias Wenceslaus Graff, Groff). Он женился в России на немке Шарлотте Эйнпокерн (Carlotta Einpokern), связав себя узами родства с петербургской немецкой диаспорой. Их первый ребенок, сын Иоганн Иероним, родился еще до официального вступления в брак, когда Матиас и Шарлотта были только помолвлены (крещен 3 октября 1733 г.) [2, л. 43 об.]. Затем у них появились на свет дочери Катарина (крещена 6 февраля 1735 г.) [2, л. 48 об.] и Элизабет Кристина (крещена 27 января 1737 г., умерла 16 апреля 1738 г., похоронена в Ямской слободе) [2,

л. 56]. Возможно, Графф овдовел и женился вторично. По крайней мере, в 1738 г. его супругу звали уже Кристиной – в октябре 1738 г. у них родилась дочь Наталья, скончавшаяся в 1744 г. [2, л. 63]. То есть в этом году копиист Графф, именовавшийся в ряде случаев «придворным музыкантом» [7, с. 329], еще оставался в России.

В 1732 г. при императорском дворе появились новые музыканты. Итальянцы Пьетро Миро и Яган Парацизи (Джованни Парассизи) были «приняты в Италию в службу Ея Императорского Величества (...) с первого октября нынешняго 1732 году» [7, с. 218]. Вместе с ними упоминается капельдинер Йозеф Регальский. Скрипач Гаэтано Пьетро Мира, впоследствии ставший шутком императрицы Анны, хорошо известен специалистам, чего не скажешь о его товарищах Парассизи и Регальском. Парассизи получил «абшит» из Придворной канторы в 1734 г., а в декабре ему и его семье («Жовани Порацизи з женою его и малым сыном») были даны паспорта на отъезд [7, с. 259]. Парассизи (Joanne Parassisi) был женат на Джованне Колуччи (Colucci), у них 14 июня 1734 г. в Петербурге родился сын Себастьяно Кристиано [2, л. 46]. Регальский упоминается в придворном штате в 1733–1736 гг. [7, с. 234, 256, 301], а его жена Анна (Anna Regalskin) отмечена в петербургском католическом приходе в апреле 1737 г. По-видимому, она отличалась милосердием, поскольку согласилась крестить девочку-подкидыша, найденную на Морской улице [2, л. 59 об.]. Любопытно, что «Анна Катерина, Иозифа Регальского жена», находилась в услужении у лютниста Тимофея Белоградского, и при увольнении последнего в январе 1741 г. вместе с семейством лютниста отъехала в «чужестранные государства», и Регальский отпустил ее от себя: «о увольнении отпуском от него жены своей во верность подписался» [7, с. 338].

Церковная книга петербургских католиков раскрывает состав прославленного венецианского семейства Мадонис, позволяя окончательно решить вопрос о тождестве Луиджи и Джованни Мадониса [9, с. 101]. Выдающийся скрипач Луиджи Мадонис прожил в России свыше тридцати лет, приехав в 1733 г. [9, с. 57; 13, с. 77, 97]. Штелин устойчиво именует его Джованни [14, с. 80], и это имя впоследствии стали повторять прочие авторы. Однако, встречая упоминания о Луиджи, исследователи путались и впадали в очевидные противоречия. Н. Ф. Финдейзен, например, почти всегда различал Джованни и Луиджи, считая их братьями: первый был, по его мнению, скрипачом, а второй – валторнистом [5, с. 7, 20, 24]. Но в одном месте своей книги исследователь их отождествляет: при указании петербургских сочинений Джованни Мадониса он приводит рукопись «Двенадцать разных симфоний ради скрипки и басса сочиненные и (...) от Лудвика Мадониса (...) всеподданейше поднесенные» [5, с. 22]. Джованни

Мадонис, по Финдейзену, был женат на Наталии Петровой, которая после отставки мужа получала пенсию из Соляной конторы [5, с. 21]. В церковных реестрах во всех случаях скрипач Мадонис именуется Луиджи, и никогда – Джованни. Исключительно Людвигом или Людвихом его называют документы русских органов власти [7, с. 227, 300, 302, 326]. Именно Луиджи Мадонис состоял в браке с некоей Наталией Петровной (*Natalia Petrovna Madonis*) [2, л. 53 об.–54], и это главный аргумент в пользу того, что под Джованни Мадонисом нужно разуместь Луиджи. 12 июля 1736 г., «в половине восьмого утра», в Петербурге у Луиджи и Наталии Петровны родился сын Джованни Карло Ринальдо. С именем Джованни его крестил настоятель католической церкви Карло де Лукка 14 июля, но через месяц с небольшим, 25 августа 1736 г., в храме состоялось праздничное мероприятие («была проведена торжественная церемония») по поводу крещения младенца с приглашением именитых гостей – принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны и обер-гофмаршала Рейнгольда Густава Левенвольде. Во время этой церемонии ребенок получил свое цветистое имя («*In qua solemnitale puer fuit vocatus Joannes Carolus Rinaldus*») [2, л. 54]. Можно предположить, что в церкви тогда состоялся небольшой концерт.

Луиджи Мадонис брал отпуск на родину: 4 июня 1737 г. он просил «от двора Ея Императорского Величества отпустить в его отечество, в Италию, на время и дать апшит (...); и в Россию паки имеет возвратиться в будущем 1740 году (...) Чего ради жену свою и детей оставляет здесь» [7, с. 329–331]. «Абшит» «Людовику Мадониусу» был дан 4 сентября 1739 г., но уже 7 сентября 1740 г. он крестил ребенка в петербургской церкви. Его крестником стал сын Антонио Берлиари, получивший имя Джованни Баттиста, – вполне возможно, в честь Мадониса (единственного восприемника мужского пола), которого в быту действительно могли именовать Джованни [2, л. 68]. Мадонис выступал восприемником не только в католическом приходе (1738 г.), но и в реформатском (в том же 1738 г.) [15, л. 46], что свидетельствует о его слитности со средой петербургских иноземцев. Он состоял на службе в должности концертмейстера до января 1767 г., а умер около 1770 г. [5, с. 21].

У Луиджи Мадониса был единокровный брат Антонио, скрипач. Он тоже состоял в придворной «италианской компании» в 1736–1740 гг., а умер в 1746 г. [7, с. 228, 300; 9, с. 227]. В сентябре 1737 г. Антонио отмечен в церкви среди восприемников [2, л. 56 об.]. Однако в метриках нет упоминаний о дочери Луиджи Марианне Мадонис, которая родилась в Петербурге, а затем вышла замуж за виртуоза-виолончелиста Джузеппе Далолью по его возвращении из России в Берлин [9, с. 104].

В 1733–1735 гг. придворный театр несколько раз пополнялся музыкантами и артистами комедии

дель арте. Известным в Европе ансамблем комедиантов являлось семейство Сакки (Сакко). Самым блестящим артистом этого клана считается Антонио Джованни по прозвищу Труффальдино, которым восхищался Карло Гольдони и который, собственно, стал прототипом главного героя комедии «Арлекин – слуга двух господ» [11, с. 38]. Считается, что женой Антонио была актриса и танцовщица Антония Франка (Антоньетта), отождествляемая с Ниной Сак, неоднократно фигурирующей в русских документах [11, с. 47; 7, с. 28]. Однако метрики петербургского костела называют другое имя – женой Антонио Сакки (*Anton Sacco*) была Мария Магдалина. 17 февраля 1734 г. у них родился сын, вскоре крещенный с именем Джузеппе Гаэтано [2, л. 45]. Кроме того, в церковной книге упоминаются другие представители этой театральной семьи, по-видимому, неизвестные исследователям, – Джузеппе Сакки (*Joseph Sachi*) и его жена Франческа Сакки, причем оба они названы «комиками из Италии» («*comici ex Italia*») [2, л. 48]. В декабре 1733 г. у них родился сын Бартоломео Джироламо Кристиано [2, л. 44 об.], а в декабре 1734 г. – сын Джироламо Гаэтано [2, л. 48]. Как видим, в семьях Антонио и Джузеппе Сакки родовым именем, которое они старались передать своим детям, было имя Гаэтано – так звали отца Антонио Сакки. Гаэтано Сакки являлся директором труппы и скончался в Петербурге во время первых гастролей в 1734 г. [11, с. 48]. Джузеппе, вероятнее всего, следует считать братом Антонио – оба они называли своих сыновей в честь недавно умершего отца, деда их собственных детей.

Другая известная театральная семья в приходе – певец-тенор и оперный актер Филиппо Джорджи (Джиорджи, Гиорги) и его жена Катерина, певица из Рима. Церковная книга неожиданно называет Филиппо «музыкантом на службе Ее Императорского Величества» («*musicus in servitio S.M.I.*») (видимо, это еще неизвестный ученым род деятельности артиста), а его жену Катерину – «певицей на той же службе» («*cantatrix in eodem servitio*»). У них в Петербурге родились дети: сын Ринальдо Пьетро Аугусто (крещен 7 февраля 1736 г.) [2, л. 52 об.] и дочь Анна Мария Феликса (крещена 14 марта 1737 г., вскоре скончалась) [2, л. 59 об.]. Катерина часто выступала крестной для других детей [2, л. 53 об., 55 об., 57]. Джорджи уволились в мае 1738 г. [7, с. 324].

Семья основоположника русского театрально-декорационного искусства Джироламо Бона (по прозвищу Момоло), надо полагать, пережила в Петербурге немало горестей из-за смерти новорожденных детей. Выходец из Венеции Джироламо Бон был театральным живописцем, а его жена Розина (Роза), происходившая из Болоньи, – певицей и актрисой-буфф. До замужества она носила фамилию Дзанетти (*Rosa Zainetti*), поэтому ее неверно отождествлять с певицей Розой Рувинетти-

Бон, как-то связанной с музыкантом Стефано Рувинетти [7, с. 227, 318; 9, с. 227]. У Джироламо и Розины Бон в 1737 г. родился сын Джованни Пьетро Карло, которого крестили 14 января 1737 г., причем крестными родителями стали императрица Анна Иоанновна и принц Карл Эрнст Бирон, младший сын герцога (по некоторым слухам, также и сын русской царицы) [2, л. 56]. Уже 20 февраля 1737 г. младенец умер и был погребен на Ямском кладбище. Весной 1740 г. у супругов Бон появилась на свет дочь Елена Ангелина, которая была крещена 7 мая, но прожила всего одиннадцать дней. Ее похоронили 18 мая 1740 г. на Калининском (Екатерингофском) кладбище [2, л. 67 об.].

Немало сведений в церковных реестрах находим о семьях Ринальди и Константины. Выдающийся хореограф и танцор Антонио Ринальди (по прозвищу Фоссано, или Фузано), блиставший на сценах Венеции и Лондона, приехал в Россию в апреле 1735 г. [9, с. 153]. Вместе с ним, в числе других артистов, прибыла и его будущая жена Джулия, урожденная Портези, балерина непревзойденной грации (ошибочно считается, что на момент приезда они уже находились в браке). Супруги Ринальди буквально стояли у истоков российского балета. 29 января 1736 г. вместе с Фоссано, еще не будучи его женой, Джулия исполняла на придворной сцене балетные номера между основными действиями оперы Франческо Арайи «Forza dell'amore e dell'odio» («Сила любви и ненависти»). Это была блестящая премьера. Неверно полагают, что Джулия, как жена Ринальди, умерла на следующий день после представления, а Фоссано будто бы «недолго носил траур» и 24 февраля вновь женился [9, с. 153–154]. На самом деле все произошло иначе – 24 февраля 1736 г. Фоссано действительно вступил в брак, но именно с Джулией Портези, которая никак не могла скончаться, судя по церковным записям, раньше 1737 г. Женидьба на ней нашла отражение в Камер-фурьерском журнале, где имеется запись: «Февраль, 24-го, вторник, в Зимнем Ея Императорского Величества доме имела свадьба Итальянской компании танцмейстера Фузана, и для бывшей при той свадьбе гостей трактирование столовым кушаньем и питьем отправлялось от двора Ея Императорского Величества» [7, с. 728]. Весной (с марта по май) 1736 г. Джулия числилась в «реестре» итальянских артистов. Она была жива и в самом конце года. Под 21 декабря 1736 г. в книге крещений костела читаем: «Джованни Пьетро, сын господина Антонио Ринальди, неаполитанца, первого танцовщика (primarii saltatoris) Е.И.В., и Юлии Портези, венецианки, его законной жены, также танцовщицы (similiter saltatricis) на службе Е.И.В., был окрещен о. Карло а Лукка, префектом...» [2, л. 58 об.]. Дата рождения их сына, очевидно, согласуется с фактом их свадьбы в феврале.

Танцора Антонио Ринальди («vulgo Fossano») неоднократно приглашали быть крестным [2, л. 51, 57, 58 об., 61]. Он овдовел в 1737 г. и затем женился на дочери актера Антонио Константины Антонине (Тонине), «прекрасной балерине» из их же труппы [14, с. 85, 87, 151]. В начале февраля 1738 г., в документах об увольнении и отпуске, Антонина Константины уже названа женой Ринальди [7, с. 318]. Ее семья происходила из Венеции – отец Антонио Константины был известным арлекином, входившим в состав петербургской труппы. Он был женат на Виктории, и у них в России родился сын Бартоломео, крещенный 22 августа 1737 г. и получивший имя в честь своего крестного, живописца Бартоломео Тарсия [2, л. 60 об.]. Джулия Портези и Тонина Константины, будучи еще девицами, танцевали на сцене вместе [7, с. 587].

Церковные реестры неопровержимо свидетельствуют о том, что артисты Коломбо, впоследствии с успехом игравшие при дворе Елизаветы [14, с. 154], уже были в России в 1733–1734 гг. Комедиант Фердинандо Коломбо, гениальный исполнитель роли Арлекина, состоял в «италианской компании» вместе с Порассизи, Дрейерами, Сакки и другими артистами при русском дворе. В декабре 1734 г. ему «з женою ево и з двумя детми» было разрешено уехать в Италию [7, с. 259]. Но за это время его жена Джованна, тоже артистка, успела ему родить в Петербурге троих детей (один из них, очевидно, умер в России). 18 мая 1733 г. Коломбо крестили сына Пьетро Фортунато [2, л. 42], а 28 июня 1734 г. – дочерей-двойняшек Екатерину и Марию [2, л. 46 об.].

Любопытные сведения обнаруживаем об актерском семействе Валкани (Велкани) из Падуи. Якоб Штелин отметил только одного Валкани – Антонио, игравшего Панталоне, но рядом с ним упомянул «превосходного первого любовника Бернарди и такую же хорошую примадонну Изабеллу» [14, с. 81], как будто бы не имеющих отношения к Антонио. Между тем актер Бернардо носил фамилию Велкани (возможно, был братом Антонио), а Изабелла была его женой. В метриках Бернардо именуется управляющим комедийной труппой на службе Е.И.В. («comediarum directoris»), у него с Изабеллой в Петербурге родились две дочери – Мария Анна (крещена 12 октября 1736 г. [2, л. 55 об.]) и Роза Мария Кассандра (крещена 20 ноября 1737 г. [2, л. 61]). Документы придворного ведомства Изабеллу Велкани называют Елизаветой («Бернард Велкани и жена ево Лизабет» [7, с. 302]), однако можно не сомневаться, что это одно и то же лицо. В коллежских документах, подготовленных в феврале 1738 г. при увольнении Валкани, читаем: «У Бернарда Вулкани – две дочери, Анна да Роза (оны девки написаны в пашпорт с матерью их Елисаветою)» [7, с. 321].

Естественно, церковные записи отразили пребывание в российской столице не только театраль-

ных служащих итальянского происхождения. В приходе состояли музыканты и артисты разных национальностей, в том числе немцы и французы. Католиком был валторнист Киттель (Кюттель) из Богемии, входивший в придворный штат с 1733 г. [7, с. 234, 315]. Он был женат на Елене Кристине, в браке с которой «прижил» детей: сына Леопольда Йозефа (январь 1736 г.), дочерей Беату Елену (январь 1738 г.) и Франциску (ноябрь 1740 г.) [2, л. 52, 56 об., 68]. Его коллега Иоганн Вильде, скрипач из Баварии и изобретатель новых инструментов, очень долго жил в России, где и скончался при Екатерине II [14, с. 82, 105, 108–109]. Он исповедовал католичество [2, л. 54 об.], но, как и Киттель, выступал крестным отцом для детей лютеран из прихода Св. Анны, например, в 1743 г. в чине «придворного музика» крестил дочь садовника Кристофа Тизенгаузена [16, л. 55–55 об.]. Из церковных реестров следует, что знаменитый французский балетмейстер Жан-Батист Ланде (Landais, Landé, Landau), учивший танцам цесаревну Елизавету Петровну [9, с. 153; 14, с. 149, 151–153], появился в Петербурге не в 1738 г., а не позднее февраля 1737 г., когда он крестил сына Антонио Берлиари, нареченного Джанбаттистой [2, л. 59]. Ланде еще как минимум дважды становился крестным отцом – в 1738 и 1739 гг. [2, л. 57 об., 64]. Он умер в 1748 г. [14, с. 153].

Книга крещений упоминает и многих других артистов. В ней отмечены: жена скрипача Джованни Пиантонида, певица и артистка Констанция Пиантонида, по прозвищу La Pasterla («Пастушка») (в июне 1735 г.) [2, л. 50 об.]; комедиант и певец из Флоренции Джованни Пьетро Петричи (Пердичи) (в мае 1733 г.) [2, л. 42]; оперный композитор и придворный капельмейстер Франческо Доменико Арайя (в мае 1736 г., январе 1738 г. и 1740 г.) [2, л. 53 об., 57, 66]; театральные машинист и художник-оформитель Карло Джибелли, а также его жена Екатерина (в январе 1736 г. и феврале 1740 г.) [2, л. 52, 66 об.]; мастер театральных эффектов («аппаратор») Стефано Буффелли, чье подлинное имя было Стефано Пиччинелли (Stephano Piccinelli dicto Buffel) (в мае 1733 г. и в феврале 1735 г.) [2, л. 42, 48 об.]; исполнители балета Козимо Каспаре Тези (Thesi) и его жена Джованна Елена, у которых в Петербурге родились две девочки (Анна-Мария Антония – в феврале 1736 г. [2, л. 52 об.], Мария Маргарита – в сентябре 1737 г. [2, л. 60 об.]).

Церковные реестры не только уточняют биографии, но и раскрывают некоторые особенности бытового поведения артистов, выявляют их «ментальную оснастку» (термин Люсьена Февра). Театральная среда уже в XVIII в. способствовала сексуальному раскрепощению, взаимному плотскому влечению. Как следствие, в этой среде обычным явлением было не только супружество партнеров по сцене, но и внебрачные связи. Уста-

новлено, что в «блудных» отношениях состояли скрипач-композитор Доменико Далольо (dall'Oglio) и актриса Роза Понтремоли. 23 октября 1736 г. у них родился сын Пьетро Фридерико, получивший фамилию матери, хотя свое отцовство музыкант все-таки признал [2, л. 55 об.]. У певицы Розы Рувинетти, незамужней женщины, при отпуске из России в начале 1738 г. был сын Иван, который умер до ее отъезда [7, с. 321]. У некоей девушки Кристины, служанки в доме комедианта Джеронима Феррари, от мужчины, пожелавшего остаться неизвестным, в 1737 г. родилась дочь Анна Мария [2, л. 59]. Вполне допустимо, что отцом девочки был сам Феррари, живший в России с семьей – женой Анной и дочерью Изабеллой [7, с. 321–322]. Восприемником Анны Марии, крещенной 6 февраля 1737 г., стал приятель Феррари, известный певец-кастрат из Болоньи Пьетро Мориджи.

Профессиональное театральное сообщество Петербурга имело все признаки замкнутой страты, о чем свидетельствует практика крестного родства (духовного попечительства) у иностранных артистов. Их интеграция даже в иноземный социум Петербурга затруднялась кратковременным пребыванием. Поэтому при крещении своих детей артисты обычно прибегали к поручительству тех, с кем играли на сцене. Книга крещений позволяет выделить сразу несколько линий духовного родства среди них. Во-первых, в крестовом родстве состояли семьи Эрмано, Мадонис, Ринальди и Аволио; во-вторых, – Кроуманн (Грюнеман), Понтремоли, Далольо, Графф и Валкани; в-третьих, – Верокаи, Графф, Аволио, Коломбо, Дреер, Петричи, Парассизи, Буффелли и Сакки; в-четвертых, – Гвер, Дреер и Пиантонида; в-пятых, Графф, Тарсия, Мадонис и Верокаи; в-шестых, – Бон, Сакко, Тарсия и Аволио; в-седьмых, – Джорджи, Валкани и Арайя². Артисты часто приглашали в крестные Пьетро Мира (Педрилло), занимавшего высокое положение при дворе. Мира был кумом Антонио Сакки, Доменико Далольо, Розы Понтремоли, Матиаса Граффа, Бернардо Валкани [2, л. 45, 55 об., 56, 61]. В круг повседневного общения артистов, конечно, входили и иноземцы других профессий и статусов, но в меньшем числе. Кумой Антонио Эрмано была Мари-Клодин Доом, жена ювелира [2, л. 57 об.]; Джованни Гвер духовно породнился с графом Франциском Потоцким [2, л. 39 об.]; Фердинандо Коломбо – с придворным врачом Ацаретти [2, л. 46 об.]. Ж.-Б. Ланде состоял в крестовом родстве с переводчиком Коммерц-коллегии Иоганном ван Акером, купцом Джульемо Гьямбелли и женой ювелира Граверо Елизаветой [2, л. 57 об., 59, 64]. Стефан Буффелли духовно породнился с военнослужащим Антонио Бианки и даже с некоей русской женщиной Аграфеной

² Ссылки на источники см. выше, при упоминании членов этих семей.

Степановой [2, л. 42, 48 об.]. Кумой Козимо Каспаре Тези являлась Маргарита Каравак, жена известного живописца Людовика [2, л. 60 об.].

К кругу артистов особенно был близок обергофмаршал граф Рейнгольд Густав фон Левенвольде. Ему было поручено нанимать актеров и музыкантов, обеспечивать их всем необходимым [7, с. 31, 140]. Социальное взаимодействие с ними у Левенвольде выходило далеко за пределы бытовой и театральной сфер. Его, лютеранина, весьма часто приглашали в крестные артисты-католики: Верокаи, Гвер, Джорджи (дважды), Тези (дважды), Луиджи Мадонис, Бернардо Валкани и др. [2, л. 45 об., 50 об., 52 об., 54, 55 об., 59 об., 60 об.]. Принцесса Мекленбургская Анна Леопольдовна, православного вероисповедания, не менее шести раз участвовавшая вместе с Левенвольде в церковных церемониях католиков, тоже входила в круг «друзей» итальянцев. Вместе с Левенвольде она крестила детей Джорджи, Мадониса и Тези. То же самое можно утверждать в отношении Элеоноры Гогенгольцер, жены секретаря австрийского посольства в России Николауса Себастиана, крестившей детей Верокаи и Парассизи [2, л. 45 об., 46].

Выводы

Уникальные биографические сведения об артистах, содержащиеся в книге крещений петербургского католического прихода, свидетельствуют о безусловной ценности этого и других подобных источников. Проведенное исследование показывает, что в парадигме межкультурной коммуникации невозможно изучать социальное взаимодействие и повседневные практики иностранных специалистов без обращения к церковным архивам. Повседневность иноземных актеров, певцов и музыкантов при дворе Анны Иоанновны включала в себя одновременно и внебрачное сожитие, и общение в рамках церковного прихода. Артисты-католики стали колоритной частью петербургского социального ландшафта, но сохраняли относительную замкнутость.

Литература

1. Иванов, Д. Мы по-настоящему очень мало знаем про XVIII век // Санкт-Петербургские ведомости. 14 ноября 2018 г. – URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/lyudi_osmnaatsatogo_veka/ (дата обращения: 07.02.2026).
2. Центральный государственный историче-

ский архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. 68 л.

3. Сиповский, В. В. Итальянский театр в Санкт-Петербурге при Анне Иоанновне (1733–1735 гг.) / В. В. Сиповский // Русская старина. – 1900. – № 6. – С. 593–611.

4. Всеволодский-Гернгросс, В. Н. Театр в России при императрице Анне Иоанновне / В. Н. Всеволодский-Гернгросс // Ежегодник императорских театров. – 1913. – Вып. 3. – С. 1–34; Вып. 4. – С. 40–62.

5. Финдейзен, Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века / Н. Ф. Финдейзен. – М.-Л. : Гос. изд-во Музсектор, 1928. – Т. 2. – Вып. 4. – [6], 92, XXII с.

6. Келдыш, Ю. В. Русская музыка XVIII века / Ю. В. Келдыш. – М. : Наука, 1965. – 464 с.

7. Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны : документальная хроника. 1730–1730 / сост. Л. М. Старикова. – М. : Радикс, 1995. – Вып. 1. – 752 с.

8. Старикова, Л. М. Театр в России XVIII века: Опыт документального исследования / Л. М. Старикова. – М. : Гос. центр. театр. музей им. А. А. Бахрушина, 1997. – 152 с.

9. Mooser, R.-Aloys. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII-e siècle / R.-Aloys Mooser. – Genève : Mont-Blanc, 1948. – Т. 1. – 411, [50] p.

10. Феррацци, М. Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны. 1731–1738 / М. Феррацци ; пер. с итал. яз. А. О. Демина. – М. : Наука, 2008. – 310, [1] с.

11. Феррацци, М. Петербургское турне семейства Сакко (1733–1734) / М. Феррацци // XVIII век. Сб. 26. – СПб. : Наука, 2011. – С. 36–51.

12. Старикова, Л. М. Новые документы о деятельности итальянской труппы в России в 30-е годы XVIII в. и русском любительском театре этого времени / Л. М. Старикова // Памятники культуры: Новые открытия. 1988. – М. : Наука, 1989. – С. 67–95.

13. Келдыш, Ю. В. История русской музыки / Ю. В. Келдыш, О. Е. Левашева. – М. : Музыка, 1984. – Т. 2. – Ч. 1. – 334, [2] с.

14. Штелин, Я. Музыка и балет в России XVIII века / Я. Штелин. – Л. : Тритон, 1935. – 189, [3] с.

15. ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. 94 л.

16. ЦГИА СПб. Ф. 1896. Оп. 1. Д. 1. 168 л.

Андреев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и нового времени, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), e-mail: alxand@yandex.ru. ORCID 0000-0003-2589-2052

Поступила в редакцию 12 февраля 2026 г.

THEATER ACTORS, SINGERS, AND MUSICIANS AT THE COURT OF ANNA IOANNOVNA ACCORDING TO THE ARCHIVES OF ST. CATHERINE'S CATHOLIC CHURCH IN ST. PETERSBURG

A. N. Andreev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

The relevance of this study stems from the lack of biographical information about foreign musicians, singers, and actors in Russia during the reign of Anna Ioannovna. The article aims to clarify the personal data of these artists, as well as to reconstruct their social relationships, based on the registers of the Catholic Church in St. Petersburg. The theoretical basis of this study is Emmanuel Le Roy Ladurie's concept of microhistory, which emphasizes the importance of social connections. This article provides new insights into the famous theatrical families of Europe, such as the Madonis violinists, the Sacci comedians, the Giorgi opera singers, the Rinaldi ballet dancers, and others. The author also examines certain aspects of the everyday behavior and "mental makeup" of these artists. The article suggests that the theatrical environment contributed to the sexual liberation of those who attended, leading not only to frequent marriages between stage partners, but also to the spread of extramarital affairs. The author concludes that Ober-Hofmarshal Reinhold Gustav von Löwenwolde was particularly close to the artistic community. Löwenwolde's interactions with Italian artists went far beyond business and theatre.

Keywords: artists, musicians, court theater, the era of Anna Ioannovna, Catholics of St. Petersburg.

References

1. Ivanov D. My po-nastoyashhemu ochen' malo znaem pro XVIII vek [We Really don't Know Much about the 18th Century]. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/lyudi_osmnadtsatogo_veka/ (date of accessed: 07.02.2026).
2. Central'nyi gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg (CSHA SPb)]. F. 347. Op. 1. D. 31.
3. Sipovsky V.V. Italiyskiy teatr v Sankt-Peterburge pri Anne Ioannovne (1733–1735 gg.) [The Italian Theater in St. Petersburg during the Reign of Anna Ioannovna] // *Russkaya starina*. 1900. № 6. P. 593–611.
4. Vsevolodsky-Herngross V.N. Teatr v Rossii pri imperatritse Anne Ioannovne [The Theatre in Russia under Empress Anna Ioannovna] // *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov*. 1913. Vyp. 3. P. 1–34; Vyp. 4. P. 40–62.
5. Findeisen N.F. Ocherki po istorii muzyki v Rossii [Essays on the History of Music in Russia]. Moscow; Leningrad, 1928. Vol. 2, Iss. 4, [6], 92, XXII p.
6. Keldysh Y.V. Russkaya muzyka XVIII veka [Russian Music of the XVIII Century]. Moscow, 1965. 464 p.
7. Tetral'naya zhizn' Rossii v epokhu Anny Ioannovny [The Theatrical Life of Russia during the Reign of Anna Ioannovna]: dokumental'naya khronika. Moscow, 1995. Vyp. 1. 752 p.
8. Starikova L.M. Teatr v Rossii XVIII veka: Opyt dokumental'nogo issledovaniya [The Theatre in 18th-Century Russia: A Documentary Study]. Moscow, 1997. 152 p.
9. Mooser, R.-Aloys. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII-e siècle [Annals of Music and Musicians in Russia in the 18-th Century]. Genève, 1948, Vol. 1. 411, [50] p.
10. Ferrazzi M. Komediya del' arte i eyo ispolnitely pri dvore Anny Ioannovny. 1731–1738 [The Comedy of Del Arte and its Performers at the Court of Anna Ioannovna]. Moscow, 2008. 310, [1] p.
11. Ferrazzi M. Peterburgskoe turne semeystva Sakko (1733–1734) [St. Petersburg Tour of the Sacco Family] // *XVIII vek*. Saint-Petersburg, 2011. Sb. 26. P. 36–51.
12. Starikova L.M. Novye dokumenty... [New documents...] // *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya*. 1988. Moscow, 1989. P. 67–95.
13. Keldysh Y.V., Levasheva O.E. Istoriya russkoy muzyki [The History of Russian Music]. Moscow, 1984. T. 2. P. 1. 334, [2] p.
14. Staehlin J. Muzyka i balet v Rossii XVIII veka [Music and Ballet in Russia of the XVIII Century]. Leningrad, 1935. 189, [3] p.
15. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 40. Op. 1. D. 1.
16. CGIA SPb [CSHA SPb]. F. 1896. Op. 1. D. 1.

Alexander N. Andreev – D. Sc. (History), Professor of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Russian State University for the Humanities (Moscow), e-mail: alxand@yandex.ru

Received February 12, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреев, А. Н. Актеры, певцы и музыканты при дворе Анны Иоанновны по данным архива католической церкви Св. Екатерины в Петербурге / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 6–14. DOI: 10.14529/ssh260201

FOR CITATION

Andreev A. N. Theater actors, singers, and musicians at the court of Anna Ioannovna according to the archives of St. Catherine's Catholic church in St. Petersburg. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 6–14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260201

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРЕВОД ТЕАТРОВ СССР НА САМООКУПАЕМОСТЬ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

С. А. Баканов, М. Ю. Петухов

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Театральное искусство с момента образования СССР взяло на себя важную функцию по просветительской и воспитательной работе с населением. Для достижения этих целей государство предоставляло театральным учреждениям значительные государственные дотации. Однако в послевоенный период, когда приоритетом распределения ресурсов стало восстановление страны, правительство издало Постановление Совета Министров № 537 «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности». Согласно данному постановлению, лишь небольшая часть театров сохранила государственное финансирование, в то время как остальные учреждения были обязаны перейти на самоокупаемость. Цель настоящей статьи – проследить последствия данной реформы для развития театральных учреждений крупного региона – Челябинской области, где по состоянию на 1 января 1946 г. действовало 10 профессиональных театров местного и республиканского подчинения. Источниковая база исследования представлена законодательными документами, делопроизводственной документацией. В данной статье авторы предпринимают попытку применения теории «опекаемых» благ для анализа процесса сокращения дотаций, предоставляемых театральным учреждениям. В процессе исследования авторы пришли к выводу, что театральные учреждения, лишённые государственной поддержки, оказались в сложной экономической ситуации, что привело к их закрытию. В Челябинской области из 10 театров, функционировавших до проведения реформы, к началу 1950-х годов осталось только 4. Театры, продолжившие свою деятельность, смогли выжить во многом благодаря государственным дотациям. Однако даже им пришлось искать альтернативные способы решения проблем, включая оптимизацию расходов, увеличение количества постановок и постоянное обновление репертуара для привлечения аудитории. Несмотря на определенные недостатки, реформа способствовала коммерческому развитию театров и заложила основу для будущих изменений в культурной политике 1950-х годов.

Ключевые слова: сталинское искусство, театры, экономика культуры, самоокупаемость искусства, опекаемые блага, послевоенный сталинизм, культура Челябинской области, СССР в конце 1940-х годов.

Введение

Сфера искусства в СССР с первых лет существования пролетарского государства находилась под пристальным вниманием политического руководства страны. Предполагалось, что искусство, в том числе и театральное, должно было не столько развлекать, сколько просвещать и воспитывать граждан, формируя новый «социалистический» тип личности. Следует заметить, что государство не просто требовало от учреждений культуры выполнения этих задач, но и было готово выделять для их решения необходимые ресурсы. В 1920–1930-е гг. советское театральное искусство, в числе прочих, попало под государственную опеку, проявляемую в виде обширных дотаций и субсидий, направляемых на поддержку театральных учреждений. В 1935 г. был создан Государственный комитет по делам искусства при Совете народных комиссаров СССР, через который осуществлялось управление и финансирование данной сферы.

В 1940 г. в СССР насчитывалось 885 театров, валовый сбор которых от продажи билетов составил 437 млн руб., при этом одна только заработная

плата работников театров достигла 454 млн руб., а общие расходы театров в этом году превысили 813 млн руб. Разница была покрыта дотацией из государственного бюджета [1]. Даже в тяжелейшее военное время государственная дотация театрам сохранялась. В первую очередь на нее могли рассчитывать театры союзного подчинения, такие как Государственный академический Большой театр, Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, театр им. Е. Б. Вахтангова или Московский художественный академический театр. Театры республиканского и местного подчинения также получали меры государственной поддержки. К 1943 г. из-за оккупации части территории страны, эвакуации части театральных учреждений и мобилизации в действующую армию артистов сеть театров СССР сократилась до 477 единиц, а затем вновь начала расти, почти восстановив свою довоенную численность. В 1947 г. в СССР действовало уже 814 театров, которые получали дотацию на сумму 714 млн руб., что почти вдвое превышало довоенный объем дотации [2].

Однако в годы четвертой пятилетки, когда «львиная доля» ресурсов направлялась на восстанов-

ление народного хозяйства и прорывы в области создания новых видов вооружения, правительство пересмотрело свой подход к финансированию сферы театрального искусства. 4 марта 1948 г. было издано Постановление Совета Министров № 537 «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности», в соответствии с которым должны были быть пересмотрены производственно-финансовые планы всех театров СССР. Дотация должна была сохраниться как временная мера лишь для ограниченного круга «избранных» театральных учреждений, в то время как все остальные театры должны были перейти на полную самоокупаемость [2].

Цель настоящей статьи – проследить последствия данной реформы для развития театральных учреждений крупного региона – Челябинской области, где по состоянию на 1 января 1946 г. действовало 10 профессиональных театров местного и республиканского подчинения.

Исследование базируется на изучении производственно-финансовых планов, отчетов и других делопроизводственных материалов из фондов Р-914 (Комитет по делам искусств Челябинского облисполкома), Р-1360 (Челябинский государственный академический театр драмы им. Наума Орлова), Р-1632 (Челябинский государственный театр кукол им. В. Вольховского), Р-1877 (Челябинский театр музыкальной комедии), отложившихся в Объединенном государственном архиве Челябинской области. Также привлекались документы из фонда 7733 (Министерство финансов СССР) Российского государственного архива экономики и ряд постановлений Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б).

Обзор литературы

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии послевоенный период развития советской культуры принято рассматривать в контексте укрепления государственной идеологии и диктатуры И. В. Сталина. Основное внимание авторов привлекает в этом вопросе изменение государственной политики в отношении культуры, ужесточение цензуры, жесткое регулирование репертуара театров, «ждановщина» и политические кампании против «космополитизма и низкопоклонства перед Западом». В этом ключе развитие культуры СССР в послевоенный период рассматривают Е. Ю. Зубкова [3], А. А. Данилов [4], А. В. Пыжиков [4], В. Эггелинг [5], Чжуан Юй [6].

В региональном измерении на материалах Южного Урала проблема перехода театральных учреждений на самоокупаемость рассматривалась в работах А. Г. Алятиной [7–9], Н. А. Дегтяревой [7], Р. Р. Хисамутдиновой [9], М. С. Трифионовой [10]. Объединяет данные исследования общий подход к рассматриваемой проблеме через призму влияния на финансовые показатели театров партийных постановлений, регулирующих их репер-

туар. Это Постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» [11] и от 10 февраля 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» [12]. С точки зрения вышеназванных авторов именно идеологическое вмешательство партийно-государственной власти привело к трудностям с привлечением зрителей в театры и, в конечном счете, к трудностям выхода театральных учреждений на уровень самоокупаемости.

Методы исследования

Участие государства в финансировании учреждений культуры в историко-экономических исследованиях принято описывать в категориях общественного блага и общественных финансов. Данный подход был предложен в 1950-е гг. американским экономистом Р. Масгрэйвом, который доказал, что общественный сектор является неотъемлемой частью национальной экономики, и выявил некоторые законы его развития [13]. В частности, он показал, что государство может быть заинтересовано в стимулировании производства некоторых общественных благ, спрос на которые со стороны населения недостаточен, но, по мнению представителей государства, – желателен. Такие блага получили название «мериторных» или «опекаемых» [14]. Положения данной теории были развиты в 1960-е гг. в работе У. Баумоля и У. Боуэна, рассмотревших проблему роста затрат на производство продукта в исполнительских искусствах. Изучая рыночную экономику, они пришли к выводу, что из-за фактора конкуренции на рынке труда затраты на заработную плату в исполнительских искусствах растут существенно быстрее, чем производительность труда [15]. Эта закономерность получила название «эффекта Баумоля». В настоящей статье предлагается адаптировать элементы теории «опекаемых» благ к реалиям советской плановой экономики и проанализировать ситуацию сокращения государственной опеки по отношению к одному из видов искусства.

Результаты и дискуссия

Перевод театров на самоокупаемость в 1948 г. не был какой-то отдельной самостоятельной реформой, касающейся узко сферы искусства. Он являлся частью государственного курса на восстановление нормального функционирования экономики, ликвидацию чрезвычайных мер военного времени и общее сокращение бюджетных дотаций. В феврале 1948 г. на пост министра финансов был назначен А. Н. Косыгин, являвшийся на тот момент кандидатом в члены Политбюро. Именно ему И. В. Сталин поручил восстановление на государственных предприятиях и в учреждениях принципов хозрасчета, нарушенных в годы войны. По данным А. В. Сафронова и Н. Ю. Пивоварова, если в 1940 г. дотация из бюджета хозорганам составляла 5,1 млрд руб., то по плану 1947 г. она достигла 37,9 млрд, то есть увеличилась в 7 раз

[16]. Одной из первых инициатив А. Н. Косыгина, по которой в Минфине СССР и Госплане СССР сложился консенсус, было снижение дотации нерентабельным учреждениям культуры, которое и вылилось в принятие 4 марта 1948 г. Постановления Совета Министров «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности». К этому моменту А. Н. Косыгин проработал в новой должности всего 16 дней. В июле 1948 г., также по инициативе А. Н. Косыгина, дотации будут ограничены во всех остальных сферах экономической жизни, в том числе в промышленности и строительстве. Саму систему дотаций предполагалось сохранить как временную меру на период до 1950 г. а в дальнейшем от нее полностью отказаться.

В Постановлении от 4 марта 1948 г. практика финансирования и покрытия убытков театров за счет бюджетов разного уровня признавалась порочной и ведущей к тому, что директора и художественные руководители театров стали допускать излишества в расходовании средств на театральные постановки и имели чрезмерно раздутые театральные штаты. По мнению правительств, ненормальной являлась ситуация, когда многие артисты систематически не участвовали в спектаклях, а значительное количество театральных служащих явно являлось излишним. Осуждалась как иждивенческая и практика распределения бесплатных билетов для наполнения зрительного зала. В Постановлении подчеркивалось: «Зная, что государство покроет все их убытки, многие руководители театров встают на путь нарушения хозяйственного расчета, не интересуются финансовой стороной дела и растранижают государственные средства» [2]. В связи с этим с 15 марта 1948 г. абсолютное большинство театров было снято с бюджетной дотации и переведено на полную самоокупаемость. Исключения были сделаны только для театров союзного подчинения и некоторых театров республиканского подчинения, среди которых в специальном списке оказались театры оперы и балета в таких городах, как Горький, Молотов, Новосибирск, Свердловск, Куйбышев и Саратов, а также аналогичные театры в столицах союзных республик.

В течение 1948 и 1949 гг. союзный, республиканские и региональные комитеты по делам искусств приводили подчиненные им сети театральных учреждений в соответствие с новыми рекомендациями. Многие театры не смогли пережить этих нововведений и сеть учреждений стала быстро сокращаться. К 1950 г. из 814 театров в СССР осталось 546. Однако полностью отказаться от дотации не получилось. Оперных театров осталось 30 из 37, и все они продолжали получать государственную дотацию, без которой содержать огромные коллективы исполнителей, музыкантов, костюмеров, декораторов и т. д. было практически

невозможно. Драматических театров осталось 385 (из 563 до реформы), и 167 из них также получали дотацию. Без дотации вынуждены были обходиться 26 театров музыкальной комедии (в 1947 г. их было – 42), 31 театр юного зрителя (до реформы их было 51) и 74 кукольных театра (из 121 до реформы). Кроме всего прочего, было расформировано 73 государственных музыкальных оркестра [17].

Таблица 1

Финансовый план театров союзного подчинения на 1950 г. (млн руб.) [18]

Table 1

Financial plan for theaters under Union control for 1950 (million rubles) [18]

	доходы	расходы
Государственный академический Большой театр	23	42
Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова	8	23
Малый академический театр оперы и балета (г. Ленинград)	4,8	8,8
Московский художественный академический театр	14,1	14
Государственный академический Малый театр (г. Москва)	10,9	12,8
Театр им. Е. Б. Вахтангова	4,9	5
Центральный детский театр	2,2	4,1
Ленинградский драматический театр им. А. С. Пушкина	5,4	6
Ленинградский театр комедии	4,1	3,9

Как видно из табл. 1, именно театры оперы и балета требовали наибольшего объема государственной дотации для покрытия собственных расходов, и главным получателем дотации был Государственный академический Большой театр. Суммарно из союзного бюджета на дотацию театрам в 1950 г. будет выделено 42,2 млн руб. В 1953 г. театры союзного подчинения получают 44 млн руб. и еще 27,9 млн руб. получают государственные музыкальные коллективы и филармонии Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР [19]. Таким образом, достигнуть поставленной цели – полного отказа от дотации – не получилось, но при этом сеть театров продолжила сокращаться и дальше. В 1955 г. в СССР останется 499 театров, 228 из которых будут исправно получать государственную дотацию [20].

На микроуровне отдельных театральных учреждений местного и республиканского подчинения финансовые проблемы проявлялись более выпукло. Так, в Челябинской области в 1946 г. действовало 10 профессиональных театров, в том числе 3 театра в областном центре (Челябинский драматический, Челябинский кукольный и Челябинский театр оперетты) и 7 драматических в городах области: Магнитогорске, Златоусте, Троицке, Кыштыме, Миассе, Копейске и Кусе.

Однако уже в 1946 г. (т. е. еще до выхода постановления 1948 г.) был закрыт Кусинский драматический театр, имевший убыток в 72,8 тыс.

Исторические науки

руб. Его имущество было передано Троицкому драматическому театру, а долг передан в Госбанк СССР [21]. Сразу после выхода постановления 1948 г. закрылся Кыштымский драматический театр, имевший задолженность в размере 68,5 тыс. руб. [22] В 1950 г. будет закрыт Копейский драматический театр, а Миасский драматический будет присоединен к Златоустовскому драматическому театру. Главными причинами финансовых проблем театральных учреждений было регулярное невыполнение планов по посещению зрителями постановок (см. табл. 2).

Таблица 2

Выполнение плана посещения зрителями постановок театров Челябинской области в 1946–1949 гг. (тыс. человек) [23–25]

Table 2

Fulfillment of the audience attendance plan for theaters in the Chelyabinsk region in 1946–1949 (thousand people) [23–25]

театры	1946		1947		1948		1949	
	план	факт	план	факт	план	факт	план	факт
Магнитогорский драматический	317,2	189,1	209	96	130	98	110	60
Златоустовский драматический	134	82	99,4	58,6	103	85,3	133	93,3
Троицкий драматический	73	30	60	60	60	56	н.д.	н.д.
Кыштымский драматический	69	18	н.д.	н.д.	–	–	–	–
Миасский драматический	45,7	14,8	н.д.	н.д.	60	54,5	58	103
Копейский драматический	30,2	2,3	17,5	13,5	75	53	126	73

Только одному театру – Троицкому – и только один раз за рассматриваемый период удалось выполнить план. Но и это не спасло старейший театр региона от закрытия. Проработав с 1881 г., получив в 1946 г. имущество Кусинского театра, он тем не менее был закрыт в 1950 г. По всем остальным театрам процент выполнения плана по зрителям в среднем составлял в 1946 г. – 38 %, в 1947 г. – 70 %, в 1948 г. – 82 % и в 1949 г. – 90 %. Как видно из приведенных данных, динамика постепенно выправлялась. Но это происходило в значительной мере за счет ликвидации проблемных учреждений. Не выполнялись и планы театров по количеству спектаклей. Так, с некоторым перевыполнением плана по числу спектаклей отработали только Магнитогорский и Златоустовский драматические театры, но это им удавалось далеко не каждый год. В среднем же план по числу спектаклей театры области в 1946 г. выполнили на 64 %, в 1947 г. – на 80 %, в 1948 г. – на 93 %, в 1949 г. – на 89 %.

Колебание зрительского интереса к театральным постановкам в Челябинской области может

быть объяснено действием сразу же нескольких факторов.

Во-первых, это определенная «избалованность» южноуральского зрителя качественными постановками в предшествующий период. В годы войны в Челябинск был эвакуирован Государственный академический Малый театр [26], в Магнитогорск – Московский театр сатиры, в Златоуст – Орловский, а в Копейск – Воронежский драматические. С гастрольями приезжали в Челябинскую область хор имени Пятницкого, ансамбль народного танца под руководством И. Моисеева, Московский государственный театр-студия имени К. С. Станиславского, Московский государственный театр оперетты, Московская государственная балетная студия имени Айседоры Дункан, цирк Дурова и другие прославленные коллективы. Уже после окончания войны, летом 1945 г., в Челябинской области два месяца гастролировала труппа Ленинградского государственного театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

Во-вторых, это довольно плачевное материально-техническое состояние некоторых театров. Например, в 1947 г. директор Златоустовского драматического театра в своем отчете перед областным комитетом по делам искусств отмечал, что в театре выбито и заколочено досками около половины окон, во всем театре имелось только четверть работающих лампочек, а из-за нехватки топлива регулярно отсутствовало отопление [27]. Здание, в котором находился Челябинский театр оперетты, находилось в аварийном состоянии, и театр вынужден был перебраться в здание бывшего кинотеатра, находящееся в 5 километрах от центра. Как отмечалось в отчете директора, «дорога, ведущая к театру, неблагоприятна и не освещена, трамвайное сообщение не налажено, а другие виды транспорта совершенно отсутствуют» [28]. Все это не могло не снижать зрительскую мотивацию.

В-третьих, свой вклад в изменение посещаемости театров, безусловно, внес и выход в 1946 г. Постановления ЦК «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». По оценкам А. Г. Алятиной и Н. А. Дегтяревой, после принятия данного постановления в репертуаре театров Челябинской области произошли кардинальные изменения. Удельный вес постановок по пьесам советских драматургов достиг 70 % репертуара, произведения русской классики составили 10 %, западной классики – 10 %, а современной иностранной драматургии – 10 % [7]. При этом посещаемость была все-таки выше на менее идеологизированных постановках. Так, по подсчетам М. С. Трифионовой, спектакли Челябинского театра оперетты в 1949 г. посетило 132 тыс. зрителей, из которых 78 тыс. человек отдали предпочтение зарубежным музыкальным комедиям и опереттам. В среднем на этих спектаклях посещаемость была 405 человек

на представление. Постановки же по пьесам отечественных авторов («Вольный ветер», «Свадьба в Малиновке», «Есть на Волге городок», «Сорочинская ярмарка» и др.) посетили 54 тыс. зрителей, при средней наполняемости зала в 365 человек. По мнению исследователя, в данном случае именно смена репертуара привела к падению уровня посещаемости. А показ оперетты «Любовь актрисы» К. Бенца в марте 1950 г. вообще прошел в пустом зале – из 744 мест было занято только 67 [29].

Челябинский театр оперетты из-за неблагоприятных обстоятельств, связанных с ремонтом его основного здания и необходимостью скитаться по гастролям по области и временным площадкам на предприятиях города, лишился последнего помещения для репетиций и других подготовительных работ, необходимых для выпуска и постановки спектаклей. Вместо 316 спектаклей по плану 1946 г. состоялось только 150, а зрителей удалось привлечь в три раза меньше намеченного. В 1947 г. ситуация повторилась: из 303 спектаклей состоялось 198, и зрителей их посетило менее половины от плана. Одновременно отсутствие своего помещения увеличивало и расходы театра на аренду площадок для выступлений, а также на найм жилья и съем гостиничных номеров для театральной труппы. Театр ежегодно генерировал финансовые убытки. Если в 1946 г. они составили 246 тыс. руб., то в 1947 г. они резко возросли до 1,7 млн руб. В 1948 г. убытки несколько снизились – до 1,1 млн руб., но все равно остались чрезмерно высокими, особенно в свете новых требований по выходу на уровень самоокупаемости.

К 1 января 1949 г. у театра образовалась задолженность в размере 478 тыс. руб. Кроме того, за первые четыре месяца 1949 г. убытки театра уже превысили 880 тыс. руб. В связи с этим 22 мая 1950 г. по инициативе облисполкома была сформирована комиссия по ликвидации театра (ликвидком). В связи с длительным периодом нахождения в состоянии задолженности, театр допустил задержки в выплате заработной платы своим сотрудникам. Комиссия рассматривала все претензии по невыплатам индивидуально. Например, товарищу Мейселю была произведена выплата в размере 1000 руб. Товарищ Сагалова получила компенсацию за работу в праздничные дни 1 и 2 мая. Товарищ Павлова потребовала оплату за проведение двух концертов, и её требование было удовлетворено. Претензии также поступали от других организаций, перед которыми у театра имелась задолженность. Например, дирижёр оркестра одной из воинских частей обратился с требованием о возврате 1200 руб. за исполнение оркестровых произведений [30].

В дополнение к вышеуказанным мероприятиям, комиссия инициировала процедуру реализации театрального имущества различным государственным

учреждениям. Так, люстры театра были переданы на баланс завода имени С. Орджоникидзе, шторы из тюля – Кировскому заводу, грузовой автомобиль – дезинфекционной станции, а здание, ранее принадлежавшее театру и использовавшееся в качестве складского помещения, было передано районной электростанции. Несмотря на принятые комиссией меры, значительная часть безнадежных долгов была списана. Оставшееся имущество театра было передано в собственность Челябинской филармонии, а сотрудники театра, прежде всего музыканты и солисты, были трудоустроены в данное учреждение [30].

Без собственного стационара в рассматриваемый период остался и Челябинский театр кукол. Выделенное театру школьное здание сначала было переоборудовано в госпиталь, а потом опять перепрофилировано. Поэтому уже в годы войны в качестве основной формы своей деятельности коллектив театра вынужден был избрать выездную. Стационар, по плану театра, сохранялся лишь частично за счет арендуемых летних городских площадок – скверов и парков отдыха. Отдельной статьей доходов были выступления в детских садах и школах. Коллектив театра был небольшим, что позволяло экономить на некоторых штатных единицах. Зачастую это приводило к тому, что театр мог на длительное время оставаться, например, без штатного художника-оформителя, и его функции распределялись между актерами труппы и техническими работниками сцены. Театр во второй половине 1940-х гг. также генерировал убытки, но их размер был несопоставимо мал по сравнению с театром оперетты (от 19 до 57 тыс. руб. в год).

Наибольший убыток в 90 тыс. руб. был получен в 1949 г., когда после ухода из жизни своей основательницы Н. А. Горяновой театр на несколько месяцев остался без режиссера. В этих обстоятельствах актерам пришлось самостоятельно заниматься постановкой спектаклей, что неизбежно привело к снижению их художественного уровня и, как следствие, к ухудшению финансовых показателей театра. По мнению областного комитета по делам искусства, спектакли кукольного театра в этот период «отличались бедностью и убожеством режиссёрской мысли, примитивностью внешних средств выражения, неумением связать единым режиссёрским замыслом все компоненты спектакля» [31]. Тем не менее, уже в 1950 г. ситуация начала выправляться. Новым режиссером стал С. М. Лещинский, который способствовал тому, что театр вместо убытков впервые принес прибыль в размере 75 тыс. руб. и в дальнейшем уверенно вышел на показатели самоокупаемости.

Помимо театра кукол, реформу 1948 г. из 10 театральных учреждений Челябинской области смогли пережить еще только три – Златоустовский, Магнитогорский и Челябинский драматиче-

ские театры. Все они, тем не менее, оставались дотационными, так как продолжали генерировать убытки. При этом Магнитогорский и Златоустовский театры финансировались из местного бюджета, в то время как Челябинский драматический театр им. С. М. Цвиллинга находился в республиканском подчинении и получал дотацию из бюджета РСФСР.

В Магнитогорске за театр вступилось градообразующее предприятие – Магнитогорский металлургический комбинат, – который, по сути, компенсировал городскому бюджету затраты на его содержание. Это неизбежно отразилось на ухудшении финансовых показателей деятельности театра. Имея за спиной поддержку комбината, руководство театра могло позволить себе не стремиться к полной самоокупаемости и даже увеличивать расходы на постановки. Размер убытков стал увеличиваться: с 260 тыс. руб. в 1948 г. до 317 тыс. руб. в 1949 г. и до 723 тыс. в 1950 г. [24, 25, 32]. После этого уже комбинат был вынужден ограничить запросы опекаемого им творческого коллектива.

В Златоусте драматический театр получил помощь от областного комитета по делам искусств в виде присоединения к нему Миасского драматического театра. Это несколько расширяло как творческие, так и материальные возможности театра. Город Златоуст к этому моменту являлся довольно крупным промышленным и культурным центром, обслуживающим интересы и потребности обширной горнозаводской зоны, включающей 7 городов и 5 административных районов. Все это позволяло, с точки зрения комитета по делам искусств, рассчитывать на привлечение широкой зрительской аудитории. Кроме того, не имея такого же сильного индустриального партнера, который имелся в Магнитогорске, руководство Златоустовского театра вынуждено было демонстрировать ежегодное снижение убытков с 457 тыс. руб. в 1947 г. до 317 тыс. руб. в 1949 г. и до 150 тыс. в 1950 г. [24, 25, 32]. Данное снижение обеспечивалось, с одной стороны, ростом доходов от основной деятельности, а с другой – сокращением общехозяйственных и административных расходов театра.

Аналогичный путь сокращения расходов вынужден был избрать и находившийся в несколько привилегированном положении Челябинский театр драмы им. С. М. Цвиллинга. С 1947 г. по 1949 г. расходы театра сократились почти на треть – с 3 млн руб. до 2,1 млн руб. [33–37]. Тем не менее, это не спасало театр от убытков, которые в эти же годы составляли от 845 тыс. руб. до 1 млн руб. В результате театру ежегодно требовалась дотация. В 1947 г. она была предоставлена из республиканского бюджета в размере 697 тыс. руб., в 1948 г. – 743 тыс. руб., а в 1950 г. – 490 тыс. руб. [38–44]. План по количеству спектаклей театр год

от года не выполнял. В основном это касалось утренних спектаклей, стоимость билетов на которые была в два раза ниже (8 руб. вместо 16 за место в партере и 5 руб. вместо 10 руб. за место на балконе). Утренние спектакли приходилось приносить в жертву, чтобы выделить дополнительное время на репетиции накануне премьер. При этом, чтобы привлечь зрителей театр обновлял репертуар на 100 % практически каждый год, следовательно, премьер было много. Возникла парадоксальная ситуация, когда план по числу зрителей регулярно перевыполнялся, а план по доходам – нет. Чтобы компенсировать разницу между доходами и расходами руководство театра сделало ставку на более активную выездную и гастрольную деятельность, которая стала приносить в начале 1950-х гг. более четверти от всех доходов театра. В 1952 г. театр впервые получил прибыль (30 тыс. руб.) вместо убытков, что на некоторое время позволило отказаться от дотации, а в дальнейшем значительно сократить ее размер.

Выводы

Реформа финансирования театральных учреждений 1948 г. наглядно продемонстрировала, что в социалистической плановой экономике государственная опека искусства играет едва ли не большую роль, чем в экономике рыночной. В послевоенном СССР театральное искусство не являлось аналогом капиталистического шоу-бизнеса, так как выполняло ряд просветительских и воспитательных задач, зачастую не совместимых с прибылью. Поэтому принудительный перевод театров на самоокупаемость потребовал от их руководителей и коллективов новых художественных, управленческих и финансовых решений, к которым многие из них оказались не готовы. Оставшиеся без государственной опеки театры были поставлены на грань выживания, и лишь немногим из них удалось использовать неблагоприятные внешние обстоятельства для повышения своей эффективности и рентабельности.

В Челябинской области из 10 театров, работавших до реформы, к началу 1950-х гг. осталось только 4 (40 %). Для сравнения, в Чкаловской (Оренбургской) области реформу пережили 6 из 7 театров, а в Курганской области – два из двух. В первую очередь закрывались театры в городах с численностью жителей менее 100 тыс. человек. В масштабах СССР сильнее всего от реформы пострадали театры в маленьких провинциальных городках и колхозные театры. Вот и в Челябинской области из 6 закрытых учреждений 4 работали в городах среднего размера. Копейск, хотя и имел число жителей, превышающее 100 тыс. человек, находился в непосредственной близости от областного центра. В самом Челябинске закрытие театра оперетты было вызвано совокупностью неблагоприятных обстоятельств, которая пересилила даже заступничество со стороны областных

властей. «Легкость» жанра музыкальной комедии, с точки зрения комитета по делам искусств, должна была обеспечить зрительский интерес и рентабельность даже без государственной поддержки. Однако, оставшись без нее, театр выжить не смог.

Большинство преодолевших в конце 1940-х гг. трудности театров смогло это сделать благодаря прямой дотации из государственного бюджета – республиканского, как в случае с Челябинским театром драмы, или местного, как в случаях с Магнитогорским и Златоустовским театрами. Причем у Магнитогорского драмтеатра определенным гарантом его стабильности выступало градообразующее предприятие – металлургический комбинат-гигант союзного значения. Несмотря на наличие мер господдержки, уцелевшие театры вынуждены были пойти на определенную оптимизацию и интенсификацию своей деятельности. Им приходилось ежегодно обновлять репертуар для привлечения зрителей, увеличивать количество спектаклей, экономить на административных и общехозяйственных расходах, активизировать гастрольную и выездную деятельность. Определенным исключением стал Челябинский театр кукол, который пережил одну из тяжелейших страниц своей истории, но благодаря компактности своего штатного расписания и невероятным усилиям всего коллектива смог преодолеть все трудности и первым выйти на показатели рентабельности.

Нельзя сказать, что реформа 1948 г. принесла театральному искусству исключительно бедствия в виде сворачивания сети театральных учреждений. Она стимулировала внимание театральных коллективов и их руководителей к финансовой стороне дела, научила их «жить по средствам». Часть актеров, режиссеров и музыкантов из расформированных театров укрепила труппы других театральных и музыкальных учреждений, часть перешла на преподавательскую работу в театральных кружках и художественных училищах, а часть влилась в движение театральной самодеятельности, сформировавшее новые народные театры, со временем получившие признание публики. Однако главным ее уроком стало понимание того, что коммерческий успех искусства сложно достигать исключительно централизаторскими мерами, и уж тем более совмещать его с идеологическим нажимом. Это станет основой для изменений в государственной культурной политике в середине 1950-х гг., когда государственная опека в той или иной форме вновь начнет охватывать большинство театральных учреждений.

Литература

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 7733. – Оп. 25. – Д. 3969. – Л. 2-4.
2. Постановление Совета Министров СССР «О сокращении государственной дотации театрам

и мерах по улучшению их финансовой деятельности» 4 марта 1948 г. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/LrGteFHpnMr0A7zOdYXa?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

3. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. / Е. Ю. Зубкова. – М., 1999. – 229 с.

4. Данилов, А. А. Рождение сверхдержавы 1945–1953 гг. / А. А. Данилов, А. В. Пыжиков. – М., 2002. – 317 с.

5. Эггелинг, В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953–1970 гг. / В. Эггелинг. – М., 1999. – 312 с.

6. Чжуан, Ю. Изменения в советской политике в области культуры и театральная цензура в 1946–1956 гг. / Ю. Чжуан // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2020. – № 1. – С. 128–144.

7. Алятина, А. Г. Культурная политика СССР в послевоенное десятилетие (на примере театров Южного Урала) / А. Г. Алятина, Н. А. Дегтярева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 5–12.

8. Алятина, А. Г. Культура на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : монография / А. Г. Алятина. – Оренбург, 2012. – 272 с.

9. Хисамутдинова, Р. Р. Деятельность учреждений культуры на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны : монография / Р. Р. Хисамутдинова, А. Г. Алятина. – Оренбург, 2011. – 300 с.

10. Запольских (Трифонова), М. С. Деятельность учреждений музыкальной культуры на Южном Урале в послевоенное десятилетие (1946–1956 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / М. С. Запольских (Трифонова). – Оренбург, 2022. – 246 с.

11. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» 26 августа 1946 г. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/theatre.htm>.

12. Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» 10 февраля 1948 г. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/music.htm>.

13. Musgrave, R. A. The Theory of Public Finance / R. A. Musgrave // N.Y. ; London, 1959. – P. 628.

14. Рубинштейн, А. Я. Общая теория опекаемых благ : учебник / А. Я. Рубинштейн. – СПб., 2024. – 432 с.

15. Baumol, W. J. Performing arts: the economic dilemma: a study of problems common to theater, opera, music, and dance / W. J. Baumol, W. G. Bowen. – New York, 1966. – P. 582.

16. Сафронов, А. В. А. Н. Косыгин – министр финансов: борьба за жесткие бюджетные ограничения в послевоенной экономике СССР / А. В. Сафронов, Н. Ю. Пивоваров // Вопросы экономики. – 2025. – № 4. – С. 136–153.

17. РГАЭ. – Ф. 7733. – Оп. 35. – Д. 2020. – Л. 26.
18. РГАЭ. – Ф. 7733. – Оп. 35. – Д. 2020. – Л. 12.
19. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 3. – Оп. 39. – Д. 55. – Л. 79.
20. РГАЭ. – Ф. 7733. – Оп. 44. – Д. 790. – Л. 1.
21. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р-914. – Оп. 1. – Д. 285. – Л. 1.
22. ОГАЧО. – Ф. Р-914. – Оп. 1. – Д. 285. – Л. 4.
23. ОГАЧО. – Ф. Р-914. – Оп. 1. – Д. 296. – Л. 1–4.
24. ОГАЧО. – Ф. Р-914. – Оп. 1. – Д. 326. – Л. 82–89.
25. ОГАЧО. – Ф. Р-914. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 52–54.
26. Малый театр: одиннадцать военных месяцев на Урале : документы и материалы / сост. В. С. Боже, Е. В. Боже ; науч. ред. В. С. Боже. – Челябинск, 2020. – 208 с.
27. ОГАЧО. – Ф. Р-914. – Оп. 1. – Д. 295. – Л. 5.
28. ОГАЧО. – Ф. Р-1877. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 1–58.
29. Запольских, М. С. Репертуар музыкально-театральных учреждений Южного Урала во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. / М. С. Запольских // Вестник магистратуры. – 2014. – № 11. – Т. 1. – С. 103–105.
30. ОГАЧО. – Ф. Р-1877. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 6–33.
31. ОГАЧО. – Ф. Р-914. – Оп. 1. – Д. 400. – Л. 20–30.
32. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 7–8.
33. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 19. – Л. 22–24.
34. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 4. – Л. 4–6.
35. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 6–9.
36. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 7. – Л. 3–5.
37. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 4.
38. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 19. – Л. 9.
39. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 4. – Л. 6.
40. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 9.
41. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 8. – Л. 4.
42. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 4.
43. ОГАЧО. – Ф. Р-1360. – Оп. 3. – Д. 12. – Л. 27.

Баканов Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: bakanov-s@mail.ru. ORCID 0000-0002-0746-8912

Петухов Михаил Юрьевич – аспирант историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: mihail2001petuhov@yandex.ru. ORCID 0009-0007-3292-9315

Поступила в редакцию 15 января 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260202

THE POST-WAR TRANSITION OF SOVIET THEATERS TO SELF-SUFFICIENCY AND ITS CONSEQUENCES (USING THE EXAMPLE OF THE CHELYABINSK REGION)

S. A. Bakanov, M. Y. Petukhov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Since the formation of the USSR, theatrical arts have played an important role in educational and cultural work with the public. To achieve these goals, the state provided significant funding to theatrical institutions. However, in the post-war period, when the priority of allocating resources was to rebuild the country, the Government issued a Resolution of the Council of Ministers № 537 “On reducing state subsidies to theaters and measures to improve their financial performance”. According to this resolution, only a few theaters retained state support, while the rest had to become self-sufficient. This article aims to examine the consequences of this reform for the development of theatrical institutions in a large region – the Chelyabinsk region, which, as of January 1, 1946, had ten professional local and regional theaters. The source base for the research is represented by legislative documents and records. The authors attempt to apply the theory of “protected” benefits to analyze the process of reducing subsidies provided to theatrical institutions. They conclude that theatrical institutions deprived of state support faced a difficult

economic situation, leading to their closure. In the Chelyabinsk region, out of the ten theaters operating before the reform, only four remained by the early 1950s. The theaters that continued their operations were able to survive largely due to government subsidies. However, even they had to find alternative ways to address their challenges, such as optimizing costs, increasing production, and constantly updating the repertoire to attract audiences. Despite certain shortcomings, this reform promoted the commercial development of theaters and set the stage for future developments in cultural policy during the 1950s.

Keywords: Stalinist art, theaters, cultural economics, self-sufficiency of art, protected benefits, post-war Stalinism, culture of the Chelyabinsk region, USSR in the late 1940s.

References

1. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 7733. Op. 25. D. 3969. 2-4 p.
2. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR "O sokrashchenii gosudarstvennoy dotatsii teatrami i merakh po uluchsheniyu ikh finansovoy deyatelnosti" 4 marta 1948 g. [Resolution of the Council of Ministers of the USSR "On Reducing State Subsidies to Theaters and Measures to Improve their Financial Performance" March 4, 1948]. URL: https://e-ecolog.ru/docs/LrGt-eFHpnMr0A7zOdYXa?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.
3. Zubkova E.Y. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 gg. [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow, 1999. 229 p.
4. Danilov A.A., Pyzhikov A.V. Rozhdenie sverkhderzhavy 1945–1953 gg. [The Birth of a Superpower 1945–1953]. Moscow, 2002. 317 p.
5. Eggeling V. Politika i kul'tura pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953–1970 gg. [Politics and Culture under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1970]. Moscow, 1999. 312 p.
6. Chzhuan Y. Izmeneniya v sovetskoy politike v oblasti kul'tury i teatral'naya tsenzura v 1946–1956 gg. [Changes in Soviet Cultural Policy and Theatrical Censorship in 1946–1956] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 2020. № 1. P. 128–144.
7. Alyatina A.G., Degtyareva N.A. Kul'turnaya politika SSSR v poslevoennoe desyatiletie (na primere teatrov Yuzhnogo Urala) [Cultural Policy of the USSR in the Post-War Decade (on the Example of Theaters in the Southern Urals)] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 3. P. 5–12.
8. Alyatina A.G. Kul'tura na Yuzhnom Urale posle okonchaniya Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.). [Culture in the Southern Urals after the End of the Great Patriotic War (1941–1945)]: monografiya. Orenburg, 2012. 272 p.
9. Khisamutdinova R.R., Alyatina A.G. Deyatel'nost' uchrezhdeniy kul'tury na Yuzhnom Urale posle okonchaniya Velikoy Otechestvennoy voyny [The Activities of Cultural Institutions in the Southern Urals after the End of the Great Patriotic War]: monografiya. Orenburg, 2011. 300 p.
10. Zapol'skikh (Trifonova) M.S. Deyatel'nost' uchrezhdeniy muzykal'noy kul'tury na Yuzhnom Urale v poslevoennoe desyatiletie (1946–1956 gg.). [Activities of Musical Culture Institutions in the Southern Urals in the Post-War Decade (1946–1956)]: dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2022. 246 p.
11. Postanovlenie Orgbyuro TsK VKP(b) "O repertuare dramaticheskikh teatrov i merakh po ego uluchsheniyu" 26 avgusta 1946 g. [Resolution of the Organizational Bureau of the Central Committee of the CPSU(b) "On the Repertoire of Drama Theaters and Measures to Improve it" on August 26, 1946]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/theatre.htm>.
12. Postanovlenie TsK VKP(b) "Ob opere "Velikaya družba" V. Muradeli" 10 fevralya 1948 g. [Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) "On the opera The Great Friendship by V. Muradeli" February 10, 1948]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/music.htm>.
13. Musgrave R.A. The Theory of Public Finance. N.Y.; London, 1959. 628 p.
14. Rubinshteyn A.Y. Obshchaya teoriya opekaemykh blag [Rubinstein A.Y. General Theory of Protected Goods]: uchebnik. Saint Petersburg, 2024. 432 p.
15. Baumol W.J., Bowen W.G. Performing Arts: the Economic Dilemma: a Study of Problems Common to Theater, Opera, Music, and Dance. New York. 1966. 582 p.
16. Safronov A.V., Pivovarov N.Y. A.N. Kosygin – ministr finansov: bor'ba za zhestkie byudzhetye ogranicheniya v poslevoennoy ekonomike SSSR [Minister of Finance: the Struggle for Tight Budget Constraints in the Post-War Economy of the USSR] // *Voprosy ekonomiki*. 2025. № 4. P. 136–153.
17. RGAE [RSAE]. F. 7733. Op. 35. D. 2020. L. 26.
18. RGAE [RSAE]. F. 7733. Op. 35. D. 2020. L. 12.
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI) [Russian State Archive of Modern History (RSAMH)]. F. 3. Op. 39. D. 55. 79 p.

20. RGAE [RSAE]. F. 7733. Op. 44. D. 790. L. 1.
21. Obyedinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. R-914. Op. 1. D. 285. L. 1.
22. OGACHO [USACR]. F. R-914. Op. 1. D. 285. L. 4 p.
23. OGACHO [USACR]. F. R-914. Op. 1. D. 296. L. 1–4.
24. OGACHO [USACR]. F. R-914. Op. 1. D. 326. L. 82–89.
25. OGACHO [USACR]. F. R-914. Op. 1. D. 373. L. 52–54.
26. Malyy teatr: odinnadtsat' voennykh mesyatshev na Urale [Maly Theater: eleven months of war in the Urals]: dokumenty i materialy; sost. V.S. Bozhe, E.V. Bozhe; nauch. red. V.S. Bozhe. Chelyabinsk, 2020. 208 p.
27. OGACHO [USACR]. F. R-914. Op. 1. D. 295. L. 5.
28. OGACHO [USACR]. F. R-1877. Op. 1. D. 16. L. 1–58.
29. Zapol'skikh M.S. Repertuar muzykal'no-teatral'nykh uchrezhdeniy Yuzhnogo Urala vo vtoroy polovine 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [Repertoire of Musical and Theatrical Institutions of the Southern Urals in the Second half of the 1940s – early 1950s.] // *Vestnik magistratury*. 2014. № 11. T. 1. P. 103–105.
30. OGACHO [USACR]. F. R-1877. Op. 1. D. 25. L. 6–33.
31. OGACHO [USACR]. F. R-914. Op. 1. D. 400. L. 20–30.
32. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 1. L. 7–8.
33. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 19. L. 22–24.
34. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 4. L. 4–6.
35. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 5. L. 6–9.
36. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 7. L. 3–5.
37. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 1. L. 4.
38. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 19. L. 9.
39. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 4. L. 6.
40. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 5. L. 9.
41. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 8. L. 4.
42. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 10. L. 4.
43. OGACHO [USACR]. F. R-1360. Op. 3. D. 12. L. 27.

Sergei A. Bakanov – D. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: bakanov-s@mail.ru

Mikhail Y. Petukhov – Postgraduate Student of the Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: mihail2001petuhov@yandex.ru

Received January 15, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Баканов, С. А. Послевоенный перевод театров СССР на самокупаемость и его последствия (на примере Челябинской области) / С. А. Баканов, М. Ю. Петухов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 15–24. DOI: 10.14529/ssh260202

FOR CITATION

Bakanov S. A., Petukhov M. Y. The post-war transition of Soviet theaters to self-sufficiency and its consequences (using the example of the Chelyabinsk region). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 15–24. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260202

ХРИСТИАНСТВО И ДЕМОКРАТИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИГУМЕНА ВЕНИАМИНА (НОВИКА): ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА И КОНТЕКСТА

Л. С. Евдокимова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена христианско-демократическому дискурсу, сформировавшемуся в постсоветской России в религиозной среде, а также правозащитном сообществе, в том числе в религиозном диссидентстве. Этот дискурс нашел выражение в статье игумена Вениамина (Новика) «Демократия как проблема меры» и ряде других работ этого автора. Данный текст рассматривается как фрагмент постсоветской дискуссии об оптимальном пути развития России с использованием персоналистских идей, примера успешных европейских христианских демократий, риторики «третьего пути», свободного от недостатков капитализма и социализма. Обозначены особенности христианско-демократической модели игумена Вениамина (Новика), условия, повлиявшие на формирование его позиции и способа аргументации, устойчивые нарративы, используемые автором. В контексте религиозного сообщества реализуемая игуменом Вениамином (Новиком) коммуникативная практика не получила поддержки и одобрения, но это не помешало ему позиционировать свой проект как православный. Недостаток устойчивых речевых конструкций, необходимых для претворения в социальную практику христианского идеала, игумен Вениамин (Новик) рассматривал как проблему, решить которую можно через обсуждение и принятие социальной концепции православия, широкий межконфессиональный диалог и заимствование католических и протестантских социальных идей.

Ключевые слова: христианская демократия, социальная концепция православия, права человека, христианская этика.

Введение

Опыт европейской христианской демократии оказался вдохновляющим для поиска оптимальной отечественной модели демократии, опирающейся на аутентичные духовные основания. В постсоветской России проекты, связанные с переложением демократических, а иногда прямо христианско-демократических конструкций на православный язык, были явлением нередким. Они возникали в правозащитной среде, ориентировались на религиозное возрождение и были призваны обеспечить национально-культурные основания демократических институтов и практик. Это позволяло трансформировать появившийся интерес к религии в социальные и политические проекты, включиться в общественную жизнь с идеями воплощения христианского идеала в практической деятельности. Особенно интересные образцы подобного творчества происходят из религиозной или околорелигиозной среды, представленной интеллектуалами, имеющими богословское образование, опыт деятельности в Русской православной церкви, а иногда и сан. Статья игумена Вениамина (Новика) «Демократия как проблема меры» стала частью постсоветских дискуссий об оптимальном общественном устройстве России [1]. В ней рассматриваются вопросы социального идеала, его духовных оснований, роли и места социальной проблематики в деятельности религиозных институтов. Позиция игумена Вениамина (Новика) своеобразна – это попытка конструирования основ православной модели христианской демократии – и может быть понята в конкретном историческом контексте, ко-

торый определял стоящие перед автором задачи и возможности.

Обзор литературы

Российские христианско-демократические проекты и опыт их практического воплощения в 1990-е гг. рассматривались в исследованиях Ю. Е. Григорьевой [2], Л. С. Евдокимовой [3, 4], С. Д. Мезенцева [5–7], Н. А. Хаустовой [8], А. В. Щипкова [9, 10]. Устойчивой историографической тенденцией стало выделение в российском христианско-демократическом движении двух основных направлений – западнического и почвеннического. Объединения западнической ориентации создавались на основе широкого сотрудничества представителей разных христианских конфессий, а их программные установки были заимствованы из европейских образцов, прежде всего, немецких. Почвенническое направление было представлено преимущественно православными участниками и стремилось через популяризацию идей русских религиозных философов создать более оригинальный христианско-демократический контент на православной основе. Роль и место священнослужителей в деятельности христианско-демократических объединений, формулировании программ и идей не оценивалась, хотя отмечалось их участие в избирательных кампаниях в составе этих объединений (до официального запрета подобной практики Русской православной церковью в 1993 г.). Не остались без некоторого внимания исследователей и такие колоритные персоны, как священники Глеб Якунин и Вячеслав Полосин, ставшие значимыми участниками христианско-демократических

объединений. Публицистика игумена Вениамина (Новика), посвященная проблемам соотношения христианства и демократии, правам человека, практически не изучалась.

Методы исследования

Работа игумена Вениамина может быть рассмотрена как проявление своеобразной дискурсивной практики, сложившейся в конкретном социокультурном контексте. Эта практика характеризовалась единым набором тем и сюжетов, общей проблематикой. Она формировалась в условиях постсоветского религиозного возрождения, аккумулировала некоторые идеи русской религиозной философии, православной эмиграции, объединенной вокруг журналов «Посев», «Вестник РСХД» и некоторых других, диссидентского движения и правозащитных объединений, а также европейской христианской демократии. К ним примыкала часть священнослужителей Русской православной церкви, критически настроенных по отношению к советским и постсоветским практикам взаимоотношений Церкви и государства, несогласных с позицией Священноначалия относительно роли и места религии в жизни общества, степени и характера ее участия в общественных делах.

Производство этого дискурса в том смысле, который вкладывал в этот процесс М. Фуко, «контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур» [11, с. 51]. Большое значение для интерпретации изучаемого дискурса играет замечание М. Фуко об особых свойствах религиозного текста в рамках дискурсивной практики, поскольку публицистика игумена Вениамина, как и других апологетов христианской демократии, формировалась на основе смыслов, коннотаций, ритуализированных форм, сложившихся в процессе бытования в обществе религиозных текстов.

Результаты и дискуссия

Статья игумена Вениамина (Новика) «Демократия как проблема меры» появилась в 1996 г. в журнале «Вопросы философии» [1], а затем в 1999 г. была переиздана в авторском сборнике статей «Православие. Христианство. Демократия» с доработкой, расширением списка литературы и изменением названия на «Христианство и демократия» [12]. Журнальная статья была размещена в разделе «Философия, религия, общество» (данный раздел встречался не в каждом выпуске) в сопровождении работы католического философа В. Поссенти [13], который на основе социальной доктрины Римской католической церкви обосновывал христианско-демократические идеи. Такое соседство побуждало к сравнению православного и католического вариантов решения социально-политических вопросов, а также подкрепляло идеи игумена Вениамина (Новика) сложившейся системой европейских представлений, реализованных в деятельности политических партий [14–16].

Игумен Вениамин (Новик) не имел такого основополагающего фундамента для апологетики демократии, а тем более демократии христианской. Социальная концепция Русской православной церкви была принята только в 2000 г., в ней утверждалось, что «форма и методы правления во многом обусловливаются духовным и нравственным состоянием общества», поэтому «Церковь принимает соответствующий выбор людей или по крайней мере не противится ему» [17, с. 274–275]. Эта позиция отличается от позиции Римской католической церкви, которая еще в 1891 г. (в энциклике папы Льва XIII «*Rerum Novarum*») ввела понятие «христианская демократия». Это официальное католическое нововведение не скоро смогло воплотиться в проекты действующих политических партий, но даже радикально настроенные миряне, стремившиеся расширить пределы папской «христианской демократии», ссылались на энциклику «*Rerum Novarum*» [18, 19]. Неудивительно, что игумен Вениамин (Новик) делает то же самое в переработанном варианте статьи [12, с. 297], хотя сам к католической юрисдикции не относится.

Однако поиск аутентичных духовных оснований демократии не может осуществляться на основе католической социальной доктрины в преимущественно православной стране. Поэтому игумен Вениамин (Новик) подобными ссылками не злоупотреблял, а заявил о попытке «актуализации концепции христианской демократии, разработанной в русской религиозно-философской мысли» [12, с. 4]. Решить проблему неукорененности демократических институтов и практик в российском обществе он пытался через соотнесение социального идеала с требованиями христианской этики, возвращение социальных идей прошлого, опирающихся на православные основания и утверждение в обществе устойчивого представления, что демократическое устройство более всего соответствует христианскому духу. Игумен Вениамин не отрицал личностного характера христианства, приоритета внутренней свободы над внешней, но был уверен, что только внешняя свобода действий и может быть областью государственного и общественного регулирования, а христианская этика может иметь реальное воплощение в общественной и частной жизни.

Содержательно текст игумена Вениамина представляет собой манифест демократии, опирающийся на христианские духовные основания (иногда эти основания конкретизированы как православные). Такая демократия, по мнению автора, более всего соответствует христианской антропологии. Он подчеркивал преимущества демократии и оспаривал критические замечания в ее адрес, придерживаясь просветительского представления о государстве как инструменте, призванном создавать условия для достойной жизни людей. Этим демократическое государство создает «условия

для раскрытия образа и подобию Божиих в людях» [1, с. 87]. Среди главных преимуществ демократии игумен Вениамин выделял способность обеспечивать свободу человека и пресекать только очевидное зло, не допуская напрасных ограничений, насилия и принуждения, особенно в вопросах мировоззренческих, морально-нравственных. Сущность демократии игумен Вениамин видел в уважении к человеку, что соответствует представлению о человеке как образе и подобии Бога, наделенном свободной волей совершать как доброе, так и дурное. Поэтому демократическое государство не обеспечивает духовного развития, не претендует на принудительное воплощение какого-то идеала, а только создает необходимые условия для духовного развития, определяя меру личной свободы человека законами, коллективными процедурами принятия решений, децентрализацией властных функций.

Игумен Вениамин (Новик) был уверен, что только прочные духовные основания, имеющие социальную проекцию, обеспечат иммунитет к тоталитаризму, деспотической организации власти. И эти прочные духовные основания в виде христианской традиции и развитого правосознания он обнаружил на Западе, где, по его мнению, библейские идеалы применялись для преобразования социальной действительности, происходила евангелизация жизни. Он отмечал, что у православных эмигрантов тоже сложилось позитивное отношение к демократии на основе практического опыта религиозной деятельности в условиях демократического общества.

Игумен Вениамин (Новик) указывал на недостатки материалистического подхода к организации общества и государства. Но он критиковал и православную приверженность монархизму, которую он считал стойкой компонентой национального сознания, а равнодушие к социальной проблематике он называл «монофизитско-спиритуалистической» крайностью, обусловленной сосредоточенностью на Божественном в ущерб земному [1, с. 84]. Такое «религиозное монофизитство» игумен Вениамин представлял в качестве благоприятной среды для утверждения деспотизма в архаическом или современном виде на Востоке, предпосылок для восприятия коммунистической идеологии, таким же образом равнодушной к проблеме личности. Издержки коммунистического материализма и издержки мистической экзальтированности совпадали. Игумен Вениамин полагал, что сосредоточенность только на вероучительных вопросах, стремление усовершенствовать общество через распространение веры и совершенствование человека – это «храмово-литургическое» понимание христианства», не способное обеспечить должный уровень внешней свободы человека. Нарратив «вины православной церкви» в создании благоприятных условий для утверждения тотали-

таризма выражен у игумена Вениамина (Новика) гораздо сдержаннее, чем, например, у В. Полосина или Г. Якунина, он связан с обличением православного храмового благочестия, ритуализма, а не с требованиями принести покаяние за сотрудничество с советской властью.

Риторика игумена Вениамина (Новика) основывается на идеях Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, Г. П. Федотова и Ф. М. Достоевского. Например, у С. Н. Булгакова игумен Вениамин взял представление о религиозной природе естественных прав человека, о соотношении внутренней и внешней свободы человека, у Б. П. Вышеславцева – критику монархии как языческой египетской пирамиды, у Ф. М. Достоевского – понимание свободы человека, у Н. А. Бердяева – идею о «религиозной неправде мистической концепции самодержавия» [1, с. 88], у В. С. Соловьева – понимание предназначения государства для устройства земной жизни. Суждения русских религиозных философов о соотношении христианства и демократии, созданные в ином социокультурном контексте, казались игумену Вениамину актуальными и уместными в постсоветских условиях.

На этом фоне редкими являются ссылки на действительно авторитетные для православных источники – Священное Писание и Священное Предание. Если цитаты из Священного Писания единичны, то Священное Предание вообще исключено из системы аргументации. Игумен Вениамин понимал и признавал, что «многие выдающиеся православные подвижники были сторонниками православной монархии, являющей собою как бы некое отображение Царства Божия на земле» [1, с. 87]. Такой подход радикально расходился с критической позицией самого игумена Вениамина (Новика) по отношению к православному монархизму, но, видимо, не упомянуть о нем, хотя бы мимоходом, было невозможно. Из этого затруднения игумен Вениамин (Новик) вышел через утверждение об обретении нового исторического опыта, которого не было в прежние времена, способного обесценить социальные идеи «православных подвижников». Игумен Вениамин (Новик) сформировал собственную логику рассуждений, где в качестве ориентиров использовал тексты авторов, не обладающих должным авторитетом для православных, но при этом еще малоизвестных нерелигиозному читателю.

Свою позицию игумен Вениамин (Новик) обозначал как православную, хотя и выражал готовность рассматривать православие как распространенную историко-культурную традицию, к которой причастны и верующие, и неверующие, важную составляющую национальной идентичности [1, с. 83]. Христианская этика, воплощенная в социальное действие, должна была, по его мнению, обеспечить уважение личности, независимо

от ее мировоззренческих предпочтений. Поэтому игумен Вениамин иногда интегрировал в свои рассуждения католические или протестантские мотивы, обеспеченные соответствующими социальными проектами. Например, очень по-протестантски выглядит его готовность воспринимать добросовестное выполнение профессионального и семейного долга в качестве достойных уважения проявлений веры [1, с. 86]. Однако большие надежды игумен Вениамин возлагал на формирование православной социальной концепции, которая позволила бы обеспечить проекцию христианских идеалов на социальную действительность, определить формы и способы их практической реализации в различных сферах общественной жизни. Демократию он представлял светским воплощением православного понятия соборности, полагая, что его может принять даже коммунист, потому что соборность «является для него синонимом коллективизма, примата общего интереса над частным» [1, с. 83]. Существенные потери смысла, возникавшие при таком переложении религиозных категорий на светский язык, игумена Вениамина не смущали.

Однако позиция игумена Вениамина не может рассматриваться как официальная позиция Русской православной церкви, несмотря на то что он был кандидатом богословия, выпускником и преподавателем (а позже инспектором) Санкт-Петербургской духовной академии. От РПЦ игумен Вениамин получил жесткую и однозначную оценку своей деятельности. Церковь обособилась от его идей и публикаций в 1997 г., когда он был уволен из Санкт-Петербургской Духовной Академии и лишился возможности использовать ресурсы церкви и возможности выступать в качестве церковного публициста [20]. Критической точкой взаимоотношений стали общественные дебаты вокруг разработки и принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Этот закон обозначил новый этап государственно-конфессиональных отношений, продемонстрировал новый подход к регулированию общественных отношений в религиозной сфере. Он принимался в условиях острого противостояния сторонников и противников наделения традиционных религий особым правовым статусом и должен был пресечь злоупотребления и конфликты в деятельности религиозных объединений. Игумен Вениамин оказался сторонником широкой религиозной свободы, полного государственного нейтралитета в религиозных вопросах, в то время как РПЦ рассчитывала на государственную поддержку в восстановлении объема религиозной и нерелигиозной деятельности после советских гонений и ограничений, прежде всего материальной базы, и указывала на то, что иностранные религиозные объединения (некоторые из которых попадали в категорию сект) обладают конкурентными преимуществами в условиях тотальной религиоз-

ной свободы, обеспеченной Законом РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г. Игумен Вениамин оказался для своего времени человеком неординарным, ориентированным на широкий межконфессиональный диалог и сотрудничество. Он участвовал в инициативах, конференциях, мероприятиях, направленных на развитие межконфессионального сотрудничества, был председателем Христианского межцерковного диаконического совета, преподавал в различных католических и протестантских учебных заведениях.

Идеи игумена Вениамина были скептически встречены в официальной православной среде, стремившийся сохранить дисциплину и контроль за процессом формулирования и артикуляции официальной церковной позиции. Но его публицистика, направленная на популяризацию русского религиозно-философского наследия, оказалась востребованной не только в правозащитных кругах и межконфессиональных сообществах, но и в научно-исследовательском сообществе – ссылки на его статьи присутствуют в историографических обзорах исследований, посвященных христианскому социализму Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова [21, 22], социальной этике В. С. Соловьева и философии права [23], работы игумена Вениамина использовались и как источник информации, позволяющий продемонстрировать религиозный подход к экономическим, социальным, политическим проблемам (например, мотивации поведения и особенностям апокалиптического поведения в кризисные эпохи [24]. В этих контекстах работы игумена Вениамина были приняты более благожелательно, они цитируются даже спустя годы после кончины автора.

Выводы

Статья игумена Вениамина (Новика) «Демократия как проблема меры» стала одним из первых опытов автора в развернутом обосновании христианско-демократического проекта. Игумен Вениамин (Новик), с одной стороны, стремился обнаружить духовную основу демократии, а с другой стороны, отмечал, что православные настороженно относятся к демократическим институтам, проблема прав человека воспринимается как надуманная, формальная, несравнимая с утверждением и распространением истинной веры. Он пытался найти христианские корни демократии там, и на основе такого материала, который для самих православных верующих не является авторитетом, а кроме того, инкорпорировал в свою модель католические и протестантские социальные идеи, полагая, что на Западе христианская традиция непосредственно претворена в социальную практику. Игумен Вениамин (Новик) и сам замечал оппозиционность своей позиции православному большинству, ее неприятие.

Общими условиями формирования христианско-демократического дискурса в постсоветской

России стали религиозное возрождение как общемировая [25], так и национальная тенденция, крах коммунизма и активизация социально-политической деятельности, повышенный интерес к до-революционному и эмигрантскому интеллектуальному наследию. Частными условиями являлись расколы и разногласия в русском православии по поводу направлений и перспектив постсоветского развития, деятельность христианско-демократических международных объединений и фондов в России, деятельность правозащитных организаций и диссидентов.

В таких условиях зарубежный успех христианской демократии, а также наличие основательных трудов русских религиозных философов, посвященных проблеме социального идеала, не могли остаться без внимания и должной рефлексии. Идея «третьего пути», равным образом свободного от недостатков социализма и капитализма, казалась соответствующей моменту. Она стала основой для генерирования христианско-демократических проектов, призванных обнаружить и культивировать духовные основания демократического общества.

Литература

- Новик, В. Демократия как проблема меры / В. Новик // Вопросы философии. – 1996. – № 7. – С. 83–91.
- Григорьева, Ю. Е. Христианская демократия в России: Проблемы становления : дис. ... канд. филос. наук / Ю. Е. Григорьева. – М., 1996. – 165 с.
- Евдокимова, Л. С. Христианская демократия в России: проблемы и перспективы / Л. С. Евдокимова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 132–139.
- Евдокимова, Л. С. Христианско-демократические организации в России: история формирования и деятельности (1989–2001 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Л. С. Евдокимова. – Челябинск, 2010. – 242 с.
- Мезенцев, С. Д. Идеология христианско-демократического движения / С. Д. Мезенцев. – М. : Благовестник, 2001. – 255 с.
- Мезенцев, С. Д. Мировая христианская демократия: теологические, философские, научные основы и проблемы / С. Д. Мезенцев. – М. : Московский гос. строит. ун-т, 2010. – 302 с.
- Мезенцев, С. Д. Социально-философский анализ источников христианской демократии : монография / С. Д. Мезенцев. – М. : НИУ МГСУ, 2017. – 1 электрон. опт. диск.
- Хаустова, Н. А. Христианская демократия в России: Социально-философские истоки и проблемы политической ангажированности: диссертация кандидата философских наук / Н. А. Хаустова. – М., 1997. – 131 с.
- Щипков, А. В. Христианско-демократические движения в постсоветской России : дис. ... канд. филос. наук / А. В. Щипков. – М., 2000. – 170 с.
- Щипков, А. В. Христианская демократия в России / А. В. Щипков. – М. : Ключ-С, 2004. – 119 с.
- Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М. : Касталь, 1996. – С. 47–96.
- Православие. Христианство. Демократия / о. Вениамин (Новик). – СПб. : Алетейя, 1999. – 365 с.
- Поссенти, В. Демократия и христианство / В. Поссенти // Вопросы философии. – 1996. – № 7. – С. 92–102.
- Christian Democracy in Europe Since 1945 / M. Gehler, W. Kaiser (eds). – L. : Routledge, 2004. – 272 p.
- Coppa, F. J. The Papacy in the Modern World: A Political History / F. J. Coppa. – L. : Reaktion Books, 2014. – 224 p.
- Dietrich, D. Human Rights and the Catholic Tradition / D. Dietrich. – L. : Routledge, 2017. – 235 p.
- О социальной концепции русского православия / под общ. ред. М. П. Мчедлова. – М. : Республика, 2002. – 399 с.
- Christian democracy in Western Germany: The CDU/CSU in government a. opposition, 1945–1976 / Geoffrey Pridham. – London : Croom Helm, CoP. 1977. – 371 p.
- Putnam, G. F. Russian alternatives to Marxism: Christian socialism and idealistic liberalism in XX century Russia / G. F. Putnam. – Knoxville : University of Tennessee Press, 1977. – 233 p.
- Памяти игумена Вениамина // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. – 2010. – Т. 11. Вып.4. – С.275–277.
- Сутягина, Л. Э. Социально-этические аспекты воззрений С. Н. Булгакова в начале XX столетия / Л. Э. Сутягина // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. – 2011. № 3 (33). – С. 96–106.
- Сулейманов, Т. Ф. Христианский социализм как отражение доктрины социального христианства / Т. Ф. Сулейманов, У. А. Кашапов, В. А. Касенкин (Ч. 1) // Евразийство и мир. – 2020. – № 2. – С. 41–56.
- Дидык, М. А. Теоретическая легитимация единства государства и церкви, права и православия в юриспруденции (Б. Н. Чичерин – П. С. Новгородцев) / М. А. Дидык // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 97–99.
- Дорошин, И. А. Апокалиптические ожидания в обществе риска / И. А. Дорошин // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – Вып. 30. – № 33 (324). – С. 97–101.
- Bellah, R. N. Beyond Belief: Essays on Religion in a Post-Traditionalist World / R. N. Bellah. – Oakland, CA : University of California Press, 1991. – 320 p.

Евдокимова Людмила Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: evdokimovals@susu.ru

Поступила в редакцию 2 декабря 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260203

CHRISTIANITY AND DEMOCRACY IN THE PUBLICISTIC WRITINGS OF HIGUMEN VENIAMIN (NOVIK): TEXT AND CONTEXT FEATURES

L. S. Evdokimova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article focuses on the Christian-democratic discourse that emerged in post-Soviet Russia within the religious community and the human rights movement, including religious dissent. This discourse is exemplified by the work of Higumen Veniamin (Novik). His article “*Democracy as a Problem of Measure*”, as well as other works, are considered a fragment of the discussion on the optimal path for Russia’s development in post-Soviet times. The author uses the rhetoric of “the third way”, which is free from the flaws of capitalism and socialism. He also draws on personalist ideas and the examples of successful European Christian democracies. The article highlights the features of the Christian-democratic model proposed by Higumen Veniamin (Novik), the conditions that influenced the formation of his position and arguments, as well as the persistent narratives used by the author. Although Veniamin (Novik) did not receive support or approval, it did not prevent him from positioning his project as Orthodox. He viewed the lack of stable speech patterns necessary for implementing the Christian ideal into social practice as a challenge that could be addressed through the discussion and acceptance of the social concept of Orthodoxy, broad interfaith dialogue, and the adoption of Catholic and Protestant social ideas.

Keywords: Christian democracy, social concept of Orthodoxy, human rights, Christian ethics.

References

1. Novik V. *Demokratiya kak problema mery [Democracy as a Problem of Measure] // Voprosy filosofii.* 1996. № 7. P. 83–91.
2. Grigor’eva Y.E. *Hristianskaya demokratiya v Rossii: Problemy stanovleniya [Christian Democracy in Russia: Problems of Formation]: dis. ... kand. filol. nauk.* Moscow, 1996. 165 p.
3. Evdokimova L.S. *Hristianskaya demokratiya v Rossii: problemy i perspektivy [Christian Democracy in Russia: Challenges and Prospects] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2007. № 3. P. 132–139.
4. Evdokimova L. S. *Hristiansko-demokraticheskie organizatsii v Rossii: istoriya formirovaniya i deyatelnosti (1989–2001 gg.) [Christian Democratic Organizations in Russia: the History of their Formation and Activity (1989–2001)]: dis. ... kand. ist. nauk.* Chelyabinsk, 2010. 242 p.
5. Mezencev S.D. *Ideologiya hristiansko-demokraticheskogo dvizheniya [The Ideology of the Christian Democratic Movement].* Moscow: Blagovestnik, 2001. 255 p.
6. Mezencev S.D. *Mirovaya hristianskaya demokratiya: teologicheskie, filosofskie, nauchnye osnovy i problem [World Christian Democracy: Theological, Philosophical, Scientific Foundations and Problems].* Moscow: MSBU, 2010. 302 p.
7. Mezencev S.D. *Sotsial’no-filosofskiy analiz istochnikov hristianskoy demokratii [A Socio-Philosophical Analysis of the Sources of Christian Democracy]: monografiya.* Moscow: NRU MSSU, 2017. 1 elektron. opt. disk.
8. Haustova N.A. *Hristianskaya demokratiya v Rossii: Sotsial’no-filosofskie istoki i problemy politicheskoy angazhirovannosti [Christian Democracy in Russia: Socio-Philosophical Origins and Problems of Political engagement]: dis. ... kand. filol. nauk.* Moscow, 1997. 131 p.
9. Shhipkov A.V. *Hristiansko-demokraticheskie dvizheniya v postsovetskoy Rossii [Christian Democratic Movements in Post-Soviet Russia]: dis. ... kand. filol. nauk.* Moscow, 2000. 170 p.
10. Shhipkov A.V. *Hristianskaya demokratiya v Rossii [Christian Democracy in Russia].* Moscow: Key-S, 2004. 119 p.

11. Fuko M. Poryadok diskursa [The Order of Discourse] // *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti*. Moscow: Kastal, 1996. P. 47–96.
12. Pravoslavie. Hristianstvo. Demokratiya [Orthodoxy. Christianity. Democracy]; o. Veniamin (Novik). Saint-Petersburg: Aleteyya, 1999. 365 p.
13. Possenti V. Demokratiya i hristianstvo [Democracy and Christianity] // *Voprosy filosofii*. 1996. № 7. P. 92–102.
14. Christian Democracy in Europe Since 1945 / M. Gehler, W. Kaiser (eds). L.: Routledge, 2004. 272 p.
15. Coppa F.J. The Papacy in the Modern World: A Political History. L.: Reaction Books, 2014. 224 p.
16. Dietrich D. Human Rights and the Catholic Tradition. L.: Routledge, 2017. 235 p.
17. O social'noy koncepcii russkogo pravoslaviya [About the Social Concept of Russian Orthodoxy]; pod obshh. red. M.P. Mchedlova; IC "Religiya v sovremennom obshchestve". Moscow: Republic, 2002. 399 p.
18. Christian Democracy in Western Germany: The CDU/CSU in Government and Opposition, 1945–1976 / Geoffrey Pridham. London: Croom Helm, Cop. 1977. 371 p.
19. Putnam G.F. Russian alternatives to Marxism: Christian socialism and idealistic liberalism in XX century Russia. Knoxville: University of Tennessee Press, 1977. 233 p.
20. Pamyati igumena Veniamina [In memory of Abbot Veniamin] // *Vestnik Russkoy Hristianskoy Gumanitarnoy Akademii*. 2010. T. 11. Vyp. 4. P. 275–277.
21. Sutyagina L. Y. Social'no-eticheskie aspekty vozzreniy S.N. Bulgakova v nachale XX stoletiya [Socio-Ethical Aspects of S.N. Bulgakov's Views at the Beginning of the 20th Century] // *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki*. 2011. № 3 (33). P. 96–106.
22. Suleymanov T.F., Kashapov U.A., Kasenkin V.A. Hristianskiy socializm kak otrazhenie doktriny social'nogo hristianstva [Christian Socialism as a Reflection of the Doctrine of Social Christianity] // *EvrAziystvo i mir*. 2020. № 2. P. 41–56.
23. Didyk M.A. Teoreticheskaya legitimatsiya edinstva gosudarstva i cerkvi, prava i pravoslaviya v yurisprudencii (B.N. Chicherin – P.S. Novgorodtsev) [Theoretical legitimization of the Unity of the State and the Church, Law and Orthodoxy in Jurisprudence (B.N. Chicherin – P.S. Novgorodtsev)] // *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. 2015. № 1. P. 97–99.
24. Doroshin I.A. Apokalipticheskie ozhidaniya v obshchestve riska [Apocalyptic Expectations in a Risk Society] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya*. Vyp. 30. № 33 (324). P. 97–101.
25. Bellah R. N. Beyond Belief: Essays on Religion in a Post-Traditionalist World. Oakland, CA: University of California Press, 1991. 320 p.

Lyudmila S. Evdokimova – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: evdokimoval@susu.ru

Received December 2, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Евдокимова, Л. С. Христианство и демократия в публицистике игумена Вениамина (Новика): особенности текста и контекста / Л. С. Евдокимова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 25–31. DOI: 10.14529/ssh260203

FOR CITATION

Evdokimova L. S. Christianity and democracy in the publicistic writings of Higumen Veniamin (Novik): text and context features. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 25–31. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260203

СОТРУДНИЧЕСТВО П. Л. ЛАВРОВА С ГАЗЕТОЙ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ»

О. В. Золотарев

*Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина, г. Сыктывкар,
Российская Федерация*

В статье анализируется малоизвестная сторона творческого наследия известного российского революционера-народника П. Л. Лаврова.

Многие знают его как теоретика пропагандистского течения народнического движения, ученого-философа, математика, историка. Однако весьма ярким было и публицистическое дарование П. Л. Лаврова. Об этом свидетельствует его сотрудничество в популярной в интеллигентских кругах газете либерального направления «Русские ведомости». Корреспонденции П. Л. Лаврова печатались в газете под различными псевдонимами довольно длительное время, в течение 1886–1897 годов под рубрикой «Письма из Лондона». В статье анализируются различные стороны взаимоотношения русского народника с руководством газеты, акцентируется внимание на том, что связь революционера-эмигранта с редакцией осуществлялась с большой осторожностью. Возможно, именно поэтому факт сотрудничества П. Л. Лаврова с газетой малоизвестен.

В своих корреспонденциях П. Л. Лавров (проживавший в Париже и черпавший материалы для своих публикаций из английских газет) освещал самые различные стороны общественной, политической, экономической и культурной жизни Британской империи.

Конечно, Лавров стремился, насколько это было возможно, подбирать информацию, которая отвечала бы интересам либеральной читающей публики. И все же, несмотря на попытки придать максимально осторожный тон своим корреспонденциям, публикуемым в подцензурном издании, его статьи носят явный отпечаток присущих ему революционных воззрений. Поэтому они чрезвычайно важны для понимания философии и образа мысли русского народника.

Ключевые слова: П. Л. Лавров, газета «Русские ведомости», «Письма из Лондона», либеральная интеллигенция, общественная жизнь, экономика, рабочее движение, политическая система, политические деятели Британии.

Введение

Петр Лаврович Лавров известен многим как революционер, философ, математик. Но как современника и исследователя XIX столетия, которое было богато на исторические события, его мало кто изучал. А между тем, имеется большое количество материала, позволяющего сказать, что Лавров внимательно следил за происходящими событиями, анализировал их и рассказывал о самых важных явлениях в Западной Европе русскому читателю. Наиболее известны труды русского революционера, касающиеся событий, происходивших во Франции [1].

Но не одной Францией ограничивались интересы П. Л. Лаврова. В 1886–1897 годах он сотрудничал с либеральной легальной газетой «Русские ведомости» и в серии статей под рубрикой «Письма из Лондона» проанализировал события, происходившие в тот период в Великобритании.

Сами же «Русские ведомости» были в конце XIX века наиболее прогрессивными среди либеральных русских изданий. Например, высоко оценивал «Русские ведомости» В. И. Ленин, подчеркивавший, что «в некоторых отношениях ... они стояли, безусловно, выше среднего либерального уровня» [2, с. 76].

Действительно, «Русские ведомости» наиболее последовательно среди ежедневных русских изданий защищали идеи конституционной монар-

хии и буржуазного реформаторства. Известный публицист второй половины XIX столетия Г. З. Елисеев, близкий Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Некрасову и М. Е. Салтыкову-Щедрину, во внутреннем обозрении «Отечественных записок» указывал, что «Русские ведомости» – одна из наиболее серьезных газет, последовательно отстаивающая свое направление [3, с. 445].

Писатель Н. Лесков в одном из писем подчеркивал: «...Из газет я бы сам для себя предпочёл издаваемые в Москве “Русские ведомости”, чтобы знать, чего настоящие, умные люди держатся, а не повторять вздор за всяким репортёром и краснобаем» [4, с. 286].

В авторитетном словаре Брокгауза-Ефрона констатировалось: «“Р. Ведомости” занимают особое положение ... в ряду наших ежедневных изданий. Это – единственная газета, вполне подходящая к тому высокому типу печатного органа, который создан лучшими ежемесячными журналами. В “Р. Ведомостях” никогда не угождают вкусам толпы и вместо того, чтобы спуститься до уровня массы читающей публики, стараются поднять ее до себя. Это создало им в кругах, привыкших к газетам “веселым” и “бойким”, репутацию газеты “скучной”, “профессорской” и т. п., но не мешало им получить огромное распространение (свыше 20 тыс.), как в Москве, так и особенно в центральной и восточной России. Лучшие круги

русской провинции читают “Р. Ведомости”. Ведется газета весьма серьезно и содержательно. ... Газета дает сведения со строгим выбором ... она сообщает только факты проверенные и представляющие интерес общественный или государственный. С особенной любовью и вниманием следит она за деятельностью органов самоуправления и проявлениями общественной инициативы» [5, с. 332–333].

По свидетельству известного дореволюционного журналиста В. А. Гиляровского, «Русские ведомости» вызвали противоречивые чувства у разных слоев населения: «– Наша профессорская газета, – называла ее либеральная интеллигенция. – Крамольники! – шипели черносотенцы. – Орган революционеров, – определил департамент полиции. Газета имела своего определенного читателя. Коренная Москва, любившая легкое чтение и уголовную хронику, не читала ее» [6, с. 21].

Советский исследователь повременной русской печати Б. И. Есин отмечал: «Солидно была поставлена газета “Русские ведомости”. Она была заметным изданием среди ежедневной прессы. При всей своей серьезности и сухости она имела успех. Этому способствовало постоянство мнений» [7, с. 39].

В 1880–1890-е годы газета переживала период расцвета. Редактируемая В. М. Соболевским и А. С. Посниковым, она, находясь в либеральной оппозиции к правительству, отстаивала необходимость конституционных реформ, за что нередко подвергалась цензурным репрессиям, что только усиливало популярность издания. Фактически «Русские ведомости» стали органом либеральной московской профессуры и прогрессивно настроенных земских деятелей. Поддержанию репутации газеты способствовало и то, что с ней сотрудничали известные либеральные ученые: профессора К. Д. Кавелин, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, В. О. Ключевский, А. И. Чупров, Б. Н. Чичерин, Л. Н. Юровский, – крупнейшие писатели: Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский, А. П. Чехов, В. А. Гиляровский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. Серафимович, – деятели культуры: П. И. Чайковский, В. И. Немирович-Данченко и др. Их сотрудничество с «Русскими ведомостями» – дело известное. Менее известно, а может быть, и совсем неизвестно в широких кругах, что в этой газете работал и П. Л. Лавров.

Обзор литературы

Действительно, факт продолжительного (более десяти лет!) сотрудничества П. Л. Лаврова с «Русскими ведомостями», очевидно, вследствие применяемых редакцией мер безопасности, не привлекал внимание исследователей. О нем не упоминает ни первый биограф П. Л. Лаврова Н. С. Русанов [8, 9], ни И. С. Книжник-Ветров, написавший его первую научную биографию [10]. Не го-

ворит о нем и зарубежная историография, как в трудах, анализирующих научное наследие П. Л. Лаврова [11, 12; 13, с. 88–119; 14, 15], так и в работах, посвященных истории русского народничества [16].

Впервые об этом объявил Я. Н. Колубовский [17]. Более подробно изучил данный аспект деятельности русского революционера А. Н. Максимов, сотрудник «Русских ведомостей», в сборнике статей, посвященном юбилею газеты. Он же составил перечень номеров, в которых публиковались «Письма из Лондона» и список псевдонимов, которыми подписывались корреспонденции [18, с. 99–101; 19, с. 49–51].

Эти же материалы, с учетом специфики издания, помещены И. Ф. Масановым в словаре, изданном в 1956–1960 гг. [20, с. 268].

Заметим, что список статей П. Л. Лаврова, опубликованный А. Н. Максимовым в юбилейном сборнике статей, на наш взгляд неполный. Нами выявлен ряд корреспонденций (статьи в №№ 159, 166, 224, 233 за 1892 год и в №№ 94, 120, 307, 343, 350 за 1893 год), по-видимому, принадлежащих перу русского ученого-революционера, но в списке не значащихся, и два новых псевдонима П. Л. Лаврова (псевдонимы «А» и «В.Э.»).

Исторический очерк В. А. Розенберга о «Русских ведомостях» в упомянутом сборнике статей [18, с. 1–62], посвященный полувековому юбилею газеты, был перепечатан (с некоторыми дополнениями) в 1924 году эмигрантским издательством в Праге [21]. Никаких новых сведений по поводу сотрудничества П. Л. Лаврова в либеральной газете, помимо уже обнародованных, в нем не содержалось.

В советское время упоминал о факте сотрудничества выдающийся русский ученый-историк Н. И. Кареев, поддерживающий с Лавровым постоянные дружеские связи вплоть до его смерти. В 1921 году, комментируя одно из писем русского революционера к нему, Н. И. Кареев указывал: «Впоследствии П.Л. весьма секретно печатался в “Русск. Вед.”, о чем имеются сведения в юбилейной книге этой газеты» [22, с. 48]. Но в дальнейшем никто из исследователей не обратил на это внимания.

Только уже на исходе советской эпохи биографы П. Л. Лаврова А. И. Володин и Б. С. Итенберг кратко проанализировали некоторые аспекты «Писем из Лондона», не дав, впрочем, о них читателям сколько-нибудь полного представления [23; 24, с. 298–299; 25].

Некоторую лепту в изучение этой стороны деятельности П. Л. Лаврова внес и автор этих строк [26–28].

Таким образом, данная часть наследия ученого-революционера осталась практически неизученной.

Методы исследования

В данной работе автор руководствовался принципами историзма и научной объективности.

В качестве основных методов исследования данной темы, помимо традиционных для отечественной исторической науки сравнительно-исторического и хронологического методов, использовались статистический метод, с помощью которого посредством обработки количественных данных можно прийти к выводам, способствующим решению поставленных задач. Большое значение имеет и историко-системный подход, позволяющий рассматривать различные аспекты контактов П. Л. Лаврова с подцензурной газетой.

Результаты и дискуссия

Сотрудничество П. Л. Лаврова с редакцией «Русских ведомостей» первоначально было вызвано в основном материальными мотивами. Об этом вспоминает Д. И. Овсяннико-Куликовский. После событий 1 марта 1881 года и начала реакции финансовое положение П. Л. Лаврова вследствие прекращения деятельности журнала «Слово», где он работал, и из-за отказа «Отечественных записок» и «Дела» печатать радикальные статьи Лаврова резко ухудшилось. По счастью, нашлась работа в «Русских ведомостях». Овсяннико-Куликовский полагает, что это устроилось через посредничество М. М. Ковалевского. Пришлось и самому Овсяннико-Куликовскому помочь Лаврову, который попросил его в 1884 году похлопотать в редакции «Русских ведомостей». Овсяннико-Куликовский поставил в известность Г. Б. Иолоса. Вскоре тот написал, что дело устроилось. «И действительно, вскоре в «Русских ведомостях» стали появляться «Письма из Лондона», в авторе которых нетрудно было узнать Лаврова» [29, с. 450].

Сведения Д. И. Овсяннико-Куликовского подтверждают другие свидетели. В частности, Э. А. Серебряков указывает, что Лавров смог получить работу в газете благодаря «кому-то из профессоров». П. Витязев уточняет: это был М. М. Ковалевский [29, с. 459].

Л. Ф. Пантелеев обращает внимание на то, что Петр Лаврович много лет сотрудничал в «Русских ведомостях» по приглашению В. М. Соболевского [29, с. 453].

Постоянная работа в газете (а первые статьи П. Л. Лаврова в «Русских ведомостях» появились в январе 1886 года) значительно облегчила финансовое положение изгнанника. Гонорар составлял порядка шестисот рублей в год, чего хватало на скромную жизнь эмигранта. Первые шесть лет Петр Лаврович публиковал ежегодно около 30 статей, однако потом их число стало уменьшаться. Сотрудник «Русских ведомостей» А. Н. Максимов полагает, что это связано с ухудшением здоровья П. Л. Лаврова. Он же отмечает довольно значительный перерыв в лавровских корреспонденциях (с осени 1892 года по осень 1893 года). Этот промежуток совпадает со сменой посредников в сношениях П. Л. Лаврова с редакцией [18, с. 49].

Однако не все так просто. Отношения русско-го революционера с редакцией были порой омрачены определенным непониманием. Очень важно в связи с этим письмо П. Л. Лаврова М. М. Ковалевскому, написанное в августе 1896 года, которое проливает свет на сотрудничество П. Л. Лаврова с «Русскими ведомостями» и его отношения с редакцией этой газеты. Лавров с горечью констатирует, что существует на средства издания, «в котором в настоящее время (т. е. в августе 1896 года. – О. З.) вовсе не участвую и против политической программы которого, как недостаточно воинственной, мне приходится в моих статьях явных и публикуемых с моим именем воевать совершенно определено» [30, с. 192–193].

Таким образом, ясно, что Лавров, несмотря на тесное сотрудничество с газетой, по многим пунктам не был согласен с либеральной программой редакции, он был настроен гораздо более революционно. Следствием этого были постоянные трения с руководством издания. Русский народник указывает: «... все-таки я был сотрудником полезным ... в последние годы ... мои статьи вовсе перестали печатать. Мои статьи последнего времени были ничуть не хуже прежних, которые печатались, и не опаснее их...». И что же? «Редакция готова была выплатить мне гонорар» [30, с. 194], но статьи предпочитала не печатать. Таким образом, в это время наметился разрыв с «Русскими ведомостями». Окончательно он произошел годом позже, в 1897 году (в этом же письме указана и точная дата начала сотрудничества – 1886 год). Во многом это было следствием усиления реакции в России и боязни редакции подвергнуться репрессиям. Сотрудники «Русских ведомостей» даже полагали, что если бы факт связи Лаврова с изданием стал известен администрации, то это «отразилось бы очень печально на судьбе газеты, привело бы, пожалуй, к ее гибели» [19, с. 99].

Отметим, что эти опасения были не напрасны. В марте 1898 года газета получила третье предупреждение и была приостановлена на два месяца, а затем была подчинена особому виду предварительной цензуры. В 1901 году печать газеты была вновь приостановлена за нарушение циркуляра, запрещавшего печатать отчеты о процессах против чинов полиции. В период Первой русской революции (1905–1907 годы) издание также приостанавливалось.

Но это было позднее. А в 1896 году русский революционер не желает мириться с примиренческой позицией руководства газеты, а главное – с отказом в публикации корреспонденций. Он предлагает различные проекты изменения сотрудничества, хотя и сетует, что редакция будет ставить вопрос: «А что безопаснее: напечатать или сжечь, оплатив автора? И решила бы сжечь. Тем более, что в статьях и книгах пишущему их трудно отрешиться от своего ветхого Адама и не обнару-

жить свою личную окраску ... Нежелание печатать мои статьи не только не уменьшилось у редакции, ... а, пожалуй, усилилось бы» [30, с. 195].

Таким образом, Лавров признает, что его статьи носили явно революционную окраску, конечно, насколько это было возможно в условиях российской цензуры.

Следует заметить, ссылаясь на упомянутое письмо П. Л. Лаврова М. М. Ковалевскому, что далеко не все корреспонденции, присланные в редакцию, были опубликованы из-за слишком радикальной их направленности.

Однако они вызывали столь неподдельный интерес читателей, что на их основе даже предполагалось издать книгу «Заметки об Англии конца 80-х и начала 90-х годов» [30, с. 199]. Возможно, это стало бы частью задуманной П. Л. Лавровым «Всемирной истории».

Основой для написания статей русскому революционеру, хорошо знавшему быт и нравы Великобритании, неоднократно бывавшему в Лондоне, служили различные английские газеты: «Times», «Morning Post», «Star», «Commonwealth», «Truth» и др., – которые присылались ему, жившему в Париже, из Лондона (возможно, для того, чтобы затруднить царским властям поиск лондонского корреспондента). Часть материалов, по просьбе П. Л. Лаврова, высылала Э. Маркс-Эвелинг, дочь К. Маркса.

Отметим, что именно к ней, Э. Маркс-Эвелинг, обратился за советом П. Л. Лавров, когда его сотрудничество с газетой только начиналось. Он спрашивал, какие английские газеты и журналы следует в первую очередь читать, чтобы корреспонденции были интересными и информативными для русского читателя. Дочь К. Маркса весьма быстро ответила на письмо русского соратника. Она не только сообщила названия наиболее авторитетных британских изданий, но и подсказала методы их получения [24, с. 298–299].

Корреспондентское наследие П. Л. Лаврова в «Русских ведомостях» достаточно велико. Статьи, напечатанные в газете, по подсчетам ее сотрудника А. Н. Максимова, составили бы около восьми томов обычного журнального объема [19, с. 99]. Но дореволюционные и советские исследователи, как уже упоминалось, практически прошли мимо этого немалого научного наследия. Почему это произошло?

Находясь в эмиграции, русский революционер жил в Париже. Газета «Русские ведомости» издавалась в Москве. Сношения с редакцией велись через третьих лиц, постоянно менявшихся. Через третьих же лиц редакция высылала гонорары. Сношения велись очень и очень осторожно. О них знал лишь узкий круг людей. Сотрудничество приходилось скрывать от служащих конторы и от других работников из-за понятной боязни, что оно станет известно правительственным органам, яро ненавидевшим П. Л. Лаврова. Заметим, что вести

сотрудничество через третьих лиц требовал сам революционер. Его письма в редакцию подписывались только буквами (П., П. Кр.) или псевдонимами (Pierre Kranz, Le vieux monsieur и др.). В одном из писем к редактору газеты В. М. Соболевскому, от 18 января 1894 года, он выражал опасения даже за переписку в пределах Франции: «Мы живем хоть и в республике, однако в такое время, что надо быть с почтою республики «свободы, равенства и братства» очень осторожными. А потому посылаю письмо через М. М.. Предоставляю Вам судить по местным удобствам, предпочтете ли Вы ответить мне прямо или тем же путем» [18, с. 49].

По соображениям же безопасности все статьи имели форму корреспонденций из Лондона, а не из Парижа, где жил Лавров. «Письма из Лондона» – все до единого – публиковались под разными псевдонимами. Обычно – «П-ь» или «Ъ». Эти псевдонимы не походили ни на один известный лавровский псевдоним. Помимо этого, далеко не все статьи, присылаемые Лавровым, составляли какую-нибудь последовательную серию, не все были объединены одинаковой подписью. Да и по содержанию они были весьма различны: русский революционер затрагивал в них совершенно разные стороны жизни британского общества: явления политические, социальные, говорил о литературных и научных новинках. Столь серьезные конспиративные меры даже заставляли сомневаться в дате начала сотрудничества П. Л. Лаврова с изданием. Высказывалось предположение, что начало взаимоотношений Лаврова с «Русскими ведомостями» восходит к более ранней дате, нежели 1886 год. Говоривший о такой возможности А. Н. Максимов ссылается на указание Н. В. Чайковского, которому П. Л. Лавров посоветовал писать в «Русские ведомости» еще в 1879 году [19, с. 99].

Все статьи по своему характеру были довольно умеренными: П. Л. Лавров прекрасно осознавал цензурные сложности. Об этом можно судить по письму, написанному русским революционером В. М. Соболевскому, тогдашнему редактору и издателю «Русских ведомостей», в феврале 1890 года по поводу Якутской истории (речь идет о подавлении организованного вооруженного протеста политических ссыльных в Якутске 22 марта 1889 года): «Вы, конечно, знаете о “Сибирских ужасах” и об агитации в Англии и Америке по этому поводу. В Англии образовалось три общества. На днях будет митинг в “Гайд-парке” (об этом ваш лондонский корреспондент едва ли известит вас). В Америке дело, как слышно, идет еще шире. А у нас-то что? Но закроем наготу Ноя покровом сыновьяго уважения» [18, с. 49].

Напомним, что «лондонским корреспондентом» был сам Лавров, который прекрасно понимал условия русской легальной печати и поэтому предъявлял «Русским ведомостям» вполне исполнимые требования и ценил в газете все, что было в ней действительно ценным, считая необходимым

сохранять издание, которое было бы оппозицией официальной правительственной печати.

Лавров всегда делился с редакцией газеты своей тревогой, когда в России усиливались гонения на все прогрессивное. Так, он был обеспокоен прекращением лекций Ю. С. Гамбарова, поражен слухами о запрещении лекций нескольких прогрессивных профессоров: Н. И. Кареева, С. А. Венгерова, М. И. Туган-Барановского и др., встревожен отставкой по болезни одного из виднейших сотрудников «Русских ведомостей» А. И. Чупрова. «Пожалуйста, сообщите, если вам что-либо известно», – пишет он в сентябре 1899 года в редакцию об этих событиях [19, с. 50–51]. Сотрудничество с газетой, таким образом, не ограничивалось одной посылкой статей – оно было гораздо шире.

Главное – это все же содержание самих «Писем из Лондона». Особое внимание П. Л. Лавров, учитывая интересы читателей «Русских ведомостей», уделял политическим событиям, происходившим в Англии. Поэтому значительная часть корреспонденций посвящена рассуждениям революционера о политической системе Британии, внутренней политике, борьбе в английском парламенте, характеристике ведущих политических партий – консервативной и либеральной. Интересны рассуждения П. Л. Лаврова и о внешней и колониальной политике («владычицы морей»).

Говоря о политических событиях, автор «Писем из Лондона», большую роль отводил политике десятилетия, давал меткие характеристики наиболее видным действующим личностям британской политики. Эти оценки весьма интересны и многочисленны.

Но не одними политическими событиями ограничивались интересы знаменитого эмигранта. Весьма часто он писал и об экономических явлениях.

С экономическими процессами, по мнению П. Л. Лаврова, тесно были связаны и интересы выступающего в этот период на арену борьбы за свои политические и экономические права рабочего класса. Естественно, не мог друг К. Маркса не затронуть в своих корреспонденциях для русской читающей публики и положение британского пролетариата, не рассказать о масштабных стачках, которые потрясли в это время Англию, о первых организациях рабочих, их лидерах.

Не была чужда русскому эмигранту и культурная жизнь Англии. Но его интересы, учитывая характер аудитории «Русских ведомостей», которые нередко называли «профессорской газетой», сосредоточились в основном на обозрении явлений британской науки. П. Л. Лавров в «Письмах из Лондона» (как и в ряде других своих работ) дал систематическое изложение истории английского общества последней четверти XIX века.

Всем важнейшим явлениям английской жизни был дан объективный и по возможности конкретный анализ.

Нельзя забывать и о том, что статьи П. Л. Лаврова были предназначены для легальной русской прессы. Поэтому в них русский революционер нередко и не мог полностью выразить свои взгляды и оценки, порой корреспонденции носят явный публицистический характер.

И все же «Письма из Лондона» дали русскому читателю более ясное представление об экономическом и политическом развитии Британской империи в конце XIX столетия, о происходивших внутри английского общества сложных процессах.

Выводы

Само содержание лавровских корреспонденций весьма разнообразно: в «Письмах из Лондона» он затрагивал самые различные аспекты политической, социальной и общественной жизни Великобритании, рассказывал о литературных и научных новинках. В них идет речь о парламентских дебатах, религиозных вопросах, тронной речи королевы, безработице, «страданиях рабочего класса», стачках, колониальной политике, освободительной борьбе ирландского народа, истории чартизма, женском движении, художественных выставках, театральных новинках...

Конечно, Лавров стремился, насколько это было возможно, подбирать информацию, которая отвечала бы интересам либеральной читающей публики. И все же, несмотря на попытки придать максимально осторожный тон своим корреспонденциям, публикуемым в подцензурном издании, его статьи носят явный отпечаток присущих ему революционных воззрений в даваемых им тем или иным явлениям общественной жизни Англии оценках. Поэтому они чрезвычайно важны для понимания философии и образа мысли русского народника.

Именно эти соображения и обуславливают необходимость обращения к лавровским «Письмам из Лондона».

Литература

1. Лавров, П. Л. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года / П. Л. Лавров. – Пг. : Колос, 1919. – 231 с.
2. Ленин, В. И. О «юбилее русской интеллигенции» / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Т. 24. – М.: Изд-во политической литературы, 1973. – С. 76–77.
3. Русская периодическая печать 1702–1894 гг. – М. : Политиздат, 1959. – 837 с.
4. Лесков, А. Н. Жизнь Николая Лескова : в 2 т. Т. 2 / А. Н. Лесков. – М. : Художественная литература, 1984. – 479 с.
5. Венгеров, С. А. Русские ведомости / С. А. Венгеров // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. – Т. XXVII. – М. : Брокгауз-Ефрон, 1899. – С. 332–333.
6. Гиляровский, В. А. Москва газетная. Русские ведомости / В. А. Гиляровский // Избранные

сочинения : в 3 т. – Т. 2. – М. : Московский рабочий, 1961. – С. 21–71.

7. Есин, Б. И. Русская дореволюционная газета 1702–1917. Краткий очерк / Б. И. Есин. – М. : МГУ, 1971. – 88 с.

8. Русанов, Н. С. Петр Лаврович Лавров (очерк его жизни и деятельности) / Н. С. Русанов // Былое. – 1907. – № 7. – С. 243–286.

9. Русанов Н. С. Биография Петра Лавровича Лаврова: Очерк его жизни и деятельности / Н. С. Русанов. – Лондон, – 1899. – 36 с.

10. Книжник-Ветров, И. С. Петр Лаврович Лавров / И. С. Книжник-Ветров. – М. : Прибой, 1928. – 144 с.

11. Kimball, A. The Russian Past and the Socialist Future in the Thought of Peter Lavrov / A. Kimball // Slavic Review. – 1971. – V. 30, № 1. – P. 28–44.

12. Pomper, P. Peter Lavrov and the Russian Revolutionary Movement / P. Pomper. – Chicago : University of Chicago Press, 1972. – 250 p.

13. Hecker, J. F. Russian sociology; a contribution to the history of sociological thought and theory / J. F. Hecker. – New York : The Columbia university press, 1915. – 309 p.

14. Walker, F. A. P. L. Lavrov's Concept of the Party / F. A. Walker // The Western Political Quarterly. – 1966. – V. 19, № 2. – P. 235–250.

15. Walker, F. A. The Morality of Revolution in Pyotr Lavrovich Lavrov / F. A. Walker // The Slavonic and East European Review. – 1962. – V. 41. – № 96. – P. 196–207.

16. Venturi, F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in 19th Century Russia / F. Venturi. – New York : New York : Alfred A. Knopf, 1960. – 850 p

17. Колубовский, Я. Н. Лавров о самом себе / Я. Н. Колубовский // Вестник Европы. – 1910. – № 10-11. – С. 92–108.

18. Русские ведомости. 1863–1913. Сборник статей. I отдел. – М. : Русские ведомости, 1913. – 312 с.

19. Русские ведомости. 1863–1913. Сборник статей. II отдел. – М. : Русские ведомости, 1913. – 230 с.

20. Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов : в 4 т.

Т. 4 / И. Ф. Масанов. – М. : Книжная палата, 1960. – 558 с.

21. Розенберг, В. Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» (1863–1918 гг.) / В. Розенберг. – Прага : Пламя, 1924. – 263 с.

22. Материалы для биографии П. Л. Лаврова / под ред. П. Витязева. Вып. I. – Пг. : Колос, 1921. – 91 с.

23. Володин, А. И. Фридрих Энгельс и Петр Лавров / А. И. Володин, Б. С. Итенберг // Энгельс и проблемы истории : сборник статей. – М. : Наука, 1970. – С. 382–388.

24. Володин, А. И. Лавров / А. И. Володин, Б. С. Итенберг. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 319 с.

25. Итенберг, Б. С. По страницам «Русских ведомостей». Петр Лавров о Чарлзе Парнелле / Б. С. Итенберг // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М., 1981. – С. 233–240.

26. Золотарев, О. В. П. Л. Лавров об английских политических деятелях XIX в. (Гладстоне, Дизраели, Парнелле) / О. В. Золотарев // Буржуазная историография Западной Европы и США проблем новой и новейшей истории (XIX–XX вв.) : межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар : СГУ, 1986. – С. 71–79.

27. Золотарев, О. В. П. Л. Лавров о политической борьбе в английском парламенте в конце XIX века / О. В. Золотарев // Классовая борьба и общественная мысль в истории стран Европы и Америки XIX–XX вв. : межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар : СГУ, 1988. – С. 70–78.

28. Золотарев, О. В. П. Л. Лавров о некоторых аспектах внешней политики Великобритании в конце XIX в. / О. В. Золотарев // Социально-политические проблемы в истории зарубежных стран : межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар : СГУ, 1994. – С. 47–54.

29. Лавров, П. Л. Статьи, воспоминания, материалы / П. Л. Лавров. – Пг.: Колос, 1922. – 523 с.

30. Письмо П. Л. Лаврова М. М. Ковалевскому // Русское богатство. – 1914. – № 1. – С. 192–202.

Золотарев Олег Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина (Сыктывкар), e-mail: kimoopd@syktsu.ru. ORCID: 0009-0003-3128-9353

Поступила в редакцию 26 февраля 2026 г.

P. L. LAVROV'S COLLABORATION WITH THE *RUSSKIYE VEDOMOSTI* NEWSPAPER**O. V. Zolotarev***Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation*

The article analyzes a little-known aspect of the creative legacy of the prominent Russian revolutionary populist, P. L. Lavrov. Most people know him as a theorist of the populist movement, philosopher, mathematician, and historian. However, he was also a talented publicist as evidenced by his collaboration with the liberal newspaper *Russkiye Vedomosti*, which was popular among intellectuals. P. L. Lavrov's articles entitled "*Letters from London*" were published in the newspaper under various pseudonyms for a long period of time, from 1886 to 1897. The article analyzes various aspects of the relationship between the Russian populist and the newspaper's management, highlighting the caution with which the revolutionary emigrant interacted with the editorial staff. Perhaps this explains why his collaboration with the newspaper is largely unknown. Thus, this part of the revolutionary scientist's legacy remains almost unexplored.

In his correspondence, P. L. Lavrov (who lived in Paris and obtained information for his letters from English newspapers) covered a wide range of social, political, economic, and cultural aspects related to the British Empire.

Lavrov undoubtedly tried as much as he could to select information that would be of interest to the liberal reading public. However, despite his efforts to adopt a cautious tone in his writings published in a censored newspaper, his articles clearly reflect his revolutionary views. Therefore, they are crucial for understanding the philosophy and mindset of the Russian populist.

Keywords: P. L. Lavrov, *Russkiye Vedomosti* newspaper, "*Letters from London*", liberal intelligentsia, public life, economy, labor movement, political system, British political figures.

References

1. Lavrov P.L. Parizhskaya Kommuna 18 marta 1871 goda [The Paris Commune on March 18, 1871]. Pg.: Kolos, 1919. 231 p.
2. Lenin V.I. O "yubilee russkoi intelligentsia" [About the "jubilee of the Russian intelligentsia"] // *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 24. Moscow: Political Literature Publishing House, 1973. P. 76–77.
3. Russkaya periodicheskaya pechat 1702–1894 gg. [The Russian Periodical Press 1702–1894]. Moscow: Politizdat, 1959. 837 p.
4. Leskov A.N. Zhizn Nikolaya Leskova [The Life of Nikolai Leskov]: v 2 t. T. 2. Moscow: Art Literature, 1984. 479 p.
5. Vengerov S.A. Russkie vedomosti [Russian Vedomosti] // *Entsiklopedicheskii slovar Brokgauza i Yefrona*: v 86 t. T. XXVII. Moscow: Brokgauz-Efron, 1899. P. 332–333.
6. Gilyarovskii V.A. Moskva gazetnaya. Russkie vedomosti [Moscow Newspaper. Russian Vedomosti] // *Izbrannye sochineniya*: v 3 t. T. 2. Moscow: Moscow worker, 1961. P. 21–71.
7. Yesin B.I. Russkaya dorevolyutsionnaya gazeta 1702–1917. Kratkii ocherk [The Russian Pre-Revolutionary Newspaper 1702–1917. A brief sketch]. Moscow: MSU, 1971. 88 p.
8. Rusanov N. S. Petr Lavrovich Lavrov (ocherk yego zhizni i deyatel'nosti) [Peter Lavrovich Lavrov (an Essay on his Life and Work)] // *Biloe*. 1907. № 7. P. 243–286.
9. Rusanov N.S. Biografiya Petra Lavrovicha Lavrova: Ocherk yego zhizni i deyatel'nosti [Biography of Peter Lavrovich Lavrov: An Outline of his Life and Work]. London, 1899. 36 p.
10. Knizhnik-Vetrov I.S. Petr Lavrovich Lavrov [Peter Lavrovich Lavrov]. Moscow: Priboi, 1928. 144 p.
11. Kimball A. The Russian Past and the Socialist Future in the Thought of Peter Lavrov // *Slavic Review*. 1971. V. 30, № 1. P.28–44.
12. Pomper P. Peter Lavrov and the Russian Revolutionary Movement. Chicago: University of Chicago Press, 1972. 250 p.
13. Hecker J.F. Russian Sociology; a Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. New York: The Columbia university press, 1915. 309 p.
14. Walker F.A. P.L. Lavrov's Concept of the Party // *The Western Political Quarterly*. 1966. V. 19, № 2. P. 235–250.
15. Walker F.A. The Morality of Revolution in Pyotr Lavrovich Lavrov // *The Slavonic and East European Review*. 1962. Vol. 41. № 96. P. 196–207.

16. Venturi F. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in 19th Century Russia*. New York: New York : Alfred A. Knopf, 1960. 850 p.
17. Kolubovskii Y.N. Lavrov o samom sebe [Lavrov about himself] // *Vestnik Yevropi*. 1910. № 10–11. P. 92–108.
18. *Russkie vedomosti. 1863–1913* [Russian Vedomosti. 1863–1913. Collection of articles. I department]: sbornik statei. I otdel. Moscow: Russkie vedomosti, 1913. 312 p.
19. *Russkie vedomosti. 1863–1913* [Russian Vedomosti. 1863–1913. Collection of Articles. II Department]: sbornik statei. II otdel. Moscow: Russkie vedomosti, 1913. 230 p.
20. Masanov I.F. *Slovar psevdonomimov* [Dictionary of Pseudonyms]: v 4 t. T. 4. Moscow: Book Chamber, 1960. 558 p.
21. Rozenberg V. *Iz istorii russkoi pechati. Organizatsiya obshchestvennogo mneniya v Rossii i nezavisimaya bespartijnaya gazeta «Russkie vedomosti» (1863–1918 gg.)* [From the History of the Russian Press. The Organization of Public Opinion in Russia and the Independent Non-Partisan Newspaper Russian Vedomosti (1863–1918)]. Praga: Flames, 1924. 263 p.
22. *Materiali dlya biografii P.L. Lavrova / pod red. P. Vityazeva. Vip. I.* [Materials for the Biography of P.L. Lavrov]; pod red. P. Vityazeva. Pg.: Kolos, 1921. 91 p.
23. Volodin A.I., Itenberg B.S. *Fridrikh Engels i Petr Lavrov* [Friedrich Engels and Peter Lavrov] // *Engels i problemi istorii*: sbornik statei. Moscow: Science, 1970. P. 382–388.
24. Volodin A.I., Itenberg B.S. *Lavrov* [Lavrov]. Moscow: Young Guard, 1981. 319 p.
25. Itenberg B.S. *Po stranitsam “Russkikh vedomostei”. Petr Lavrov o Charlze Parnelle* [According to the Pages of the “Russian Vedomosti”. Peter Lavrov on Charles Parnell] // *Problemi istorii russkogo obshchestvennogo dvizheniya i istoricheskoi nauki*. Moscow, 1981. P. 233–240.
26. Zolotarev O.V. *P.L. Lavrov ob angliiskikh politicheskikh deyatelyakh XIX v. (Gladstone, Dizraeli, Parnelle)* [P. L. Lavrov on English Political Figures of the 19th Century (Gladstone, Disraeli, Parnell)] // *Burzhuaznaya istoriografiya Zapadnoi Yevropi i SShA problem novoi i noveishei istorii (XIX–XX vv.): mezhvuzovskii sbornik nauchnikh trudov*. Syktyvkar: SSU, 1986. P. 71–79.
27. Zolotarev O.V. *P.L. Lavrov o politicheskoi borbe v angliiskom parlamente v kontse XIX veka* [P.L. Lavrov on the Political Struggle in the English Parliament at the End of the 19th Century] // *Klassovaya borba i obshchestvennaya misl v istorii stran Yevropi i Ameriki XIX–XX vv.: mezhvuzovskii sbornik nauchnikh trudov*. Syktyvkar: SSU, 1988. P. 70–78.
28. Zolotarev O.V. *P.L. Lavrov o nekotorykh aspektakh vneshnei politiki Velikobritanii v kontse XIX v.* [P.L. Lavrov on Some Aspects of British Foreign Policy at the End of the 19th Century] // *Sotsialno-politicheskie problemi v istorii zarubezhnikh stran: mezhvuzovskii sbornik nauchnikh trudov*. Syktyvkar: SSU, 1994. P. 47–54.
29. *Lavrov P.L. Stati, vospominaniya, materiali* [Lavrov P.L. Articles, memoirs, materials]. Pg.: Kolos, 1922. 523 p.
30. *Pismo P.L. Lavrova M.M. Kovalevskomu* [Letter from P.L. Lavrov to M.M. Kovalevsky] // *Russkoe bogatstvo*. 1914. № 1. P. 192–202.

Oleg V. Zolotarev – D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Subjects, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar), e-mail: kimoopd@syktsu.ru

Received February 26, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Золотарев, О. В. Сотрудничество П. Л. Лаврова с газетой «Русские ведомости» / О. В. Золотарев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 32–39. DOI: 10.14529/ssh260204

FOR CITATION

Zolotarev O. V. Lavrov's collaboration with the Russkiye Vedomosti newspaper. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 32–39. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260204

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ: ИДЕИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ, КРИТИКА (ВОКРУГ КНИГИ БРИТАНСКОГО ИСТОРИКА ЭДВАРДА КАРРА)

М. Д. Пархоменко

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Книга британского историка Эдварда Карра «Что такое история?», вышедшая впервые в 1961 г., составляет важную часть его интеллектуального наследия. В данном труде автор размышляет над историей как научной дисциплиной и как процессом развития. Работа Карра, основанная на его лекциях в Кембридже, стала весомым вкладом в дискуссию о противоречиях между причинностью и случайностью, свободой воли и детерминизмом, индивидуальностью и обществом, субъективностью и объективностью. В фокусе данной статьи находятся идеи Э. Карра о природе исторической науки, представленные в его книге «Что такое история?», интерпретация, критика историческим сообществом этих идей. Автор статьи предпринял попытку реконструировать взгляды Э. Карра на историю как процесс и науку в рамках интеллектуальной истории, которая фокусируется на изучении идей, мыслей, концепций и интеллектуальных течений в контексте их времени. Единого взгляда на книгу «Что такое история?» нет, как в целом нет и однозначного ответа на этот непростой вопрос. Многие англоязычные авторы рассматривают концепции известного британского историка, анализируя их в контексте собственных реалий и профессий.

Ключевые слова: Э. Х. Карр, англоязычная историография, эпистемология, теория истории, философия истории.

Введение

Британский историк Эдвард Карр (1892–1982) – дипломат, журналист и специалист по раннему советскому периоду, автор большого числа работ по данной тематике. Он также известен своей книгой «Что такое история?», которая стала значимым явлением в исторической науке [1]. Его работа создана на основе конспекта лекций, прочитанных студентам в 1961 г. в Кембридже. Книга состоит из шести глав. Оригинал не имел ни введения, ни заключения. Текст введения появился только в 1987 г. в обновленном британском издании и написан был одним из ближайших учеников Карра – специалистом по экономической истории Р. Дэвисом. Вместо заключения в этом издании содержится описание некоторых идей и размышлений Карра по данной проблематике, которые он не успел воплотить в опубликованные тексты. Эту информацию можно обнаружить в его бумагах, находящихся в личном архиве библиотеки Бирмингемского университета, который был создан при поддержке Дэвиса.

На оригинальном (английском) языке «Что такое история?» стала самой продаваемой из числа работ Карра. Книгу перевели на ряд языков мира, в том числе на русский, немецкий [2], шведский, португальский [3], испанский [4], турецкий, хорватский и т. д.) [5]. Русских переводов существует два: советское издание 1988 года и казахстанское издание 1997 года [6, 7].

Обзор литературы

В историографии, преимущественно западной, научной деятельности и трудам Карра посвящено несколько работ. Наиболее важные из них следующие: во-первых, труд британского исследователя Кита Дженкинса «Так “Что такое исто-

рия?»: от Карра и Элтона до Рорти и Уайта» (1995), где теоретические взгляды Карра подвергнуты серьезной критике [6]; во-вторых, материалы научной конференции (1997) в виде сборника статей, посвященных интеллектуальному наследию Карра. Сборник включает в себя четыре раздела: 1) особенности биографии и творческого пути Карра; 2) его политические взгляды и отношение к Советскому Союзу; 3) его вклад в политическую науку; 4) его теоретические размышления об истории. Американец Джонатан Хэслэм и британец Роберт У. Дэвис представляют здесь биографию Карра как человека и исследователя. Политолог и историк из США Майкл Кокс в своей статье описывает отношения между Карром и экс-троцкистом и социалистом Исааком Дойчером. Другой автор Хиллель Тиктин анализирует взгляды Карра на советскую политическую систему в контексте Холодной войны. Стивен Уайт реконструирует то, как труды Карра воспринимались в Советском Союзе до периода Перестройки. В то время как консервативные критики Карра на Западе называли его многотомный труд «История Советской России» прокоммунистическим, в специализированных журналах СССР работа, наоборот, была признана хотя и «объективной», но все-таки буржуазной и в чем-то «искажающей историю». Только во время Перестройки труды Карра получили признание, и его история Российской революции была переведена и издана в Советском Союзе. В других статьях сборника политологов Питера Уилсона, Пола Ричи, Тима Данна, Эндрю Линкейтера и Фреда Холлидея содержится аналитика политических взглядов Карра в контексте его критики деятельности Лиги Наций и международного сообщества в межвоенный период. В этом

сборнике также есть работа Кита Дженкинса, который в постмодернистской перспективе критикует теоретические взгляды Карра на историю [9].

В статье Андерса Стефансона есть ответы на вопрос, почему лекции Карра в Кембридже в 1961 г. по теории и методологии, опубликованные как «Что такое история?», оказались настолько влиятельными и вдохновили многих других исследователей. [5].

И, наконец, в 1999 г. Джонатан Хэслэм издал биографию Карра отдельной книгой, которая, по сути, является первой и единственной. Автор биографии опирался на документы из личного архива Карра и проанализировал его труды, в том числе «Что такое история?». Последней книге посвящена целая глава [10].

С одной стороны, теоретические взгляды Карра на историю, как правило реконструируемые на основе его труда «Что такое история?», достаточно хорошо изучены в англоязычной историографии. Но остается ряд неисследованных аспектов. Так, например, этот теоретический труд, как правило, изучается в отрыве от научной дискуссии и его критики.

Методы исследования

Данная статья является попыткой реконструировать взгляды Карра на историю как процесс и науку в рамках интеллектуальной истории, которая фокусируется на изучении идей, мыслей, концепций и интеллектуальных течений в контексте их времени. Исследователи в области интеллектуальной истории стремятся понять генезис и эволюцию мысли и убеждений в различные исторические периоды, а также их влияние на общественные процессы, политику, культуру и науку. Интеллектуальная история исследует не только конкретные идеи и концепции, но и способы, которыми они формировались, распространялись и влияли на действия людей и общества в целом. Здесь также важен контекст, в котором возникали идеи, в свете социокультурных и политических условий времени [11].

Это направление исторических исследований дает возможность понять развитие мысли и интеллектуальных течений, а также их влияние на формирование и изменение общественных ценностей, норм и убеждений. Мелвин Рихтер, Квентин Скиннер, Рейнхард Козеллек относятся к наиболее известным исследователям в этой области [12–14].

Одним из концептов данного направления является интеллектуальное наследие, которое представляет собой совокупность знаний, убеждений, идей, размышлений, концепций, теорий, сформулированных преимущественно в текстах. Интеллектуальное наследие может быть представлено как в форме индивидуального вклада мыслителей [15], так и в форме коллективных достижений определенных интеллектуальных течений и школ мысли. Оно создает основу для дальнейшего раз-

вития знаний и идей, служит источником вдохновения и обучения для будущих поколений. Кроме того, интеллектуальное наследие играет важную роль в формировании культурного и интеллектуального ландшафта общества, помогая сохранить и передать ценные знания и идеи, которые способствуют развитию человечества [16, 17].

Результаты и дискуссия

Остановимся на ключевых идеях Карра, высказанных в книге «Что такое история?». С одной стороны, он, обращаясь к истории как процессу, отвергает идею ее линейного и неизбежного прогрессивного развития. С другой стороны, Карр обозначает проблемы, связанные с историей как наукой. Например, он затрагивает вопрос об объективности в исторической науке и подчеркивает, что «нет объективности фактов, только существует отношение между фактами и интерпретацией» [4, p. 147–148]. Он также рассматривает случайность в истории и советует историкам учитывать случайные факторы в историческом процессе, когда они реконструируют прошлое. Описывая работу историка как диалог между прошлым и настоящим, Карр утверждает, что критерием для интерпретации истории является современность.

Рассуждая о вопросе, можно ли было избежать определенных событий в истории, Карр уверенно говорит «да» и приводит такие примеры, как Российская революция, войны Алой и Белой Розы, нормандское завоевание Англии, подчеркивая, что при определенных обстоятельствах эти события и явления могли бы не произойти. Но если это случилось, то необходимо выяснить первопричины произошедшего. Кроме того, Карр отмечает, что действия отдельных лиц и их результаты часто не соответствуют заранее задуманным целям, как в свое время писал об этом немецкий философ Г. Гегель. Между намерениями индивида и последствиями его действий, с точки зрения Карра, не может быть строгой математической последовательности. Поэтому историк недостаточно использовать объяснения самих действующих лиц о своих мотивах. Напротив, эти объяснения могут быть неубедительными [18, s. 1–11].

Утверждая, что между естественно-научными и историческими исследованиями существуют общие черты, Карр выдвигает следующие положения и тут же опровергает их. Первое положение: история как процесс познания фокусируется исключительно на конкретных случаях, в то время как науки о природе стремятся к изучению общих закономерностей. Но в то же время Карр замечает, что историк интересуется не только конкретным случаем, а, исходя из единичного исследования, скорее стремится объяснить общее через уникальное. Обобщение единичного опыта служит основанием не только для проверки исходной гипотезы, но и для критической проверки похожих событий. Подобно естественным наукам, история также

нацелена на неразрывное соотношение между конкретным случаем и обобщением.

Второе утверждение: из истории нельзя извлечь уроки. Но Карр также отвергает такое заявление, приводя множество примеров из истории (от римлян до XX века). В процессе осмысления история служит не только для «освещения настоящего в свете прошлого», но и для «понимания прошлого в свете настоящего» [4, p. 178].

Третий тезис гласит, что на основе истории нельзя делать прогнозы о будущих событиях и явлениях. Данное утверждение основано на предположении, что естественные науки могут это делать. Но Карр пишет, что ни историческая наука, ни естественные науки не в состоянии в точности прогнозировать какие-либо события, однако могут выявить тенденции путем построения вероятностных цепочек событий на основе обобщений. Ни по цели, ни по методу история существенно не отличается от естественных наук, хотя, как подчеркивает Карр, выводы ученого-естественника превосходят выводы историка по точности.

Четвертое утверждение: история по своей природе субъективна, поскольку человек-исследователь изучает таких же людей, только в прошлом. Карр с этим не согласен и утверждает, что и в естественных науках присутствует субъективность, то есть «определенная степень взаимоотношений и взаимозависимости» между субъектом и объектом сегодня признается и включается в процесс познания во всех науках. Таким образом, в современной философии науки строгое разделение субъекта и объекта больше не существует.

Следующее положение: в отличие от наук о природе, исторические трактовки зависят от религиозных и моральных норм. Против этого Карр выводит другой тезис, что зачастую историк, даже руководствуясь своими религиозными и моральными убеждениями, стремится быть по возможности объективным и придерживаться научных стандартов, в том числе в своих интерпретациях [18, s. 1–11].

В заключение третьей главы книги Карр подчеркивает, что термин «наука» охватывает такое многообразие методов, что разделение различных областей науки практически невозможно и в рамках строгой категоризации также малопродуктивно. При этом, как он утверждает, попытка исключить историю из круга «настоящих наук» была предпринята не учеными-естествоиспытателями, а именно историками и философами. Последние хотели подчеркнуть свою принадлежность к «*litterae humaniores*» («словесным наукам»).

Далее в своей работе Карр обращается к причинно-следственным связям в истории. Он говорит о том, что вместо того, чтобы формулировать утверждения, которые хотя и верны, но не объясняют ничего, исследователю следует понимать

историю как изучение причин и искать новые ответы на вопрос «почему?». Необходимо все многообразие причин иерархически упорядочить, чтобы определить их последовательность и соотношение друг с другом. Именно в этом и заключается интерпретация исторического события. В этом «двойком и, казалось бы, противоречивом процессе» между осмыслением причин (интерпретаций, взглядов, идей) и упрощением (отбором значимых источников), между установлением последовательности причин и их иерархизацией Карр видит не только задачу историка, но и прогресс в исследовании истории как науки. Он подразумевает, что этот процесс интерпретации неизбежно подвержен влиянию духа времени, научных течений или ценностных суждений. «Только историк, осознающий свою собственную привязанность к месту и времени, может преодолеть это в своей работе» [1, p. 112].

В контексте связи причины и следствия автор обращается к крайним полюсам: детерминизму и случайности в истории. Детерминизм он понимает как «веру [...] в то, что все происходящее, имеет одну или несколько причин и не могло бы произойти иначе, если бы что-либо в них изменилось. Эта проблема, по его мнению, не относится исключительно к истории, а распространяется на всё человеческое поведение. По мнению Карра, человеческие действия без причин являются лишь абстракциями. Антагонизм свободы воли и детерминизма у таких мыслителей, как Исайя Берлин и Карл Поппер, британский историк отрицает, поскольку каждое человеческое действие одновременно свободно и детерминировано. Эти скорее антропологически-эмпирические подходы, в отличие от сильно теоретизированных идей Берлина и Поппера, могут служить практической рабочей моделью для историка. Поиск причин не освобождает историка от морального суждения, потому что, по мнению Карра, «причина и моральная ответственность – это две разные категории» [5, с. 325–326].

Вместо того чтобы рассматривать историю как «ряд событий, определенных случайными совпадениями» и трактовать её «только чисто случайными причинами», Карр, следуя за мнением ирландского историка Джона Багнелла Бери, предлагает понимать случайность в истории как «столкновение двух независимых каузальных последовательностей». И задача историка здесь заключается в том, чтобы интегрировать то, что ранее считалось случайным, рациональным и осмысленно в свою интерпретацию прошлого. Ключевым моментом в процессе интегрирования случайных каузальных последовательностей в интерпретацию историка является нахождение связи между множеством событий и их рациональным объяснением. В то время как случайности не могут быть обобщены, рациональные причины потенциально

могут быть перенесены и на другие кейсы и привести к плодотворным обобщениям. Следовательно, по мнению Карра, историческая наука должна «способствовать нашему пониманию прошлого в свете настоящего и настоящего в свете прошлого» [1, р. 94].

В своей пятой лекции Карр обращается к «истории как прогрессу». Стремление людей интерпретировать и понимать смысл истории привело их, начиная с эпохи Просвещения, к вере в прогресс. Однако в XX веке эта вера была подорвана. По мнению Карра, главной причиной этого является смещение центра мировой власти из «англо-европейского» пространства в другие регионы земного шара. Но при этом Карр возражает против концепции регресса и «конца истории», поскольку утверждает, что история – это процесс, в котором умения, приобретенные каждым поколением, передаются дальше. Основным здесь является то, что нельзя определить ни начало, ни конец этого процесса, и он никогда не прямолинеен, отступления, обходы или прерывания всегда возможны. Кроме того, сама идея прогресса является сознательным конструктом интеллектуалов, созданным в настоящем для осмысления прошлого [1, р. 117].

Относительно проблемы объективности в исторической науке Карр отмечает, что факты о прошлом становятся таковыми благодаря значению, которое им придает историк. Работа историка начинается с цели, которая редко может быть четко определена, но всегда указывает направление исследования. Это позволяет делать различия между существенным и несущественным материалом. Историк, стремящийся к объективности своих трактовок, отличается тем, что, с одной стороны, он испытывает необходимость «подняться над ограниченным видением своего собственного положения в обществе и в истории», а с другой стороны, обладает способностью «проектировать свое видение таким образом в будущее, чтобы достичь более глубокого и долгосрочного понимания прошлого» [5, с. 328–329]. Такой широкий взгляд или, как говорит Карр, «чувство направления» необходимо историку для осмысленного понимания и описания исторических событий [1, р. 143].

Автор биографии Эдварда Карра «The Vices of Integrity: E. H. Carr, 1892–1982» Джонатан Хэслэм утверждал, что идеи, высказанные Карром в этой книге, построенной на курсе лекций, были достаточно провокационными и противоречили природе истории и научной традиции того времени, которые он отстаивал прежде. Так, «факты» теперь не «говорят сами за себя», а только тогда, когда им позволит «говорить» историк, на которого таким образом возлагается ответственность правильной интерпретации истории. Время, место и ситуация, в которой находится историк, неизбежно влияют на его взгляды относительно событий прошлого. Объективная истина существует,

конечно, но ни один историк или ни одна школа историков не может утверждать о достижении абсолютной истины [10, р. 195–198].

Согласно мнению современного историка Андерса Стефансона, непосредственным источником вдохновения для Карра являлись идеи Р. Г. Коллингвуда, которого тот называл «единственным британским мыслителем этого столетия [XX века], внесшим вклад в философию истории». Именно размышления Коллингвуда подтолкнули Карра установить первоначальную полярность относительно статуса фактов и утверждать, что факты не являются независимыми от наблюдателя, а создаются посредством определенного процесса взаимодействия между историком и исходным материалом о прошлом, который можно было бы назвать «заинтересованной избирательностью» [19, р. 283].

Однако тут же Карр дополняет эти размышления своими уточнениями, меняя, таким образом, их первоначальный смысл. Он настаивает на том, что все версии одинаково приемлемы. И тут же он вновь указывает на существование независимых фактов (или, по крайней мере, «данных», «пред-фактов»), считая необходимым придерживаться некоторого понятия «объективности». «Рассмотрим, – предлагает он, – гору. Наблюдая ее под разными углами, можно получить разные представления, но из этого не следует, что она объективно либо вообще не имеет формы, либо имеет бесконечность форм. Гора есть, она имеет определенную форму и теоретически можно создать некий её образ, который (предположительно) весьма близко соответствует её форме как объекта. Итак, есть некоторая объективность фактов. В конечном счете, то же самое справедливо и для рыбы. Рыбаки, как историки, выбирают “вид рыбы”, которую они стремятся добыть из “части океана”, используя при этом определенные методы и средства. Таким образом, рыба действительно существует и ее ловят». Иными словами, всегда имеются некие объективные, поддающиеся проверке данные, «строительные блоки, сырьевой материал», которые становятся «фактами», и историк использует их для построения целостной картины исторического события. Можно сказать, что «история является результатом непрерывного взаимодействия с этими «кирпичиками». Мир историка, как и мир ученого, он представлял не как «фотографическую копию реального мира», а скорее как «рабочую модель, которая позволяет ему более или менее эффективно понимать происходящее и уметь этим воспользоваться» [19, р. 284–285].

Кроме того, Карр стремится подтвердить кулуарный, прогрессивный характер самой исторической науки. Истина не просто меняется со временем, а движется вперед, как и уровень исторической интерпретации. То есть, «в 1920-е годы мы имели лучшее представление о Бисмарке, чем в 1890-е, а в 1960-х годах у нас есть еще луч-

ший вариант» истории о нем [19, р. 286]. Настоящее он трактует как движение истории от прошлого к будущему. Само по себе для Карра оно не является привилегированным пространством интерпретации, поскольку есть «всего лишь волнуемое мгновение, чье истинное значение полностью определяется тем, что происходило раньше, и тем, что, по мнению человека, будет после». Поэтому прагматический взгляд на историю для Карра неприемлем, так как такая позиция полностью подчиняет факты истории нынешним потребностям и поэтому имеет тенденцию описывать их неточно и искаженно.

По мнению Стефансона, Карр считал, что в исследовании прошлого существует непреодолимый элемент субъективности, и никакая абсолютная объективность не может быть достигнута в принципе. Объективность же связана с потенциальным качеством анализа и должна начинаться с неизбежного налета субъективности. Как только будут прояснены историческая изменчивость и ценности, историки смогут достичь объективности до такой степени, что будут способны различать существенное и случайное среди фактов и соотносить эту абстракцию с целью исследования. Ведь только серьезный и квалифицированный историк способен выбирать действительно значимые факты. Критерием же значимости для Карра является соответствие поставленных целей, которые, в свою очередь, не являются статическими и меняются вместе с исследованием. Таким образом, «порядочные историки» правильно понимают факты (или предварительные данные), но лишь великие выбирают «правильные факты» и применяют «правильный стандарт значимости» [19, р. 286].

С аналитической же точки зрения, говорит Стефансон, рассуждения о причинно-следственных связях являются самым слабым моментом в книге, поскольку они рассматриваются Карром в духе «повседневной жизни». Так, историки, как и все остальные, должны верить, «что человеческие действия имеют причины, которые в принципе можно установить», однако история была бы инструментально бесполезной, если бы обычное чувство причинности (а также инструментальная связь между средствами и целями) не имело места. В данном контексте Карр подразумевает, что историю следует понимать «как некую последовательность, в которой один набор событий или идей ведет к другому набору событий или идей, влияя и определяя их» [19, р. 287].

Таким образом, после установления иерархии из значимых фактов историки должны выстроить иерархию значимых причин. Причинного упорядочения, утверждает Карр, можно достичь путем установления последовательности причин, которая лучше всего соответствует «модели рационального объяснения и интерпретации» по выбору историка, определив, таким образом, основные при-

чинно-следственные цепочки и отбросив случайные [19, р. 288].

Историческая наука [*Wissenschaft* с нем. яз.], по мнению Карра, близка к естествознанию, поскольку последнее имеет дело с событиями и так же ограничено временем, как и историография, общей их целью можно назвать определение причинно-следственных связей между событиями, чтобы сделать общие выводы, которые расширяют знания и ведут к дальнейшим исследованиям. Историю исследовать даже труднее, потому что люди действуют на основе опыта и, таким образом, со временем меняют поведение. При этом речь должна идти об извлечении универсального из частного или, лучше сказать, о том, чтобы увидеть общее значение частного. Следовательно, мостом между естествознанием и историей является концепция «обобщения» [19, р. 289].

Однако эти науки имеют принципиально разные методы исследования. «Стандартная модель исследования в естественных науках и значительной части социальных наук – это повторяющаяся реализация (или “проверка”) номотетического предположения, гипотезы или теории. Способ понимания науки принимает здесь типичную форму “кейс-стади”: серии примеров, призванных доказать или опровергнуть предполагаемую теорию – или “модель”. История же как дисциплина имеет тенденцию справедливо отвергать эту процедуру как изначально враждебную временности» [19, р. 290].

О чем здесь идет речь, Карр красноречиво рассказывает в истории о Джонсе и Робинсоне. «Джонс, ведя машину в нетрезвом виде с неисправными тормозами, подезжает к повороту с плохой видимостью, где сбивает насмерть Робинсона, который вышел купить сигарет. Фактическую последовательность этого “события” можно установить с разумной уверенностью; но главное – это последующее выяснение того, какие факты и причины значимы. В то время как оксонские философы могли бы утверждать, что причиной смерти Робинсона была его привычка к курению, историки (и здравомыслящие ученые в целом) будут искать только причины более широкого значения: вождение в нетрезвом виде, неисправность тормозной системы или плохие дороги. Эти факты и причины представляют собой вопросы, с которыми можно что-то сделать. Индивидуальная склонность Робинсона к курению, напротив, представляет собой уникальную, случайную особенность, которая не может иметь никаких исторических последствий и не подлежит обобщению» [19, р. 290].

Таким образом, он указывает, что история, как и любая другая научная дисциплина, имеет общий масштаб и ощутимые последствия в будущем. Маргинальному и случайному, по мнению Карра, также нет места в истории. Окончательный стандарт для него состоит в «достижении», под

которым он понимает положительно все то, что оказывает своего рода влияние, и отрицательно – то, что является тривиальным. Несмотря на то что Карр был сторонником коммунистической идеологии, марксистского подхода к истории он никогда не разделял. Ни в одной из его публикаций нет ни малейшего проблеска историцизма. Да и в работе «Что такое история?» Карр многократно говорит о том, что история – это процесс, но при этом не утверждает, что существует какой-либо единственный фактор, или маленький набор факторов, по которым следует «измерять» историю [19, p. 291–293].

Британский историк Кит Дженкинс был первым интерпретатором идей Карра, высказанных в книге «Что такое история?». Он утверждает, что окончательный ответ Карра на вопрос о том, что такое история, не является ни скептическим, ни релятивистским, близким к вере в «объективность». Более объективным Карр считает такого историка, который в своих суждениях стремится установить равновесие между фактами и интерпретацией, между фактами и моральными ценностями, приближаясь таким образом к исторической истине [8, p. 44].

Но при этом Дженкинс называет Карра скептиком и релятивистом. Свою книгу «Что такое история?» Карр начинает с того, чем, по его мнению, историческая наука не является. Он утверждает, что «история – это не способ конструирования отчетов о прошлом, который одержим “фактами” и “документами”, ... в результате чего решающая важность формирования историка значительно недооценивается». Далее он продолжает, что «эта одержимость и недооценка возникли потому, что историки объединили три вещи: во-первых, простое, но всеобъемлющее утверждение..., что правильная функция историка заключается в том, чтобы избавиться от своих партийных взглядов и показать прошлое “как оно действительно было”; во-вторых, позитивистский акцент на индуктивный метод (сначала установить факты, а затем делать выводы из них); и, в-третьих (и это особенно в Англии), доминирующая эмпирическая этика». Таким образом, по словам Дженкинса, Карр решил поспорить с тем, что для него до сих пор считалось здравым смыслом в исторических исследованиях [20, p. 304–307].

Историческое познание для Карра, по словам Дженкинса, является историей мысли. Это «реконструкция в разуме историка мыслей тех, чьи истории он изучает» [8, p. 54]. Восстановление прошлого в сознании историка, таким образом, зависит от эмпирических доказательств, но не является их простым описанием и поэтому не может состоять в простой констатации фактов.

Заканчивая анализировать книгу Карра, Дженкинс делает вывод, что мировоззрение и идеи Карра уже не актуальны и не могут служить осно-

вой для современного понимания истории, поскольку в своем понимании вопроса о природе истории Карр опирается на мнения авторов и классические тексты своей юности, не уделяя должного внимания более современным теориям и направлениям в историографии [20, p. 320–321].

Свою точку зрения на идеи Карра предложил и греческий экономист Григорий Папаникос [21], признавая весомый вклад Карра в процесс развития исторической мысли. В сжатом виде он сформулировал это в семи тезисах. Во-первых, все факты (включая статистические данные) Карр считал важными для историков, которые в состоянии определить историческую значимость фактов, выбирая интересующие их. Так, по определению, факты делятся на исторические (важные) и неисторические (неважные). Исторические факты существуют до тех пор, пока историки их используют, а после становятся просто фактами и возвращаются к своей безвестности.

Во-вторых, использование фактов предполагает их интерпретацию историками. Однако подход Карра, который позволяет неисторикам использовать факты, для Папаникоса не совсем понятен, поскольку в его интерпретации эта привилегия принадлежит «ex officio» [«по должности»] только профессиональным историкам. От исторических фактов развитие исторической эпистемологии движется к интерпретации, ведь без этого нет истории, нет прошлого, настоящего и будущего.

В-третьих, историческая наука является динамичным понятием, поскольку связывает прошлое с текущим настоящим и бесконечным будущим.

В-четвертых, историки пишут тексты всегда в контексте конкретного, определенного во времени и пространстве, общества и, следовательно, должны принять во внимание связь истории с другими науками. Однако Папаникос полагал, что экономика, с точки зрения Карра, бесполезна и не имеет будущего. «Карр не был [достаточно] осведомлен об экономической литературе, а если и был, то решил полностью игнорировать все достижения экономической науки с 1870-х годов и далее. ... Экономика доминировала в социальных науках и теперь расширяет свое влияние на другие науки», – утверждает экономист [21, p. 124].

В-пятых, по мнению Папаникоса, Карр указывает на важность причинно-следственной связи для всех наук, рассматривает ряд важных методологических вопросов причинности и объективности в истории.

В-шестых, «Карр подошел к истории эклектично». Греческий автор отмечает, что британский историк использует смесь субъективного (релятивистского, индуктивного) подхода с некоторыми элементами объективности и дедуктивного рассуждения. В итоге, заключает Папаникос, перед нами «шедевр путаницы» [21, p. 121–124].

Выводы

Итак, на основе вышеизложенного можно сказать, что, по мнению англоязычных исследователей, в своей работе «Что такое история?» Карр развернуто попытался ответить на этот сложный и многоаспектный вопрос, рассмотрев множество факторов, которые влияют на процесс установления конечной истины в трактовках исторических событий и явлений.

Американец Хэслэм рассматривает книгу Карра не только как бесспорный «индивидуальный вклад» в дискуссию о том, что же такое история и чем занимаются историки, но и как своего рода политический манифест о том, каким должно быть историческое образование.

Другой исследователь Стефансон также пишет о книге «Что такое история?» как о «политическом акте» в сфере образования. В то же время он показывает, что доверяет выводам Карра, но вопрос только в том, насколько можно считать его склонным к скептицизму или релятивизму, то есть является ли Карр сторонником того, что абсолютно ничего объективного нет и факты становятся фактами лишь тогда, когда попадут в поле зрения историка. На тот момент это выглядело как вызов, как отказ от классической исторической методологии.

Британец Дженкинс доказывает, что Карр был радикальным скептиком и книга «Что такое история?» небесспорная. Теоретические взгляды Карра Дженкинс называет устаревшими, не соответствующими современным требованиям и подходам в изучении истории.

Греческий экономист Папаникос, анализируя основные идеи Карра, называет методологию Карра «шедевром путаницы», критикует автора за то, что тот «решил полностью игнорировать все достижения экономической науки».

Таким образом, можно сказать, что в зарубежной исторической науке нет единого взгляда на теоретическую работу Карра «Что такое история?», как и в целом нет однозначного ответа на этот непростой вопрос. Существует множество интерпретаций идей известного историка, часть из которых рассмотрена выше, а другие еще предстоит изучить в будущем.

Литература

1. Carr, E. H. What is history?: the George Macaulay Trevelyan lectures delivered in the University of Cambridge, January-March 1961 / E. H. Carr ; ed. by R. W. Davies, 2th. ed. – London : Penguin Books, 1990. – 188 p.
2. Carr, E. H. Was ist Geschichte? / E. H. Carr ; [Aus d. Engl. von Siglinde Summerer u. Gerda Kurz] ; 6 Aufl. – Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz : Kohlhammer, 1981. – 168 s. – (Urban-Taschenbücher; Bd. 67).
3. Carr, E. H. Que é história? Conferências George Macaulay Trevelyan proferidas por E. H. Carr

na Universidade de Cambridge, janeiro-março de 1961 / E. H. Carr ; tradução de Lúcia Maurício de Alverga, revisão técnica de Maria Yedda Linhares; 3a ed. – Rio de Janeiro : Paz e Terra, 1982. – 130 p.

4. Carr, E. H. ¿Qué es la historia? Conferencias “George Macaulay Trevelyan” dictadas en la Universidad de Cambridge en enero-marzo de 1961 / E. H. Carr ; Traducción de Joaquín Romero Maura; 2 ed. – Barcelona : Ariel, 1984. – 224 p.

5. Samuelson, L. ‘Från statskonst i kris till historievetskap i det kalla krigets skugga : Edward Hallett Carr (1892–1982) ‘From the Art of Government in Crisis to Historiography in the Shadow of the Cold War: Edward Hallett Carr (1892–1982)’ / L. Samuelson // Historisk Tidskrift. – 2003. – 123, 2. – P. 324–331.

6. Карр, Э. Г. Что такое история? / Э. Г. Карр ; под общ. ред. Н. Н. Яковлева. – М. : Прогресс, 1988. – 132 с.

7. Карр, Э. Г. Что такое история? Рассуждения о теории и роли историка / Э. Г. Карр. – Алматы : Жеті жаргы, 1997. – 208 с.

8. Jenkins, K. On ‘What is History?’: From Carr and Elton to Rorty and White / K. Jenkins. – London ; New York : Routledge/Taylor & Francis, 2005. – 212 p.

9. E. H. Carr: A critical appraisal / ed. M. Cox ; foreword J. Carr. – New York : Palgrave Macmillan, 2000. – 352 p.

10. Haslam, J. The Vices of Integrity: E. H. Carr, 1892–1982 / J. Haslam. – London ; New York : Verso, 1999. – 306 p.

11. Whatmore, R. What is intellectual history? / R. Whatmore. – Cambridge : Polity Press Ltd, 2016. – 137 p.

12. Richter, M. Begriffsgeschichte and the History of Ideas / M. Richter // Journal of the History of Ideas; University of Pennsylvania Press. – Apr.-Jun., 1987. – 48, 2. – P. 247–263.

13. Skinner, Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas / Q. Skinner // History and Theory, Blackwell Publishing for Wesleyan University. – 1969. – 8, 1. – P. 3–53.

14. Koselleck, R. Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache / R. Koselleck ; Mit zwei Beiträgen von Ulrike Spree und Willibald Steinmetz sowie einem Nachwort zu Einleitungsfragmenten Reinhart Kosellecks von Carsten Dutt. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2006. – 569 s.

15. Monk, R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius / R. Monk. – New York : Penguin Books, 1991. – 704 p.

16. Holmes, R. The Age of Wonder: The Romantic Generation and the Discovery of the Beauty and Terror of Science / R. Holmes. – New York : Knopf Doubleday Publishing Group, 2009. – 576 p.

17. Kuhn, Th. S. The Structure of Scientific Revolutions / Th. S. Kuhn ; Int. essay by Ian Hacking ; 4th ed. – Chicago : University of Chicago Press, 2012. – 264 p.

18. Edward Hallett Carr: "Was ist Geschichte?" / Redaktion durch C. Folkens und D. Kaune // Online-Veröffentlichung des studentischen Projektseminars "Altes, Neues, Geniales". – Leibniz Universität Hannover, 09/2016. – 11 s. – URL: www.hist.uni-hannover.de/fileadmin/hist/seitenvorlagen/musterdateien/Altes__Neues__Geniales_-_Was_ist_Geschichte.pdf (дата обращения: 02.12.2024).

19. Stephanson, A. The Lessons of What is History? // E. H. Carr : A critical appraisal ; ed. M. Cox;

foreword J. Carr. – New York : Palgrave Macmillan, 2000. – P. 283–303.

20. Jenkins, K. An English Myth? Rethinking the Contemporary Value of E. H. Carr's What is History? // E.H. Carr: A critical appraisal ; ed. M. Cox ; foreword J. Carr. – New York : Palgrave Macmillan, 2000. – P. 304–321.

21. Papanikos, G. T. What is History? An assessment of Carr's monograph / G. T. Papanikos. – Athens : ATINER, 2020. – 196 p.

Пархоменко Михаил Дмитриевич – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mihail.ph774@gmail.com. ORCID: 0009-0001-9555-2232

Поступила в редакцию 26 февраля 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260205

WHAT IS HISTORY: EXPLORING IDEAS, INTERPRETATIONS, AND CRITICISM (BASED ON THE BOOK BY THE BRITISH HISTORIAN EDWARD CARR)

M. D. Parkhomenko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The book *What Is History?* by the British historian Edward Carr, first published in 1961, represents a significant part of his intellectual legacy. This work analyzes and reflects on history as both a scientific discipline and a development process. Carr's work, based on his lectures at Cambridge, made a substantial contribution to the discussion of contradictions between causality and chance, free will and determinism, individuality and society, as well as subjectivity and objectivity. This article focuses on E. Carr's ideas about the nature of historical science presented in his book *What Is History?*. It also covers interpretations and criticism of these ideas by the historical community. The author of the article attempts to reconstruct Carr's view of history as a process and science within the framework of intellectual history, which focuses on studying ideas, thoughts, concepts, and academic schools within their historical context. There is no single perspective on the book *What Is History?*, just as there is no definitive answer to this complex question. Many English-speaking authors examine the concepts of the renowned British historian, analyzing them in the context of their own realities and professions.

Keywords: E. H. Carr, English-language historiography, epistemology, theory of history, philosophy of history.

References

1. Carr E.H. What is history?: the George Macaulay Trevelyan lectures delivered in the University of Cambridge, January-March 1961 / ed. by R.W. Davies, 2th. ed., London: Penguin Books, 1990.
2. Carr E.H. Was ist Geschichte? [Aus d. Engl. von Siglinde Summerer u. Gerda Kurz]. 6 Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: Kohlhammer, 1981. (Urban-Taschenbücher; Bd. 67).
3. Carr E.H. Que e historia?: conferencias George Macaulay Trevelyan proferidas por E.H. Carr na Universidade de Cambridge, janeiro-março de 1961; traducao de Lucia Mauricio de Alverga, revisao tecnica de Maria Yedda Linhares. 3 ed. Rio de Janeiro, RJ: Paz e Terra, 1982. 130 p.
4. Carr E. H. Que es la historia? Conferencias "George Macaulay Trevelyan" dictadas en la Universidad de Cambridge en enero-marzo de 1961 // *Traduccion de Joaquin Romero Maura*; 2 ed. Barcelona: Ariel, 1984. 224 p.
5. Samuelson L. 'Fran statskonst i kris till historievetsenskap i det kalla krigets skugga: Edward Hallett Carr (1892–1982) 'From the Art of Government in Crisis to Historiography in the Shadow of the Cold War: Edward Hallett Carr (1892–1982)' // *Historisk Tidskrift*. 2003. Vol. 123, № 2. P. 324–331.

6. Karr E.G. Chto takoe istoriya? [What is History?] / pod obcsh. red. N.N. Yakowleva. M.: Progress, 1988. 132 p.
7. Karr E.G. Chto takoe istoriya? [What is History?] // *Rassugdeniya o teorii i roli istorika*. Almatu, 1997. 208 p.
8. Jenkins K. On 'What is History?': From Carr and Elton to Rorty and White. London; New York: Routledge/Taylor & Francis, 2005. 212 p.
9. E.H. Carr: A critical appraisal / ed. M. Cox, foreword J. Carr. New York: Palgrave Macmillan, 2000. 352 p.
10. Haslam J. The Vices of Integrity: E. H. Carr, 1892–1982. London; New York: Verso, 1999. 306 p.
11. Whatmore R. What is Intellectual History? Cambridge: Polity Press Ltd, 2016. 137 p.
12. Richter M. Begriffsgeschichte and the History of Ideas // *Journal of the History of Ideas*; University of Pennsylvania Press. Apr.-Jun., 1987. Vol. 48, № 2. P. 247–263.
13. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*, Blackwell Publishing for Wesleyan University. 1969. Vol. 8, № 1. P. 3–53.
14. Koselleck R. Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache / Mit zwei Beiträgen von Ulrike Spree und Willibald Steinmetz sowie einem Nachwort zu Einleitungsfragmenten Reinhart Kosellecks von Carsten Dutt. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2006. 569 s.
15. Monk R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius. New York: Penguin Books, 1991. 704 p.
16. Holmes R. The Age of Wonder: The Romantic Generation and the Discovery of the Beauty and Terror of Science. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2009. 576 p.
17. Kuhn Th.S. The Structure of Scientific Revolutions / Int. essay by Ian Hacking. 4th ed. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 264 p.
18. Edward Hallett Carr: "Was ist Geschichte?" / Redaktion durch C. Folkens und D. Kaune // *Online-Veröffentlichung des studentischen Projektseminars "Altes, Neues, Geniales"*. Leibniz Universität Hannover, 09/2016. URL: www.hist.uni-hannover.de/fileadmin/hist/seitenvorlagen/musterdateien/Altes__Neues__Geniales_-_Was_ist_Geschichte.pdf (date of accessed: 02.12.2024).
19. Stephanson A. The Lessons of What is History? // *E.H. Carr: A critical appraisal*. Ed. M. Cox, foreword J. Carr. New York: Palgrave Macmillan, 2000. P. 283–303.
20. Jenkins K. An English Myth? Rethinking the Contemporary Value of E.H. Carr's What is History? // *E.H. Carr: A critical appraisal*. Ed. M. Cox, foreword J. Carr. New York: Palgrave Macmillan, 2000. P. 304–321.
21. Papanikos G.T. What is History? An Assessment of Carr's Monograph. Athens: ATINER, 2020. 196 p.

Mikhail D. Parkhomenko – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mihail.ph774@gmail.com

Received February 26, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Пархоменко, М. Д. Что такое история: идеи, интерпретации, критика (вокруг книги британского историка Эдварда Карра) / М. Д. Пархоменко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 40–48. DOI: 10.14529/ssh260205

FOR CITATION

Parkhomenko M. D. *What is History: exploring ideas, interpretations, and criticism (based on the book by the British historian Edward Carr)*. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 40–48. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260205

«БЛАГОУХАНИЕ ПОЗНАНИЯ...»: ОЛЬФАКТОРНЫЙ КОД В ГИМНОГРАФИИ

Н. В. Мосягина

Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Настоящая работа посвящена изучению благовонных ольфакторных топосов в гимнографических текстах Slavia Orthodoxa на материале песнопений древнерусской традиции. Гимнографы, опираясь на образный язык Библии и святоотеческую традицию, разработали определенные структуры, объединенные общей семантической основой, в частности, модусы обонятельного восприятия. Незнание образного языка гимнографии и богословско-догматической традиции осложняет понимание песнопений. Предложенный алгоритм выявления и анализа концептуальных метафор в гимнографии может служить инструментом для более точной интерпретации экзегетического метаязыка богослужебных песнопений.

В ходе исследования была обнаружена система метафорических образов (ольфакторный код), за которыми в христианской культуре закреплена определенная семантика: «злосмрадные» лексемы связаны с концептом «зло» и ассоциируются с семантическим полем «смерть», а «благовонные» лексемы связаны с концептом «Благо» и ассоциируются с семантическим полем «жизнь вечная». Среди ольфакторных топосов, связанных с концептом «благоухание», было выделено три лексико-семантических группы: первая группа, условно названная «Райский сад», проявляет концепт «жизнь вечная»; вторая группа – «Миро» – актуализирует концепт «благодать»; топосы третьей группы – «Фимиами» – актуализируют концепт «жертвоприношение».

Ключевые слова: гимнография, древнерусское певческое искусство, ольфакторный код, концептуальная метафора.

Введение

С древнейших времен во всех культурах ароматы занимали важное место в жизни. Упоминание благовоний, а также описание их употребления встречается во многих письменных памятниках различных эпох. По мнению Клода Леви-Стросса, «запахи принадлежат к природному и социальному мирам одновременно» [1, с. 163], поэтому знаки, связанные с запахами, имеют определенное значение в структурировании образа мира. С культурно-исторической точки зрения запахи имеют для человека особое значение как индикаторы жизни и смерти. Как отмечал немецкий физиолог Ханс Хенинг, «тесная связь обонятельного и духовного опыта подтверждается интеркультурным языковым родством обоняния с душой, духом и сущностью» [2, с. 67].

Благовонные вещества служат символом Богообщения. В библейских текстах, помимо тех, что связаны с храмовым культом, благовония упоминаются как приятное Богу благоухание: «И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь [Бог] в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал» (Быт. 8:21). Фимиами является образом восхождения молитвы к Небесам. Помазание миром означало в культуре древнего Израиля снисхождение Боже-

ственной благодати, благословение на начало служения – священнического, царского, пророческого.

Ветхозаветная символика перешла в новозаветное богослужение и христианское богословие. Благоухание метафорически распространяется на познание Христа и на жизнь во Христе: «Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы – Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: для одних – запах смертоносный на смерть, а для других – запах живительный на жизнь. И кто способен к сему? Ибо мы не по вреждаем слова Божия, как многие, но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе» (2 Кор. 2:14-17).

Сложность прочтения богослужебных песнопений не сводится к проблеме архаичности церковнославянского языка, «она коренится в глубинных пластах ритуального семиозиса, в которых происходит постоянный семиотический и семантический дрейф ритуалогем. Метафора в ритуальном тексте выполняет функции, которые не могут быть сведены к проблеме речевой выразительности или изобразительности» [3, с. 26].

Незнание богословско-догматической традиции и образного языка гимнографии может осложнить распознавание метафоры в богослужебном тексте, способствовать ее буквальному прочтению

или неожиданной и непредполагаемой изначально интерпретации. Поэтому изучение экзегетического метаязыка гимнографии является актуальным направлением гимнологии. Перед исследователями стоит задача поиска смыслов, скрытых за образами.

Целью настоящей работы является выявление идей, которые несут в себе ольфакторные послания в гимнографических текстах Slavia Orthodoxa. Достижение цели связано с решением ряда задач: поиска и систематизации ольфакторных включений в гимнографических текстах служб двенадцатых праздников, а также служб различным святым; выделения и анализа ольфакторных лексико-семантических полей; выявления и анализа ключевых слов (метафор); определения концептов, объединяющих языковые репрезентаты.

Объектом исследования выступает ольфакторная составляющая гимнографии. Предмет исследования – ольфакторные метафоры. Материалом для исследования послужили нотированные гимнографические тексты¹, а также нотированные песнопения из древнерусских рукописей XVI–XVII веков².

Обзор литературы

Историографический обзор работ, посвященных теме запаха, представлен в диссертационных исследованиях М. А. Епанешниковой [4] и Н. Л. Зыховской [5], а также в статье Б. Хофмана [6]. Анализу основных направлений исследования запаха в общегуманитарных науках в целом (философия, антропология, психология, социология), и в лингвистике, в частности, посвящена статья Н. А. Трофимовой [7]. В двухтомный сборник «Ароматы и запахи в культуре», составленный О. Б. Вайнштейном, вошли работы отечественных и западных исследователей различных направлений [8]. В работе А. И. Костяева рассматриваются рассуждения о мире запахов И. Канта и Г. В. Гегеля, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, В. В. Розанова и А. Белого, Н. А. Бердяева и И. А. Ильина [9]. Истории обоняния в Западной Европе посвящена книга ведущего французского историка культуры Р. Мюшембле [10]. В статье М. Асприа дается обзор разных направлений, посвященных культурным смыслам запаха [11]. Целый ряд исследователей рассматривают ольфакторный элемент смыслопорождения в творчестве тех или иных писателей [12–15].

Вопросы христианской мифологии ароматов поднимаются в работе французского исследователя Ж.-П. Альберта [16]. С. Э. Харви в своей моно-

графии, опираясь на широкий спектр языческих, иудейских и христианских источников, исследует древнее представление о запахе в контексте религиозных ритуалов, литургических практик, мистического богословия, литературных образов, теологического дискурса и эсхатологических ожиданий [17]. М. Баркер поднимает проблему создания сакрального пространства с помощью благовоний в ветхозаветном и христианском богослужениях [18]. Впервые в отечественной литературе в книге Г. А. Леонтьева и М. А. Ершова тема ладана рассмотрена на основании более двух десятков англо- и арабоязычных источников, ранее не переводившихся на русский язык [19].

Несмотря на рост интереса к исследованию ароматов в историко-культурном контексте, а также изучению языковых средств выражения одорического кода в различных языках и в художественных текстах, к ольфакторной проблематике в средневековой книжности Slavia Orthodoxa обращались немногие исследователи.

Н. Л. Зыховская подчеркнула важность обращения к древнерусской литературе как к первоисточнику при изучении ольфактория русской художественной словесности. Автор прослеживает преемственность ольфакторной образности и закрепление метафоры в литературном пространстве, начиная со «Слова о законе и благодати митрополита Киевского Илариона». Исследователь отмечает, что «запах рассматривается как лучшее объяснение незримости и всеохватности Святого Духа, его присутствия, разлитости в воздухе, которым дышит человек, приобщающийся к этому благу» [20, с. 38]. Анализ ольфакторных включений во всем корпусе произведений древнерусской словесности позволил автору выявить бинарную оппозицию «благоухание – зловоние»: «Если благоухание – это синекдоха Благочестивого Духа, метафора его явленности человеку, то зловоние выступает в качестве не только присутствия “злого духа”, но и как знак богооставленности» [21, с. 107].

Феномен благоухания в житийной и богослужбной литературе на материале сербской традиции был рассмотрен Д. Трифуновичем. Изучение обширного корпуса текстов, посвященных Симеону мироточивому и святителю Савве, позволило автору выявить словарь ольфакторных топосов и обнаружить их значительную роль в создании образа святого [22].

Проблема символики ароматов в древнерусской агиографии разрабатывается Т. А. Матасовой. В центре внимания исследователя находятся различные свидетельства о чудесных ароматах, сопровождавших жизнь и посмертные чудеса святых. Автором намечены принципы разработки проблематики историко-культурного осмысления ароматов на обильном материале памятников русского Средневековья [23].

¹ На первом этапе в целях оптимизации процесса поиска интересующих нас лексем работа осуществлялась с помощью электронных ресурсов: Православная электронная библиотека (Pravmir.ru. – <https://lib.pravmir.ru/library/cat/800>), а также Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorgora.ru>).

² РГБ, ф. 272, № 325; РГБ, ф. 379, № 59; РГБ, ф. 379, № 63; РГБ, ф. 379, № 64; РГБ, ф. 379, № 65; РГБ, ф. 379, № 66; РГБ, ф. 379, № 80; РНБ, Сол. 277/286; РНБ, Кир.-Бел. 586/843; ПИОМЗ, ф. Никандровой пустыни, Кп 32070/2.

Ольфакторий гимнографии не был предметом специального изучения, однако отдельные аспекты этой темы затрагиваются исследователями. Так, М. Ф. Мурьянов в работе, посвященной канону патриарху Мефодию, раскрывает образ благоухающих цветов и дерева: «При этом цветы, в которых утопает гробница, – море разнообразных цветов, символизирующих назидания усопшего, “обоняют тайно” – не украдкой, не исподтишка, а с трепетным чувством приближения к святине, к неизреченному <...> Благоухание цветов мыслится Фотию капающим, а не струящимся или подобным дуновению» [24, с. 312]; «И еще одно дает подразумеваемое дерево – сладость, ὑλμασμόν (слово Септуагинты, его нет у античных поэтов). Ее благоухание ощутимо от края до края земли, таковы границы, выраженные четким τοῖς πέρασιν и неотчетливым странаμῶν» [24, с. 314].

В центре внимания Л. И. Щеголевой в связи с анализом поэтики библейских парафраз в гимнографии и в поэзии А. С. Пушкина оказывается образ благовонного мира: «Придавать содержанию неповторимое звучание, глубину, красоту и силу – это неотъемлемое свойство любого поэтического тропа, который воздействует непосредственно на эмоциональную сферу. Именование Христа “миром излившимся” – пример догмата (в данном случае – Воплощения), облеченного в поэтическую форму: миро, во-первых, благоуханно, во-вторых, драгоценно, в-третьих, священно (или vice versa)» [25, с. 856].

В работе М. С. Егоровой отмечается использование ольфакторной лексики в вербальных формулах с общей семантикой жертвы: «Строгий синтаксический параллелизм подчеркивает значимость формул с общей семантикой жертвы: “кадило благовонное”, “красно всесожжение”, “жертва благоприятна”, “приношение живо и всесовершенно”. Фиты на лексемах “кадило”, “тя” и “(небесная) обитель” создают образ возношения (греч. προσφορά) жертвы-Евстафия в небесные жилища» [26, с. 37].

Антитетичность мышления гимнографов – противопоставление «благовония добродетели <зловонию грехов>» – была отмечена А. Ю. Никифоровой в связи с анализом особенностей интерпретации Священного Писания в гимнографии [27, с. 216].

Настоящая работа является первым шагом в осмыслении ольфакторного кода гимнографии.

Методы исследования

В работе используется метод интертекстуального анализа, метод идентификации метафорически окрашенных лексических единиц, метод концептуального анализа, логико-семантический метод.

Результаты и дискуссия

Неотъемлемой составляющей богослужения является использование благовонных веществ:

ладана (для воскурения) и мира (для помазания). Православное богослужение буквально пропитано благоуханиями. Воздействие на молящихся происходит не только на физическом уровне с помощью благовоний, но и на ментальном – с помощью ольфакторных образов в богослужебных текстах.

Ольфакторная метафоризация в песнопениях созвучна образной системе запахов в трудах святых отцов Церкви. Так, преподобный Макарий Великий в «Духовных беседах» при описании пути стяжания благодати, опирается на ольфакторные рецепции потенциального слушателя: «Посему, как дом полный зловония и нечистот, надобно и сердце всецело очистить, украсить и наполнить всяким благовонием и сокровищами, чтобы вместо сатаны пришел Дух Святой и почил в душах христианских» [28, с. 100].

Святитель Амвросий Медиоланский раскрывает учение об искуплении человечества через образ благоухания: «Облагоухал ее сладким ароматом Своих благовоний. Плененная ими душа говорит, что сладость божественного познания изобильнее, чем веселье от любой плотской страсти, потому что в Слове дышит аромат благодати и прощение грехов. Это прощение разлилось во всем мире и наполнило все словно благоуханием, потому что по всей вселенной уничтожен зловонный сток пороков» [29, с. 43]. Та же тема звучит у Оригена: «Грех пахнет гнилью, добродетель же дышит благовониями» [30, с. 53].

Анализ песнопений позволил обнаружить систему мотивов и образов, связанных с семантикой запаха (ольфакторный код). Выявленные языковые единицы делятся на два оппозиционных семантических поля: «благовонные» метафоры связаны с семантическим полем «жизнь вечная» («Благовония таинственного исполнена жена, перваго избавився зловония, Спасе, многих грехов. Миро бо источаеши жизни»³; «Прозветоша мученицы якоже шипцы благоуханнии, в мысленных дебрех, и злосмрадную прелесть отгнаша, и верных сердца облагоухаша»⁴; «Радуйся, Саде Божественный, в Немже от всех цветов Святаго Духа райское благоухание во весь мир изнесеша»⁵), а «злосмрадные» метафоры⁶ относятся к семантическому полю «смерть» («и моя злосмрадная тли, Христе, претерпев неискусенно, Божественнаго Существа миром мя облагоухал еси»⁷; «благовоние воспущающе и злосмрадие страстей отгоняюще»⁸; «да проженет злосмрадие прелести благодистию»⁹).

³ Тропарь 3-й песни канона. Великий Вторник.

⁴ Мученичен. Глас 2. Среда.

⁵ 8-й икос Акафиста Благовещению Пресвятой Богородицы.

⁶ О негативном ольфактории древнерусской литературы см.: [21].

⁷ Тропарь 1-й песни Воскресного канона 5-го гласа.

⁸ Тропарь 8-й песни канона святым чудотворцам и бесребренникам Косме и Дамиану.

⁹ Тропарь 8-й песни канона Предпразднства Благовещения Пресвятой Богородицы.

Особенно ярко бинарная оппозиция¹⁰ «благовоение» – «злосрадие» звучит в текстах Страстной Седмицы. Разнонаправленность действий – блудницы, принесшей «миро многоценное», и Иуды, продавшего «Безценного» – приводят одного к смерти, а другого к спасению: «Блудница приступи к Тебе, миро со слезами, изливающи на нозе Твои, Человеколюбче, и смрада зол избавляется повелением Твоим: дыша же благодать Твою ученик неблагодарный, сию отлагает и смрадом одевается, сребролюбием продавая Тебе. Слава Христе благоутробию Твоему»¹¹; «а сей яростию вяза- шаяся, нося вместо мира злосрадную злобу»¹².

Гимнографы, создавая богослужебные песнопения, использовали образы и мотивы из авторитетных прототекстов, знакомых потенциальным слушателям. При этом, как отмечала Дагмар Кристинас, «средневековый автор не был свободен в выборе используемых цитат и аллюзий. Его связывала литературная и – особенно в случае с литургической поэзией – актуальная для него богословско-догматическая традиция <...>, которая, прежде всего, проявлялась в цитировании и парафразировании Священного Писания, воспроизведении *loci communes* из сочинений святых отцов Церкви. Закрепившись в виде готовых формул, они вплетались в литургическую поэзию, в частности в гимнографию святым, и благодаря частоте и шаблонности употребления стали топосами сакральной поэтики» [32, с. 10].

В современных исследованиях гимнографических текстов активно используется термин «топос», под которым подразумевается устойчивая повторяемая вербальная формула: «В основе гимнографических текстов лежат традиционно сложившиеся смысловые “поля”, т. е. устойчивые семантические комплексы <...>, “общие места”, находящие свое выражение в словесном тексте на уровне стереотипных устойчивых формул» [33, с. 14]. Эти единицы межтекстового смыслового пространства, обладающие концептуальной значимостью в культуре *Slavia Orthodoxa*, являются смыслообразующими текстовыми фрагментами, «на исходную или трансформированную лексическую и грамматическую семантику которых проецируется смысл, тем самым единицы языка, имеющие “значение”, переходят в единицы текста, имеющие “смысл”» [34, с. 59].

В исследуемом материале семантическим ядром ольфакторных топосов являются концептуальные метафоры. Процесс анализа ольфакторного

кода, реализуемого через концептуальные метафоры, включал в себя следующие этапы¹³:

1. Выявление в песнопениях языковых средств репрезентации концептов «благоухание» и «зловоние».

2. Выделение ольфакторных лексико-семантических полей «благоухание» и «зловоние».

3. Анализ вербальных формул, входящих в семантические поля: определение ключевых лексем и словарного листа частотности этих лексем в выявленных текстах¹⁴.

4. Смысловое чтение выявленных текстов.

5. Составление конкорданса и анализ ключевых слов в контексте одного песнопения, в контексте службы, в контексте корпуса служб, в контексте библейских текстов и святоотеческой литературы.

6. Определение контекстуального значения ключевых лексем.

7. Определение буквального значения ключевых лексем.

8. Сопоставление контекстуального и буквального значений ключевых лексем. В случае если контекстуальное употребление не позволяет принимать их в буквальном значении, но может быть сопоставлено с ним с помощью сравнения, ключевые лексемы определяются как метафорически окрашенные.

9. Анализ стоящих за ключевыми лексемами концептуальных метафор. Переход от языкового репрезентата метафоры к стоящему за ним концепту.

Как правило, искомым концепт обнаруживает себя уже на этапе анализа выявленных топосов: языковой репрезентат концепта присутствует в одной из вербальных формул, объединенных ключевой лексемой. Например, собрав конкорданс к лексеме «исцеление», использованной в различных топосах («Божественныя исцеления», «исцелений зари», «мироположница исцелений», «благодать исцелений», «млеко исцелений», «вино исцелений», «сладость чудес исцелений», «реки исцелений», «капли исцелений», «бездна исцелений», «сокровище исцелений»), мы обнаруживаем в одном из них – «благодать исцелений» – лексически проявленный ключевой христианский концепт «благодать». Таким образом, изучение словаря топосов, содержащих метафоры с общей ключевой лексемой, позволяет избегать субъективности в толковании концепта.

¹⁰ Прием бинарной оппозиции является устойчивым как в гимнографии, так и в библейских текстах и в святоотеческой литературе, что обусловлено спецификой христианского мировоззрения и мировосприятия. Исследованию бинарных оппозиций «свет» – «тьма» в гимнографии Октоиха посвящена работа иеродиакона Илиодора (Шевчука) [31].

¹¹ Седален. Великая Среда.

¹² Стихира «на хвалитех». Великая Среда.

¹³ В процессе написания данной статьи выяснилось, что представленная методика анализа концептуальных метафор в гимнографии схожа с алгоритмом анализа метафоры, разработанным Г. Стейном. Подробное описание процедуры анализа концептуальной метафоры в изложении Г. Стейна, а также авторская модификация алгоритма анализа концептуальной метафоры в области сопоставительного анализа переводных библейских текстов представлена в диссертационном исследовании иерея Петра Шитикова [35, 122–176].

¹⁴ Под ключевыми лексемами подразумеваются лексические единицы, которые имеют высокую частотность в сети анализируемых текстов.

Среди ольфакторных топосов, связанных с концептом «благоухание», было выделено три лексико-семантических группы. Первая группа, условно названная «Райский сад», проявляет концепт «жизнь вечная» (пребывание в Боге). Христос как источник жизни, Богородица и святые, причастные райскому блаженству, уподобляются объектам растительного мира. В данную группу вошли фитоморфные лексемы: деревья, цветы и плоды: «яко финик возвысися, яко кедр познася мироуханен. Явися яко же избранен кипарис, благоухая душа наша»¹⁵; «Цвет, Христе, прозябл еси от Девы»¹⁶; «добродетельми украшен и плоды чудными облагоухал еси»¹⁷; «Яко шипок багряновидный, и яблоко благовонно, яко крин сельный, и яко миро благоуханно, рака твоя, Лазаре, нас облагоухаючи, веселит»¹⁸ и др.

Вторая группа – «Миро» – актуализирует концепт «благодать» (движение, направленное от Бога), который вербализован с помощью лексем, обозначающих благовонные жидкие субстанции, изливаемые или источаемые: «Благовония таинственного исполнена жена, перваго избавися зловония, Спасе, многих грехов. Миро бо источаеши Жизни»¹⁹; «Божественная благодать духовная помаза тя миром разумным»²⁰; «Божественною благодатию просветився, и по смерти показуеши светлость жития твоего, источаеши бо миро благоухания притекающим к раце мощей твоих»²¹ и др.

Топосы третьей группы – «Фимиам» – актуализируют концепт «жертвоприношение» (движение, направленное к Богу), который проявлен через лексемы, связанные с воскурением душистых смол: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею, жертва вечерняя»²²; «Божественно, яко кадило огнем благовонное и красно всеожжение жертва благоприятна, приношение же живо и совершенно»²³; «пойди, Чадо, Давшему Тя буди возложение и благовонный фимиам»²⁴ и др.

Концептуальная метафора в гимнографии, будучи активирована в каком-то конкретном песнопении, способна «пробудить» в памяти все связанные с этой конкретной метафорой другие тексты, и тогда они как бы выстраиваются друг над другом и образуют единый текст. Именно его целостность позволяет нашему сознанию открыть «тайнозамкнутый» смысл этих песнопений.

Понимание и верная интерпретация текстов, безусловно, зависят от знания Священного Писания и богословско-догматической традиции, однако используемые в гимнографии ольфакторные метафоры (как и другие сенсорные метафоры) активируют в первую очередь имплицитную память, тем самым обеспечивая интуитивное понимание смысла текста.

Ольфакторные послания, минуя рациональный анализ, устремляются непосредственно к тем областям мозга, которые отвечают за инстинктивное поведение. Запахи гнили, испорченных продуктов, нечистот вызывают отвращение. Напротив, запахи цветов, деревьев, плодов доставляют нам приятные ощущения. Наша реакция на них имеет скорее всего врожденный характер и представляет собой своего рода защитный механизм.

Языковое выражение запаха в гимнографических текстах выступает в качестве средства эвокации обонятельных образов, которые в свою очередь активируют сенсорные стимулы, сохраненные в соответствующих центральных сенсорных зонах. Фрагментарное обонятельное ощущение, вызванное через слово, приводит к активации этих зон, извлечению и объединению воспоминаний в комплексный внутренний образ или объект благодаря мозговым механизмам внимания, мотивации и эмоций²⁵.

Выводы

Таким образом, в гимнографических текстах используются ольфакторные метафоры для раскрытия догматических истин. Ольфакторный код в гимнографии представляет собой бинарную оппозицию «благоухание» – «зловоние». «Благовонные» образы связаны с концептом «Благо» и ассоциируются с семантическим полем «жизнь вечная»: Бог, одно из имен которого *Благо*, источает *благодать* подобно тому, как источник *благоухания* распространяет аромат. «Злосмрадные» образы связаны с концептом «зло» и ассоциируются с семантическим полем «смерть».

Описание духовных процессов в текстах происходит через метафорическое осмысление. «Сравнение богослужебных песнопений с творениями святых отцов позволяет увидеть, что христианское богословие, представленное в святоотеческих толкованиях, в гимнографии, не теряя своей догматической чистоты, приобретает поэтическое звучание» [25, с. 864].

В процессе исследования был выработан алгоритм анализа концептуальных метафор в песнопениях. Изучение поэтики гимнографических текстов с учетом современных достижений нейронаук и понимания механизмов воздействия слова на наше сознание позволяет глубже увидеть устройство самих гимнографических текстов

¹⁵ Тропарь 9-й песни канона мч. Вонифатию.

¹⁶ Богородичен, глас 7. Вторник.

¹⁷ Тропарь 7-й песни Общей Службы Преподобному.

¹⁸ Тропарь 9-й песни 2-го канона в мч. кн. Лазарю Сербскому.

¹⁹ Тропарь 3-й песни трипеснеца. Великий Вторник.

²⁰ Стихира на литии свт. Никите Новгородскому.

²¹ Тропарь преп. Стефану, в иночестве Симеону, царю Сербскому.

²² Запев к стихирам на «Господи возвах».

²³ Стихира на «Господи возвах» св. Евстафию.

²⁴ Стихира на литии праздника Введение во храм Пресвятой Богородицы.

²⁵ Нейровизуализационные исследования показали, что не только восприятие запаха вызывает в мозге сложную активацию, но и обонятельные образы. Подробнее см.: [36].

и найти верные ключи к интерпретации символического языка песнопений.

Литература

1. Леви-Строс, К. *Путь масок* / К. Леви-Строс ; пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. – М. : Республика, 2000. – 399 с.
2. Паузе, Б. Все дело в запахе: Как нос диктует нам, чего хотеть и кого любить / Б. Паузе, Ш. Зойль ; пер. с нем. Дарья Сорокиной. – М. : Дискурс, 2021. – 240 с.
3. Прилуцкий, А. М. Метафорика религиозного ритуального дискурса / А. М. Прилуцкий // *Религия. Церковь. Общество*. – 2013. – № 2. – С. 21–38.
4. Епанешникова, М. А. Феномен запаха в культуре: особенности функционирования в сакральной и профанной сферах : автореф. дис. ... канд. культурологии / М. А. Епанешникова. – Екатеринбург, 2011. – 23 с.
5. Зыховская, Н. Л. Ольфакторий русской прозы XIX века : дис. ... д-ра филол. наук / Н. Л. Зыховская. – Екатеринбург, 2016.
6. Hoffman, V. *Scents in science and culture* / V. Hoffman // *History of the human sciences*. – L. – 2013. – Vol. 26, № 5. – P. 31–47.
7. Трофимова, Н. А. Ольфакторность как предмет исследования / Н. А. Трофимова, В. В. Осипова // *Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода : сборник научных статей*. – СПб. : ИВЭСЭП, 2014. – Т. 26. – С. 72–82.
8. *Ароматы и запахи в культуре* : в 2 кн. / сост. О. Б. Вайнштейн. – Изд. 2-е, испр. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 1. – 616 с., Кн. 2. – 672 с.
9. Костяев, А. И. *Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы* / А. И. Костяев. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 144 с.
10. Мюшембле, Р. *Цивилизация запахов. XVI – начало XIX века* / Р. Мюшембле ; пер. с франц. О. Панайотти; 3-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 312 с.
11. Aspria, M. *Cosmologies, structuralism, and the sociology of smell* / M. Aspria. – URL: <https://www.scentedpages.com/pdf/sociology.pdf> (дата обращения: 22.02. 2026).
12. Старостина, Ю. А. *Метафора как средство языковой реализации концепта «запах»: (на материале романа Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»)* : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Старостина. – Волгоград, 2010. – 22 с.
13. Одинцова, М. В. *Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина: аспекты номинации и предикации* : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Одинцова. – М., 2008. – 27 с.
14. Рогачева, Н. А. *Русская лирика рубежа XIX–XX вв. : поэтика запаха: автореф. дис. ... д-ра филол. наук* / Н. А. Рогачева. – Екатеринбург, 2011. – 52 с.
15. Зыховская, Н. Л. *Ольфакторий русской прозы XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук* / Н. Л. Зыховская. – Екатеринбург, 2016. – 40 с.
16. Albert, J. *Odeurs de saintete: la mythologie chretienne des aromates* / J.-P. Albert. – Paris : Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1990. – 379 p.
17. Harvey, S. A. *Scents of Salvation: Ancient Christianity and the Olfactory Imagination* / S. A. Harvey. – Berkeley : University of California Press, 2006. – 426 p.
18. Баркер, М. *Благовония в создании сакрального пространства. Парадигмы ветхозаветного храма в христианском богослужении* / М. Баркер // *Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств : сборник статей ; под ред. А. М. Лидова*. – М. : Индрик, 2008. – С. 71–83.
19. Леонтьев, Г. А. *Тайны оманского ладана. История, культура* / Г. А. Леонтьев, М. А. Ершов. – М. : ВегаПринт, 2017. – 188 с.
20. Зыховская, Н. Л. *«Райское благоухание» в древнерусской литературе: к проблеме формирования отечественного ольфактория* / Н. Л. Зыховская // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. – 2012. – № 3 (18). – С. 37–41.
21. Зыховская, Н. Л. *«Смрад великий»: негативный ольфакторий древнерусской словесности* / Н. Л. Зыховская // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – 2012. – № 9 (124). – С. 107–109.
22. Трифуновић, Ђ. *Чуло мириса код старих српских писаца* / Ђ. Трифуновић // *България и Сърбия в контекста на Византийската цивилизация : сборник статии от българо-сръбски симпозиум*. – София : Марин Дринов, 2005. – С. 329–342.
23. Матасова, Т. А. *«Дыханье северных садов»: свидетельства об ароматах как символах преобразования пространства в словесной средневековой книжности* / Т. А. Матасова // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. – 2020. – Т. 1, № 17. – С. 108–135.
24. Мурьянов, М. Ф. *Канон патриарху Мефодию как сочинение патриарха Фотия и его старославянский перевод* / М. Ф. Мурьянов // *История книжной культуры России. Очерки* : в 2 ч. Ч. II ; сост. Т. А. Исаченко, вступ. ст. Р. Н. Кривко. – СПб. : Мирь, 2008. – С. 304–326.
25. Щеголева, Л. И. *Песнь Песней в гимнографии и у А. С. Пушкина: два прочтения одного текста* / Л. И. Щеголева // *Герменевтика древнерусской литературы : сборник научных трудов ; отв. ред. Д. С. Менделеева*. – М. : Языки славянской культуры (ЯСК), 2008. – Сборник 13 (*Studia Philologica*). – С. 849–870.
26. Егорова, М. С. *Ранняя русская агиография: «Сказание о Борисе и Глебе» в литургиче-*

ском контексте : учебно-методическое пособие по дисциплине «История древнерусской литературы» для образовательной программы «Древнерусское певческое искусство» (бакалавриат) / М. С. Егорова. – СПб. : Скифия-принт, 2017. – 96 с.

27. Никифорова, А. Ю. Поэтический строй византийской гимнографии и Священное Писание / А. Ю. Никифорова // Раннехристианская и византийская экзегетика : сборник статей. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 212–243.

28. Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 544 с.

29. Амвросий Медиоланский, свт. Собрание творений: На латинском и русском языках. Т. III / святитель Амвросий Медиоланский ; сост. Н. А. Кулькова ; пер. с лат. Н. А. Кульковой, Е. В. Матеровой, иером. Феодорита (Тихонова), С. А. Артюшина. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. – 432 с.

30. Ориген. Гомилии на Песнь Песней / пер. с лат. Н. Холмогоровой, под ред. Т. Миллер // Патристика : новые переводы, статьи. – Н. Новгород : Изд-во братства во имя св. кн. Александра Невского, 2001. – 359 с.

31. Илиодор (Шевчук), иерод. Бинарная оппозиция свет – тьма в гимнографии Октоиха на церковнославянском языке / И. Шевчук // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2024. – № 3 (32). – С. 89–103.

32. Кристианс Д. Топосы в песнопениях византийской служебной минеи и проблемы их переноса на славянскую почву / Д. Кристианс. – М. : Индрик, 2018. – 152 с.

33. Егорова, М. С. Гимнографический текст и его роспев: от формулы от формулы к смыслу (принцип стереотипности в средневековой традиции): лекция по дисциплине «Поэтика гимнографии и древнерусского певческого искусства» : учебное пособие для образовательной программы «Древнерусское певческое искусство» (бакалавриат) / М. С. Егорова, А. Н. Кручинина. – СПб. : Скифия-принт, 2017. – 71 с.

34. Запольская, Н. Н. Лингвистика «созданного»: языковые «ключи» в книжных и литературных текстах / Н. Н. Запольская // Ключи нарратива ; отв. ред. Т. М. Николаева. – М. : Индрик, 2012. – С. 57–78.

35. Шитиков, П. М. Концептуальная метафора в библейских текстах : дис. ...канд. филол. наук / П. М. Шитиков. – Ижевск, 2013. – 177 с.

36. Motor Cortex Response to Pleasant Odor Perception and Imagery: The Differential Role of Personality Dimensions and Imagery Ability / C. Infantina et al // Neurosci. – 2022 – Vol. 16. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2022.943469/full> (дата обращения: 20.02.2026).

Мосягина Наталья Викторовна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры древнерусского певческого искусства, Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова (Санкт-Петербург), e-mail: n.mosiagina@list.ru. ORCID: 0009-0009-9973-9609

Поступила в редакцию 23 августа 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260206

“THE FRAGRANCE OF KNOWLEDGE...”: THE OLFACTORY CODE IN HYMNOGRAPHY

N. V. Mosiagina

Rimsky-Korsakov St. Petersburg State Conservatory, Saint Petersburg, Russian Federation

This work explores fragrant olfactory topoi in the hymns of Slavia Orthodoxa based on the material of Old Russian chants. Hymnography, which draws on the figurative language of the Bible and the patristic tradition, has developed specific patterns that are united by a shared semantic foundation, in particular, the modes of olfactory perception. An understanding of the figurative language and theological-doctrinal background of hymns is essential for interpreting their meaning. The proposed algorithm for identifying and analyzing conceptual metaphors in hymnography can serve as a tool for a more accurate interpretation of the exegetical metalanguage of liturgical chants.

The study revealed a system of metaphorical images (olfactory code) that have specific meanings in Christian culture. Thus, “malicious” lexemes are associated with the concept of “evil” and the semantic field of “death”, while “fragrant” lexemes are associated with the concept of “Good” and the semantic field of “eternal life”. Three lexical-semantic groups were identified among the olfactory topoi associated with the concept of “fragrance”. The first group, conventionally called “the Garden of Eden”, represents “eternal life”. The second group, “Myrrh”,

actualizes the concept of “grace”. The topoi of the third group, “Incense”, actualize the concept of “sacrifice”.

Keywords: hymnography, Old Russian chant, olfactory code, conceptual metaphor.

References

1. Levi-Stros K. Put masok [The Way of Masks]; per. s frants., sostavlenie, vstupitelnaya statya I primechaniya A.B. Ostrovskogo. Moscow: Republic, 2000. 399 p.
2. Pauze B., Zoil S. Vse delo v zapakhe: Kak nos diktuet nam, chego khotet i kogo lyubit [It's All About the Smell: How the Nose Tells Us What to Want and Who to Love]; per. s nem. Dari Sorokinoini. Moscow: Discourse, 2021. 240 p.
3. Prilutskii A.M. Metaforika religioznogo ritualnogo diskursa [Metaphorics of Religious Ritual Discourse] // *Religiya. Tserkov. Obshchestvo*. 2013. № 2. P. 21–38.
4. Epaneshnikova M.A. Fenomen zapakha v kulture: osobennosti funktsionirovaniya v sakralnoi i profannoi sferakh [The Phenomenon of Smell in Culture: Features of Functioning in the Sacred and Profane Spheres]: avtoref. dis. ... kand. kulturologii. Yekaterinburg, 2011. 23 p.
5. Zikhovskaya N.L. Olfaktorii russkoi prozi XIX veka [Olfactory of Russian Prose of the XIX Century]: dis. ... d-ra filol. nauk. Yekaterinburg, 2016.
6. Hoffman B. Scent in science and culture // *History of the human sciences*. London. 2013. Vol. 26. № 5. P. 31–47.
7. Trofimova N.A., Osipova V.V. Olfaktornost kak predmet issledovaniya [Olfactory as a Subject of Research] // *Sovremennye problemy filologii, mezhkulturnoi kommunikatsii i perevoda: sbornik nauchnykh statey*. Saint Petersburg: IVESEP, 2014. T. 26. P. 72–82.
8. Aromati i zapakhi v culture [Aromas and Smells in Culture]: v 2 kn. / sost. O.B. Vainshtein. Izd. 2-e, ispr. Moscow: New Literature Review, 2010. Kn. 1. 616 p., Kn. 2. 672 p.
9. Kostyaev A.I. Aromati i zapakhi v istorii kulturi: znaki i simvoli [Aromas and Smells in the History of Culture: Signs and Symbols]. Moscow: LKI Publishing House, 2007. 144 p.
10. Myushemble P. Tsivilizatsiya zapakhov. XVI – nachalo XIX veka [Civilization of Smells. XVI – Early XIX Century]; per. s frants. O. Panaiotti; 3-e izd. Moscow: New Literature Review, 2022. 312 p.
11. Aspria M. Cosmologies, structuralism, and the sociology of smell. URL: <https://www.scentedpages.com/pdf/sociology.pdf>.
12. Starostina Y. A. Metafora kak sredstvo yazikovoi realizatsii kontsepta “zapakh”: (na materiale romana Patrika Zyuskinda “Parfyumer. Istoriya odnogo ubiitsi”) [Metaphor as a Means of Linguistic Realization of the Concept “Smell”: (Based on the Novel by Patrick Suskind “Perfume. The Story of a Murderer”): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2010. 22 p.
13. Odintsova M.V. Khudozhestvenno-stilevaya rol slov leksiko-semanticheskogo polya “zapakh” v prozvedeniyakh I.A. Bunina: aspekti nominatsii i predikatsii [Artistic and Stylistic Role of Words of the Lexical-Semantic Field “Smell” in the Works of I.A. Bunin: Aspects of Nomination and Predication] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow : 2008. 27 p.
14. Rogacheva N.A. Russkaya lirika rubezha XIX–XX vv.: poetika zapakha [Russian Lyrics of the Turn of the 19th–20th Centuries: the Poetics of Smell]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Yekaterinburg, 2011. 52 p.
15. Zikhovskaya N.L. Olfaktorii russkoi prozi XIX veka [Olfactory of Russian Prose of the XIX Century]: dis. ... d-ra filol. nauk. Yekaterinburg, 2016. 40 p.
16. Albert J. Odeurs de saintete: la mythologie chretienne des aromates. Paris: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1990. 379 p.
17. Harvey S.A. Scenting Salvation: Ancient Christianity and the Olfactory Imagination. Berkeley: University of California Press, 2006. 426 p.
18. Barker M. Blagovoniya v sozdanii sakralnogo prostranstva. Paradigmi vetkhovetnogo khrama v khristianskom bogoslužhenii [Incense in the Creation of Sacred Space. Paradigms of the Old Testament Temple in Christian Worship] // *Ierotopiya. Sravnitelnie issledovaniya sakralnikh prostranst: sbornik statei pod. red. A.M. Lidova*. Moscow: Indrik, 2008. P. 71–83.
19. Leontev G.A., Yershov M.A. Taini omanskogo ladana. Istoriya, kultura [Secrets of Omani Frankincense. History, Culture]. Moscow: VegaPrint, 2017. 188 p.
20. Zyhovskaya N.L. “Rajskoe blagouhanie” v drevnerusskoy literature: k probleme formirovaniya otechestvennogo ol’faktoriya [“Paradise Fragrance” in Ancient Russian Literature: to the Problem of Forming a Domestic Olfactory] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. № 3 (18). P. 37–41.
21. Zyhovskaya N.L. «Smrad velikiy»: negativnyy ol’faktoriy drevnerusskoy slovesnosti [“Great Smrad”: Negative Olfactorium of Old Russian literature] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. № 9 (124). P. 107–109.

22. Trifunovich Dz. Chulo mirisa kod starikh srpskikh pisatsa [The Sense of Smell in Old Serbian Writers] // *Blgariya i Srbiya v konteksta na Vizantiiskata tsivilizatsiya*: sbornik statii ot blgaro-srbski simpozium. Sofiya: Marin Drinov, 2005. P. 329–342.

23. Matasova T.A. “Dikhane severnikh sadov”: svidetelstva ob aromatakh kak simbolakh preobrazheniya prostranstva v solovetskoj srednevekovoj knizhnosti [“The Breath of Northern Gardens”: Evidence of Aromas as Symbols of the Transformation of Space in Solovetsky Medieval Book Culture] // *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*. 2020. T. 1, № 17. P. 108–135.

24. Muryanov M.F. Kanon patriarkhu Mefodiyu kak sochinenie patriarkha Fotiya i yego staroslavjanskij perevod [Canon to Patriarch Methodius as a Work of Patriarch Photius and its Old Church Slavonic Translation] // *Istoriya knizhnoj kulturi Rossii. Oчерки*: V 2 ch. Ch. II; sost. T.A. Isachenko, vstup. st. R.N. Krivko. Saint Petersburg.: World, 2008. P. 304–326.

25. Shchegoleva L.I. Pesn Pesnei v gimnografii i u A. S. Pushkina: dva prochteniya odnogo teksta [Song of Songs in Hymnography and in A.S. Pushkin: Two Readings of One Text] // *Germenevtika drevnerusskoj literaturi*: sbornik nauchnikh trudov; otv. red. D.S. Mendeleeva. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2008. Sbornik 13 (Studia Philologica). P. 849–870.

26. Yegorova M.S. Rannaya russkaya agiografiya: “Skazanie o Borise i Glebe” v liturgicheskom kontekste [Early Russian Hagiography: “The Tale of Boris and Gleb” in a Liturgical Context]: uchebno-metodicheskoe posobie po distsipline “Istoriya drevnerusskoj literaturi” dlya obrazovatelnoi programmi “Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo” (bakalavriat). Saint Petersburg: Skifiya-print, 2017. 96 p.

27. Nikiforova A.Y. Poeticheskii stroi vizantiiskoi gimnografii i Svyashchennoe Pisanie [The Poetic Structure of Byzantine Hymnography and the Holy Scripture] // *Rannekhristianskaya i vizantiiskaya ekzegetika*: sbornik statei. Moscow: IWLA RAS, 2008. P. 212–243.

28. Prepodobnii Makarii Velikii. Dukhovnie besedi [Spiritual Conversations]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 1994. 544 p.

29. Amvrosii Mediolanskii, svt. Sobranie tvorenii: Na latinskom i russkom yazikakh. T. III [Collection of Works: In Latin and Russian]; sost. N.A. Kulkova; per. s latinskogo N.A. Kulkovoi, Y.V. Materovoi, ierom. Feodorita (Tikhonova), S.A. Artyushina. Moscow: PSTSU Publishing House, 2013. 432 p.

30. Origen. Gomilii na Pesn Pesnei [Homilies on the Song of Songs] / per. s latinskogo N. Kholmogorovoi, pod red.i T. Miller // *Patristika*: novie perevodi, stati. N. Novgorod: Publishing House of the Brotherhood in the Name of St. Prince Alexander Nevsky, 2001. 359 p.

31. Iliodor (Shevchuk), ierod. Binarnaya oppozitsiya svet – tma v gimnografii Oktoikha na tserkovno-slavyanskom yazike [Binary Opposition Light – Darkness in the Hymnography of Oktoechos in Church Slavonic] // *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii*. 2024. № 3 (32). P. 89–103.

32. Kristians D. Toposi v pesnopeniyakh vizantiiskoi sluzhebnoi minei i problemi ikh perenosa na slavyanskuyu pochvu [Topoi in the Chants of the Byzantine Service Menaion and the Problems of Their Transfer to Slavic Soil]. Moscow: Indrik, 2018. 152 p.

33. Yegorova M.S., Kruchinina A.N. Gimnograficheskii tekst i yego rospiev: ot formuli ot formuli k smislu (printsip stereotipnosti v srednevekovoi traditsii) [Hymnographic Text and its Chant: from Formula to Meaning (the Principle of Stereotype in the Medieval Tradition)]: lektsiya po distsipline “Poetika gimnografii I drevnerusskogo pevcheskogo iskusstva”: uchebnoe posobie dlya obrazovatelnoi programmi “Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo” (bakalavriat). Saint Petersburg: Skifiya-print, 2017. 71 p.

34. Zapolskaya N.N. Lingvistika “sozdannogo”: yazikovye “klyuchi” v knizhnikh i literaturnikh tekstakh [Linguistics of the “created”: linguistic “keys” in book and literary texts] // *Klyuchi narrativa; otvetstvennii redaktor T.M. Nikolaeva*. Moscow: Indrik, 2012. P. 57–78.

35. Shitikov P.M. Kontseptualnaya metafora v bibleiskikh tekstakh [Conceptual Metaphor in Biblical Texts]: dis. ...kand. filol. nauk. Izhevsk, 2013. 177 p.

36. Motor Cortex Response to Pleasant Odor Perception and Imagery: The Differential Role of Personality Dimensions and Imagery Ability / C. Infortuna et al // *Neurosci*. 2022 Vol. 16. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2022.943469/full> (date of accessed: 20.02.2026).

Natalya V. Mosiagina – Cand. Sc. (Art History), Associate Professor of the Department of Old Russian Singing Art, Rimsky-Korsakov St. Petersburg State Conservatory (St. Petersburg), e-mail: n.mosiagina@list.ru

Received August 23, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мосягина, Н. В. «Благоухание познания...»: ольфакторный код в гимнографии / Н. В. Мосягина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 49–58. DOI: 10.14529/ssh260206

FOR CITATION

Mosiagina N. V. “The fragrance of knowledge...”: the olfactory code in hymnography. Bulletin of the South Ural State University. *Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 49–58. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260206

ИНСТРУМЕНТОВКА КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ: АКУСТИЧЕСКИЕ И КОЛОРИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В СОЧИНЕНИЯХ А. ПАВЛЮЧУКА ДЛЯ ДУХОВОГО ОРКЕСТРА

А. С. Невдашев

Военный институт (военных дирижеров) Военного университета имени князя Александра Невского, г. Москва, Российская Федерация

Духовой оркестр XXI века является неотъемлемой частью культурной жизни российского общества. Его звучание не только сопровождает военно-музыкальные фестивали, военные парады на Красной площади, различного рода церемониальные мероприятия, но и раскрывает колористику духовых инструментов на филармонических сценах, фестивалях академической музыки в исполнении лучших отечественных концертных коллективов.

Статья посвящена анализу оркестровых приемов в сочинениях саратовского композитора Алексея Павлючука «Приближение» и «Парадокс» для духового оркестра. Его партитуры отличаются яркой оркестровкой, концептуальностью мышления и ориентированностью на акустические особенности духовых и ударных инструментов, что создает благодатную «почву» для научного познания.

Для композиторской практики XXI века характерно активное обращение к жанру академической музыки для духового оркестра. Чувствуя его акустический и колористический потенциал, авторы произведений воплощают с его помощью свои художественные идеи. Накопившийся репертуар музыки для духового оркестра, несомненно, требует научного понимания, что обусловило актуальность выбора произведений А. Павлючука для анализа принципов и приемов инструментовки. Оставаясь в русле исторически сформированных традиций, композитор находит собственный индивидуальный почерк оркестровки, что в свою очередь расширяет представление о принципах трактовки современного духового оркестра.

Ключевые слова: духовой оркестр, инструментовка, А. Павлючук, «Московская осень», тембр, современная музыка.

Введение

Современные композиторы сочиняют произведения именно для духового оркестра, воплощая свои творческие замыслы, используя неповторимое колористическое звучание, особенную фактурную плотность, интересный с точки зрения акустики динамический профиль – характеристики, присущие данному исполнительскому составу [1, с. 22].

Дополнительным обстоятельством, объясняющим научный интерес к анализу партитур А. Павлючука, является мысль Н. А. Римского-Корсакова, высказанная им в «Основах оркестровки»: «Напрасно Берлиоз и Геварт из всех сил стараются приводить глюковские примеры. Язык этих примеров слишком стар и чужд нашему современному музыкальному уху, поэтому не может быть полезен» [2, с. 10]. Исходя из вышеприведенного высказывания можно сделать вывод о перманентной необходимости анализа партитур современных композиторов для понимания актуальных тенденций в сфере инструментовки.

Алексей Павлючук – член Союза композиторов России, преподаватель, лауреат множества Всероссийских и международных конкурсов, автор музыки для различных оркестровых, вокальных и инструментальных составов. В данной статье будет предпринята попытка проанализировать

два его произведения: «Приближение» и «Парадокс» – с точки зрения применения композитором средств инструментовки¹.

Обзор литературы

Существует достаточное количество научных трудов, посвященных искусству инструментовки. Большая их часть, несомненно, ориентирована на теорию оркестровки для симфонического состава оркестра. Наиболее значительный вклад в развитие данной науки внесли композиторы-теоретики XIX и XX веков: Г. Берлиоз [3], Н. А. Римский-Корсаков [2], Ф. Геварт [4], А. М. Веприк [5], Г. И. Банщикова [6], Ю. А. Фортунатов [7], С. Адлер [8]. Вместе с этим, отечественные исследователи постоянно осуществляют работу, связанную с изучением инструментовки произведений, написанных для духового оркестра, которая отражена в диссертациях таких авторов, как Е. П. Макаров [9], А. Л. Ермоленко [10], В. Р. Худoley [11], Л. Ф. Дунаев [12].

Методы исследования

Основополагающим методом исследования в данной научной работе является анализ партитур,

¹ Алексей Павлючук – член Союза композиторов России, педагог, автор музыки для различных инструментальных составов, в том числе для духового оркестра. С подробной биографией и полным перечнем произведений можно ознакомиться на сайте Союза Композиторов России. – URL: <https://saratovcomposers.ru/composers/pavluchukav/> (дата обращения: 15.11.2025).

при помощи которого была предпринята попытка выявить приемы и принципы функциональной и колористической инструментовки, применяемые автором при сочинении произведений для духового оркестра. Не осталось без научного внимания и личное мнение композитора по поводу своего творчества и оркестровки в целом.

Результаты и дискуссия

Существует множество примеров в мировой академической музыке, иллюстрирующих различного рода акустические «движения», такие как постепенное приближение издали «вражеской силы» в «Ленинградской» симфонии Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, за счет применения широкого спектра оркестровых средств; имитация движения поезда в произведении Артюра Онеггера «Пасифик 231», которое является удачной иллюстрацией механистичности в искусстве XX века. Тема «движущегося поезда» периодически и весьма удачно используется в «звучовом» творчестве. Например, на одном из концертов фестиваля современной музыки «Московская осень» состоялась премьера сочинения композитора Татьяны Астафьевой «Рождественское путешествие дядюшки С. на поезде», в котором также изображаются его звуки средствами духового оркестра.

Сочинение Алексея Павлючука «Приближение», исходя из его названия, можно отнести к числу тех, которые иллюстрируют «движение» в музыкальном повествовании.

Произведение обрамляет хлопок фрусты, который довольно сильно, в данном контексте, напоминает звук кинематографического приспособления, отделяющего сцены фильма во время съемок друг от друга, под названием «нумератор». Применение маракасов в динамике *p* создает акустический фон, похожий на «шипение» пленки в старой записи кинокартины (рис. 1). Вероятно, такими звукоизобразительными приемами создается некоторая параллель с первым в мире фильмом, снятым братьями Люмьер в 1896 году – «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота». Подобные ассоциации возникают при анализе и прослушивании «Приближения» А. Павлючука.

Рис. 1. А. Павлючук «Приближение», такты 88–91
Fig. 1. A. Pavlyuchuk “Approximation”, bars 88–91

Эффект «приближения» охватывает несколько уровней формы данного произведения: на архи-

тектоническом уровне – за счет постепенного нагнетания динамического профиля и накопления фактурных составляющих, что изображает некоторое «движение» художественного образа; на микроуровне – за счет поэтапного соединения, сближения основных мелодических элементов между собой, которые изначально обособлены, но в дальнейшем развитии накладываются друг на друга. Сама фактура сочинения, ее исходное состояние «прозрачности» и дальнейшее уплотнение фактуры также создают эффект «движения» в музыкальной ткани.

Первый тембро-ритмический комплекс, который используется композитором для создания эффекта приближения на микроуровне, состоит из партий валторн и тромбонов, в дальнейшем развитии повторяется еще четыре раза и, видоизменяясь, становится все более динамизированным, что создает необходимый акустический образ. В первом повторении практически нет изменений, за исключением незначительной вариации в группе ударных инструментов. Во втором – положение аккорда меняется, он переносится на октаву вниз, переходит из широкого расположения в тесное, с добавлением группы инструментов басовой tessitura. За счет этого звучание становится более насыщенным, создавая акустический эффект «приближения» к слушателю. Третье построение почти полностью повторяет первое, а четвертое – второе. Происходит чередование данных тембро-ритмических комплексов, при развитии и насыщении остальной оркестровой фактуры. Таким образом, при помощи оркестровых средств звук то приближается, то отдаляется.

Вторым элементом, иллюстрирующим постепенное акустическое приближение, является аккорд, возникающий сразу после уже рассмотренного тембро-ритмического комплекса. Это созвучие с каждым новым разом все более и более насыщается динамически и инструментально, что полностью подчеркивает общую концепцию произведения. В дальнейшем развитии из него «произрастает» новая интонация более дробного характера, которая по мере звучания произведения расслаивается и переплетается с другими элементами фактуры.

Третий формообразующий элемент – интонационно-тембровая структура, очертания которой композитор вводит постепенно, в сольных партиях инструментов. В дальнейшем музыкальном повествовании данная структура также усиливается и тембрально усложняется за счет добавления новых оркестровых красок.

Основой для построения формы произведения становится развитие этих трех составляющих: в экспозиционной части произведения они приводятся автором довольно разрозненно, на расстоянии друг от друга, а по мере развертывания музыкальной фактуры все более и более сливаются между собой, взаимопроникают, что подтверждает концепцию

и идею данного произведения с точки зрения изборажения эффекта «приближения-отдаления».

В самом конце произведения, перед завершающим ударом «фрусты-нумератора», звучит своеобразное «эхо» тремолирующих флейт и кларнета пикколо, которое является в какой-то степени акустической разрядкой накопленной тембральной и динамической энергии, созданной в результате достижения эффекта максимального «приближения» к слушателям.

Вторым объектом анализа оркестрового письма А. Павлючука в настоящей работе выступает «Парадокс» для духового оркестра. По словам автора, в данном сочинении не предлагается явной сюжетной программности, соответственно, раскрыть замысел названия возможно множеством способов. При анализе партитуры были выявлены интересные приемы и подходы к инструментовке, а также к использованию акустических и колористических особенностей звучания духового оркестра.

Фактура произведения представляет собой, в большей степени, колористический фон, где происходит своеобразная «игра» оркестровыми красками.

Примечательно использование колорита литавр в качестве солирующего инструмента, связывающего между собой остальные элементы фактуры произведения. Одним из первых композиторов, придающих литаврам черты солирующего инструмента, был Бетховен. В качестве примера можно привести сольные такты из «Скерцо» 9 симфонии. О роли ударных инструментов размышляют многие исследователи XXI века. В своей статье Александр Демченко говорит об усилении роли ударных инструментов в XX веке на примере оперы «Нос» Д. Шостаковича: «О сугубом “эксклюзиве”, связанном с введением народных музыкальных инструментов, уже говорилось (это опять-таки служит обострению тембровой характерности), поэтому остается упомянуть о чрезвычайном расширении батареи ударных – до десяти наименований. Именно с этим инструментарием связано совершенно небывалое: для него композитор написал самостоятельный номер – Антракт к третьей картине, чем был невероятно сильно проакцентирован свойственный опере дух авангардного эксперимента (стоит напомнить, что на Западе первая композиция для ударных появится только три года спустя – “Ионизация” Э. Вареза, 1931)» [13, с. 53].

А. Соловей в статье «Тембровые и изобразительные возможности ударных инструментов в симфонической музыке XX и XXI веков» говорит следующее: «Применение ударных инструментов в творчестве композиторов XX – начала XXI в. обуславливается нередко уникальным композиторским замыслом, который исполнителям и исследователям следует раскодировать, опираясь на стилизованный и культурно-исторический опыт музыкального искусства» [14, с. 29].

Наряду с особенностями трактовки ударных инструментов интересно проанализировать применения деревянной группы духового оркестра. В начальных тактах произведения характерно использование кларнетов и саксофонов. Партии инструментов группируются в основном попарно, причем движение одного противоположно движению второго. То есть применяется некоторая «инверсионность» в мелодическом расположении, что создает интересный в акустическом плане звуковой эффект (рис. 2).

Рис. 2. А. Павлючук «Парадокс», такты 1–6
Fig. 2. A. Pavlyuchuk “Paradox”, bars 1–6

Автор чередует сольные партии инструментов, находящихся на разных «полосах» партитуры, противопоставляя звучание самого высокого по тесситуре инструмента – флейты пикколо – самому нижнему регистру партий туб и контрабаса, в сравнительно небольшой промежуток времени, обогащая звучание оркестра новыми красками в процессе развертывания музыкальной мысли. По мнению Д. Загидуллиной и Е. Никифоровой, «...очень высокие и очень низкие регистры струнных, деревянно-духовых, медных в сочетании с особой чистотой и возвышенной духовностью мелодизма композитора придают звучанию его оркестра запредельную глубину и высоту, отчего музыка становится своеобразной “лестницей в небеса”» [15, с. 63].

Также следует отметить применение автором элементов серийной техники. Например, мелодический рисунок указанных партий состоит из 12 неповторяющихся звуков, которые начинаются широким интервалом, постепенно переходящим в тесные.

Композитор в поисках новых тембровых сочетаний находит интересный с точки зрения окраски звука синтез трубы с сурдиной и гобоя. Оба инструмента исполняют свои партии в динамике *f*, в ярких регистрах и в унисон. Особенностью данного ансамбля является разница в акустической силе звучания трубы, несмотря на наличие сурдины, по отношению к гобоя, за явным преимуществом трубы. Тем самым композитор создает тембр, близкий по звучащим характеристикам, но в то же время разный по громкости музыкальных инструментов. Как отмечает А. Веприк, «...изменение тембра придает музыкальному явлению новое значение, новый характер. Воплощение музыкального образа достигается данным звуковысотным текстом в единстве с данным тембром» [5, с. 25]. Данное высказывание удивительно точно согласуется с подходом А. Павлючука.

Для оркестровки Павлючука характерно использование тесных интервалов в басовом регистре (например, в партиях туб), что противоречит классическим принципам вертикального построения аккордов (рис. 3). Аккорд *tutti* в традиционном понимании обычно ориентирован на звуки натурального звукоряда, в котором в каждой вышестоящей октаве звуков в два раза больше, чем в предыдущей. Чем ниже регистр, тем дальше друг от друга располагаются ноты. Данная композиторская рекомендация изложена в «Основах оркестровки» Римского-Корсакова: «Естественный звукоряд (натуральная гамма) может служить образцом расположения аккорда в оркестровом сложении, указывая на широкие интервалы внизу и более тесные по мере восхождения в высшие октавы» [2, с. 58]. Также существует зависимость от длины звуковой волны низких по характеристикам частот. В нижнем диапазоне длина волны больше, что создает некоторый акустический диссонанс в восприятии интервалов в тесном расположении. Следует отметить, что подобные поиски необычного звучания оркестровой палитры исключительно положительным образом влияют на слуховые ощущения при прослушивании композиции, это, в свою очередь, также обогащает духовой оркестр новыми красками. Г. Банщиков в «Законах функциональной инструментовки» формулирует следующее утверждение: «Тембровое обновление особенно действенно в тех случаях, когда композитор сознательно избегает прочих способов противопоставления элементов формы (динамического, темпового, фактурного и т. д.)» [6, с. 56].

Рис. 3. А. Павлючук «Парадокс», такты 69–73
Fig. 3. A. Pavlyuchuk “Paradox”, bars 69–73

В целом, можно отметить, что фактура произведения носит дробный характер, но до того момента, пока автор не вводит колорит валторн, которые исполняют довольно протяженное мелодическое построение, что выступает контрастом по отношению остальной фактуре произведения. Их вступление как будто разделяет произведение на две части: после появления данного элемента оркестровая ткань заметно уплотняется, ее компоненты взаимодействуют и переплетаются друг с другом.

Автор также использует в данном произведении и сонорную технику. Например, в партиях корнетов звучат громкие отрывистые яркие звуковые «пятна» кластерного типа (рис. 4). Необходимо отметить, что подобного рода колористика удачно прослушивается в верхнем регистре медных инструментов, что, несомненно, является большим преимуществом звучания духового оркестра. Такие звуковые «пятна» встречаются и в других инструментальных ансамблях и груп-

пах. В последующем развитии, постепенно накапливая энергию, как и все произведение в целом, данные созвучия приобретают масштаб общего оркестрового *tutti*, в вертикали которого присутствуют все 12 полутонов октавы. Такое акустическое решение звучит остро и в достаточной степени «новаторски» по отношению к существующему репертуару духового оркестра. В своей статье М. Анисеева по данному поводу отмечает следующее: «Соноризм представляет собой одну из важнейших техник XX века, в которой выразилось новое мышление и заложен фундамент для последующих открытий в области фактуры и тембра» [16, с. 28].

Рис. 4. А. Павлючук «Парадокс», такты 13–14
Fig. 4. A. Pavlyuchuk “Paradox”, bars 13–14

Выводы

Подводя итог, можно отметить ряд особенностей в произведениях «Приближение» и «Парадокс» Алексея Павлючука с точки зрения применения средств инструментовки: во-первых, постоянный поиск нетривиальных инструментальных сочетаний, созвучия которых «порождают» своеобразные колористические миксты; во-вторых, удачное использование акустических особенностей в звучании духового оркестра, расширяющих композиторский арсенал; в-третьих, ярко выраженный индивидуальный почерк оркестровки, обусловленный тем, что инструментовка Алексея Павлючука опирается на методы и подходы, накопленные композиторским опытом XIX и XX веков.

Произведения «Приближение» и «Парадокс» дополнили репертуар академической музыки для духового оркестра и, безусловно, расширили представления о его звучании.

В работе Н. Гуляницкой «Методы науки о музыке» высказано примечательное мнение: «Продуктивным, на наш взгляд, оказывается то понимание, в котором участвует авторское слово, сказанное о собственном сочинении, о работах “сотоварищей по цеху”» [17, с. 15]. В связи с этим уместны и собственные слова Алексея Павлючука о том, что ему всегда было интересно писать музыку для составов, которые он не использовал ранее, а взявшись за работу, он всегда старается сочинить что-нибудь необычное, отличающееся от того, что уже до него написано. Необходимо признать, что это композитору, несомненно, удалось.

Благодарности

Алексею Вячеславовичу Павлючуку за предоставленные партитуры и комментарии к своему творчеству.

Литература

1. Невдашев, А. С. Особенности инструментовки в произведениях для духового оркестра Татьяны Васильевой / А. С. Невдашев // Слово о музыке. – 2024. – № 2 (15). – С. 22–30.
2. Римский-Корсаков, Н. А. Основы оркестровки : в 2 т. / Н. А. Римский-Корсаков. – Т. 1. – М. : Книга по требованию, 2023. – 124 с.
3. Берлиоз, Г. Большой трактат о современной инструментовке и оркестровке : в 2 т. / Г. Берлиоз. – Т. 1. – М. : Музыка, 1972. – 306 с.
4. Геварт, Ф. Руководство к инструментовке / Ф. Геварт. – СПб. : Лань : Планета музыки, 2024. – 236 с.
5. Веприк, А. М. Трактовка инструментов оркестра / А. М. Веприк. – М. : Музгиз, 1961. – 303 с.
6. Банщиков, Г. И. Законы функциональной инструментовки : учебное пособие / Г. И. Банщиков. – СПб. : Композитор, 1999. – 240 с.
7. Фортунатов, Ю. А. Лекции по истории оркестровых стилей / Ю. А. Фортунатов ; сост., расшифровка текста лекций, примеч. Е. И. Гординой. – М. : Московская консерватория, 2009. – 384 с.
8. Adler, S. H. The Study of Orchestration / S. H. Adler. – 3rd ed. – New York ; London : W. W. Norton, 2002. – 864 p.
9. Макаров, Е. П. Концертные сочинения советских композиторов для духового оркестра и их роль в развитии духовой музыки в Советском Союзе : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Е. П. Макаров. – М., 1950. – 24 с.
10. Ермоленко, А. Л. Эволюция инструментовки в отечественной духовой музыке до 70-х годов XIX века : дис. ... канд. искусствоведения / А. Л. Ермоленко. – М., 2000. – 183 с.
11. Худолей, В. Р. Стилистические черты инструментовки для духового оркестра в творчестве советских композиторов 40–80-х годов : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / В. Р. Худолей. – М., 1991. – 26 с.
12. Дунаев, Л. Ф. Становление инструментовки-науки и ее развитие в отечественном музыкознании XX века : дис. ... д-ра искусствоведения / Л. Ф. Дунаев. – М., 2000. – 339 с.
13. Демченко, А. И. Русский музыкальный авангард начала XX века и «Нос» Д. Шостаковича / А. И. Демченко // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. – 2024. – № 4. – С. 44–55.
14. Соловей, А. И. Тембровые и изобразительные возможности ударных инструментов в симфонической музыке XX и XXI веков / А. И. Соловей // Вестник МГИМ имени А. Г. Шнитке. – 2023. – № 6 (26). – С. 29–34.
15. Загидуллина, Д. Р. Темброво-оркестровый аспект симфонических произведений Б. Чайковского / Д. Р. Загидуллина, Е. Е. Никифорова // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2021. – № 1. – С. 52–65.
16. Аникеева, М. Д. Особенности сонорной фактуры в творчестве отечественных композиторов последней трети XX века / М. Д. Аникеева // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2022. – № 3 (65). – С. 28–38.
17. Гуляницкая, Н. С. Методы науки о музыке : исслед. / Н. С. Гуляницкая. – М. : Музыка, 2015. – 256 с.

Невдашев Александр Сергеевич – адъюнкт (аспирант) кафедры инструментовки и чтения партитур, Военный институт (военных дирижеров) Военного университета имени князя Александра Невского (Москва), e-mail: nevdashev.1995@mail.ru. ORCID: 0009-0009-2980-0144

Поступила в редакцию 15 ноября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260207

INSTRUMENTATION AS A MEANS OF ARTISTIC EXPRESSION: ACOUSTIC AND COLORISTIC TECHNIQUES IN A. PAVLYUCHUK'S COMPOSITIONS FOR WIND BAND

A. S. Nevdashev

*Military Institute (Military Conductors) named after Prince Alexander Nevsky
Military University, Moscow, Russian Federation*

The brass band of the 21st century is an integral part of Russian culture. Its sound accompanies military music festivals and parades on Red Square, various ceremonial events, as well as reveals the coloristics of brass instruments on philharmonic stages and academic music festivals performed by the best Russian concert bands.

This article analyzes the orchestral techniques used in the compositions “*Approximation*”

and “*Paradox*” for wind orchestra written by the Saratov composer Alexey Pavlyuchuk. His scores are characterized by a vivid orchestration, conceptual thinking, and a focus on the acoustic features of wind and percussion instruments, which creates a fertile “ground” for research and analysis.

The compositional practice of the 21st century is characterized by an active appeal to the genre of academic music for brass bands. Composers recognized the acoustic and colorful potential of this genre and used it to express their artistic ideas. The growing repertoire of music for brass bands requires scientific analysis. As a result, the works of A. Pavlyuchuk have been selected for analysis of orchestration principles and techniques. While maintaining the historical traditions of orchestration, the composer developed his own unique orchestration style, which expanded our understanding of the principles of modern brass band composition.

Keywords: wind band, instrumentation, A. Pavlyuchuk, “Moscow Autumn”, timbre, modern music.

References

1. Nevdashev A.S. Osobennosti instrumentovki v proizvedeniiakh dlia dukhovogo orkestra Tatiyany Vasil'evoy [Features of Instrumentation in Works for Wind Orchestra by Tatyana Vasilyeva] // *Slovo o muzyke*. 2024. № 2 (15). P 22–30.
2. Rimskii-Korsakov N.A. Osnovy orkestrovki: T. 1 [Fundamentals of Orchestration: Vol. 1]. Moscow: Book on Demand, 2023. 124 p.
3. Berlioz G. Bol'shoi traktat o sovremennoi instrumentovke i orkestrovke [Grand Treatise on Modern Instrumentation and Orchestration]. Vol. 1. Moscow: Musice, 1972. 306 p. Vol. 2. Moscow: Music, 1972. 527 p.
4. Gevart F. Rukovodstvo k instrumentovke [Guide to Instrumentation]. Saint Petersburg: Doe: Planet of Music, 2024. 236 p.
5. Veprik A.M. Traktovka instrumentov orkestra [The Treatment of Orchestra Instruments]. Moscow: Muzgiz, 1961. 303 p.
6. Banshchikov G.I. Zakony funktsional'noi instrumentovki [Laws of Functional Instrumentation]: uchebnoe posobie. Saint Petersburg: Komposer, 1999. 240 p.
7. Fortunatov I.A. Lektsii po istorii orkestrovnykh stilei [Lectures on the History of Orchestral Styles]; sost., rasshifrovka teksta lekcij, primech. E.I. Gordinoy. Moscow: Moscow Conservatory, 2009. 384 p.
8. Adler S.H. The Study of Orchestration. 3rd edition. New York; London: W.W. Norton, 2002. 864 p.
9. Makarov E.P. Kontsertnye sochineniia sovetskikh kompozitorov dlia dukhovogo orkestra i ikh rol' v razvitii dukhovoii muzyki v Sovetskom Soiuzie [Concert Works by Soviet Composers for Wind Orchestra and Their Role in the Development of Wind Music in the Soviet Union]: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, 1950. 24 p.
10. Ermolenko A.L. Evoliutsiia instrumentovki v otechestvennoi dukhovoii muzyke do 70-kh godov XIX veka [The Evolution of Instrumentation in Russian Wind Music Until the 1870s]: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, 2000. 183 p.
11. Khudolei V.R. Stilisticheskie cherty instrumentovki dlia dukhovogo orkestra v tvorchestve sovetskikh kompozitorov 40–80-kh godov [Stylistic Features of Instrumentation for Wind Orchestra in the Works of Soviet Composers of the 1940s–1980s]: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, 1991. 26 p.
12. Dunaev L.F. Stanovlenie instrumentovki-nauki i ee razvitie v otechestvennom muzykoznanii XX veka [The Formation of Instrumentation as a Science and Its Development in Russian Musicology of the 20th Century]: dis. ... d-ra iskusstvovedeniya. Moscow, 2000. 339 p.
13. Demchenko A.I. Russkii muzykal'nyi avangard nachala XX veka i “Nos” D. Shostakovicha [Russian Musical Avant-Garde of the Early 20th Century and “The Nose” by D. Shostakovich] // *Uchenye zapiski Rossiiskoi akademii muzyki imeni Gnesinykh*. 2024. № 4. P 44–55.
14. Solovei A. I. Tembroye i izobrazitel'nye vozmozhnosti udarnykh instrumentov v simfonicheskoi muzyke XX i XXI vekov [Timbre and Expressive Possibilities of Percussion Instruments in Symphonic Music of the 20th and 21st Centuries] // *Vestnik MGIM imeni A.G. Shnitke*. 2023. № 6 (26). P 29–34.
15. Zagidullina D.R., Nikiforova E.E. Tembroye-orkestrovyy aspekt simfonicheskikh proizvedenii B. Chaikovskogo [Timbre and Orchestral Aspect of Symphonic Works by B. Tchaikovsky] // *PHILHARMONICA*. 2021. № 1. P 52–65.
16. Anikeeva M.D. Osobennosti sonornoi faktury v tvorchestve otechestvennykh kompozitorov poslednei treti XX veka [Features of Sonoristic Texture in the Works of Russian Composers of the Last Third of the 20th Century] // *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniia*. 2022. № 3 (65). P. 28–38.
17. Gulyanitskaya N.S. Metody nauki o muzyke: issledovanie [Methods of Music Science: A Study]. Moscow: Music, 2015. 256 p.

Alexander S. Nevdashev – Postgraduate Student of the Department of Instrumentation and Reading Scores, Military Institute (Military Conductors) named after Prince Alexander Nevsky Military University (Moscow), e-mail: nevdashev.1995@mail.ru

Received November 15, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Невдашев, А. С. Инструментовка как средство художественного высказывания: акустические и колористические приемы в сочинениях А. Павлючука для духового оркестра / А. С. Невдашев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 59–65. DOI: 10.14529/ssh260207

FOR CITATION

Nevdashev A, S. Instrumentation as a means of artistic expression: acoustic and coloristic techniques in A. Pavlyuchuk's compositions for wind band. Bulletin of the South Ural State University. *Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 59–65. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260207

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н. Р. Балынская

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Формирование медийного образа региона в новых геополитических условиях, когда политическое пространство перешло в пространство массмедиа, – это проблема, которая заслуживает особого внимания исследователей. Целью данной статьи является исследование процесса формирования медиаобраза региона. Исследование проводится на примере Челябинской области. Данный регион выбран неслучайно: в области представлены все основные виды деятельности, также здесь проживают представители всех национальностей, которые есть в России. Поэтому тенденции, которые проявляют себя в этом регионе, с большой долей вероятности могут быть распространены на другие территории. В статье исследуется само понятие «медиаобраз» и делается вывод: медиаобраз может рассматриваться по отношению к конкретному политику, региону или стране, медиаобраз представляет собой устойчиво воспринимаемое общественностью явление. В статье также ставится вопрос о субъектах формирования медийного образа региона. Автор убежден: средства массовой информации являются полноправным субъектом политики, именно они в условиях медиатизации политического пространства и процесса являются главным субъектом, формирующим медиаобраз региона. В статье рассмотрены ключевые направления, в соответствии с которыми формируется медиаобраз: имидж главы региона, далее образ территории, укрепленный в массовой сознании и потом – отклик на эти образы со стороны аудитории.

Ключевые слова: медиаобраз, медиатизация, политическое пространство, имидж, регион, Челябинская область.

Введение

Формирование медиаобраза региона – важная часть политического процесса. Медиаобраз, отраженный на страницах средств массовой информации (СМИ) и внедренный в сознание целевой аудитории, вызывает эмоциональный отклик у этой аудитории. Эмоции являются одной из составляющих политических суждений, а в конечном счете, и политического поведения субъектов политики. О том, что пространство политики сегодня перенесено в плоскость массмедийной реальности, говорят многие исследователи: «The interactional relationship between news media and political actors can be examined from several perspectives. The currently most popular perspective discusses this relationship within the framework of the mediatization of politics» [1, p. 2]. Они также утверждают: «В современном мире политическая среда тесно связана с медиа. Медиа интегрируются в функционирование политической системы, трансформируя коммуникационные процессы» [2, с. 191]. У медиаобраза есть отличительные черты. Во-первых, этот образ формируется в виртуальном пространстве, и, значит, он является искусственно смоделированным, то есть представляет собой необъективную картину реальности. Во-вторых, сформированный в виртуальном пространстве медиаобраз «потребляется» массовой аудиторией, вызывая эмоциональную реакцию, то есть ме-

диаобраз изначально создается под определенную целевую аудиторию, хотя реакция аудитории не обязательно будет такой, как было запланировано. На эмоциональный уровень одобрения или неодобрения созданного медиаобраза влияет огромное количество факторов: реальная политическая ситуация, политические настроения и предпочтения самой аудитории и т. д. В-третьих, медиаобраз создается и тиражируется СМИ, которые «диктуют» способы представления информации, приемы интерпретации общественно значимых событий, позволяют организовать диалог с аудиторией, формируют список приоритетных тем. Именно эта локальная повестка с существующими особенностями представления и интерпретации информации формирует медиапространство региона, которое, в свою очередь, создает медиаобраз конкретного региона проживания» [3, с. 31].

Исследователи также выделяют следующие основные способы эффективного формирования образа страны: а) позиционирование (создание благоприятной для объекта информационной среды); б) манипулирование (переклечение внимания на другой объект); в) мифологизацию (использование для формирования образа мифов); г) эмоционализацию (перевод информации на эмоциональный язык); д) вербализацию (детализация и акцентирование информации, ее подготовка для восприятия аудиторией как устной речи какого-либо лица) [4].

Некоторые исследователи работают над установлением соотношения объема и содержания понятия «образ» и «имидж» и отмечают, что «термины “образ” и “имидж”, а также их производные “медиаобраз” и “медиаимидж” в русскоязычной науке различаются между собой не столько содержательно, сколько функционально. Исследователи в области культурологии, литературоведения, психологии склонны оперировать термином “образ”, тогда как в сфере прикладных проблем политологии, социологии, журналистики, территориального брендинга активно используется понятие «имидж», что подчеркивает целенаправленность и технологичность формируемых конструктов» [5, с. 187].

Все это позволяет нам утверждать, что медиаобраз региона, создаваемый СМИ, – это искусственно сформированное эмоционально окрашенное представление целевой аудитории об определенной территории. Для того чтобы понять, как именно строится медиаобраз территории, в частности Челябинской области, отметим, что современное медийное пространство подвержено влиянию сразу нескольких тенденций. Во-первых, наблюдается активное использование искусственного интеллекта и цифровизации. Это отмечают исследователи: «Today’s media culture is of course increasingly digitalized, and the Internet is the dominating environment» [6, p. 1]. Во-вторых, традиционные СМИ соседствуют сегодня с огромным количеством социальных сетей, которые также формируют политическую повестку, создают образы политиков, территорий. По этому поводу исследователи отмечают: «Unter “Digitalisierung” wird die materielle Mediatisierung des Sozialen durch elektronische Plattformen der Kommunikation verstanden [7, p. 643]. Про «господство» социальных сетей в массмедийном пространстве говорит и еще один исследователь: «The problem multiplies in the digital era when the most promising source of new economic value appears to be what are called ‘social media’ platforms» [8, p. 2].

Искусственный интеллект при формировании образов политиков, регионов и всей страны помогает СМИ просчитывать свою целевую аудиторию благодаря анализу различных метрик, которые помогают без привлечения огромного количества социологов вычислить интересы, возраст, пол целевой аудитории, каналы получения информации и т. д. В-третьих, как отмечали следователи еще несколько десятков лет назад, политическое пространство в принципе перешло из событийной плоскости в плоскость медийную, что влияет на все процессы, происходящие в обществе: «These examples demonstrate that the term mediatization in its different variants is deeply related to social and cultural research as a whole» [9, p. 5]. Именно на страницах СМИ формируется медийный образ субъектов политики. И нужно учитывать четвер-

тую особенность: глобализация политики: медиаобраз любого субъекта политики сегодня может формироваться вне зависимости от географической привязки к его деятельности. А это означает отсутствие «единоначалия» в формировании медиаобраза, т. е. в его формировании роль играют многочисленные субъекты. И это придает обсуждаемой проблеме остроту: формирование медиаобраза региона со стороны многочисленных субъектов, вовлеченных в данный процесс, осложняется их возможными разнонаправленными установками. А между тем, сам медиаобраз, который «осядет» в представлениях целевой аудитории, – это важнейшая составляющая поведения этой целевой аудитории, о чем говорят многочисленные исследования: «Образы, создаваемые массмедиа, оказывают влияние на формирование общественного мнения и представления о тех или иных объектах окружающей действительности» [10, с. 120].

Таким образом, при рассмотрении вопроса о формировании медиаобраза региона встает вопрос субъектности. В традиционных представлениях о субъектах общественно-политических процессов существовало представление, что главенствующим субъектом является власть, средством передачи информации выступают СМИ, а объектом воздействия является общество. Однако все вышеобозначенные установки давно изменились. В современной картине мира СМИ способны самостоятельно оказывать влияние на формирование политического пространства, быть полноценным субъектом политики, в том числе, формировать медиаобразы. Таким образом, формирование медиаобраза региона из политического пространства перенесено в медийное, разворачивается в условиях цифровизации медиапроцессов, посредством не только традиционных СМИ, но и цифровых (включая социальные сети, платформы самих СМИ, блогерские аккаунты).

Обзор литературы

В нашем исследовании мы обращаемся к понятию медиаобраза региона. Отметим, что целый ряд публикаций посвящен дискуссии вокруг понятийно-категориального аппарата в отношении данной проблемы. Так, некоторые под медиаобразом понимают «виртуальный образ реальности, обособленной совокупностью своих отличительных черт и условий, который возникает в общественном сознании благодаря материалам СМИ и других объективных и субъективных источников информации» [11, с. 73]. Также исследователи работают над установлением соотношения объема и содержания понятия «образ» и «имидж», традиций их употребления, отмечая, что «термин “имидж территории” сегодня широко употребляется не только в имиджологии, но и в журналистике, теории коммуникации, политологии, социологии, экономики и иных дисциплинах в соответствии с доминирующими в каждой из них интерпретациями» [5, с. 178].

Другая группа исследователей рассуждает о соотношении понятий «образ» и «медиаобраз» и утверждает: «образ» и «медиаобраз» можно воспринимать как синонимы, подразумевая, что образ страны, например, будет включать в себя субъективное представление, которое вызывает публикация в СМИ в установках целевой аудитории: «Под образом страны понимается субъективное отражение представления в СМИ о стране, выраженное различными речевыми способами, оказывающее эмоциональное воздействие на адресата и способное повлиять на его мнение и личные установки. В качестве синонима к понятию образ используется понятие медиаобраз» [12, с. 7].

Стоит отметить, что некоторые исследователи в вопросах формирования медиаобраза определенной территории рассуждают о субъектности такого вида деятельности и оставляют за СМИ роль главного актора по формированию такого образа: «Медиаобраз государства – смоделированный СМИ образ страны, выраженный в медиапространстве» [13, с. 58].

Вместе с тем отметим, что далеко не все исследователи согласны именно с такой постановкой вопроса. Это связано с тем, что СМИ как субъект политико-медийной деятельности способны закодировать и транслировать в своих материалах определенный образ страны, региона или конкретного политического деятеля. Однако если мы в данной ситуации не учтем тот эмоциональный отклик и реакцию аудитории, которые получит материал, то мы вряд ли получим объективное представление о медиаобразе, которой конструируют СМИ. Этому вопросу посвящены многочисленные исследования, где авторы отмечают: «Медиаобраз как закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, имеющее идеологический (полилогический) характер и вызывающее ценностную реакцию аудитории» [14, с. 93].

Исследователи предупреждают в публикациях и о возможности трансформации транслируемого образа в сознании аудитории, они говорят, что СМИ создают не образ, а имидж, а образом он может стать только при трансформации в сознании аудитории тех модулей, которые транслировались СМИ: «Однако в процессе восприятия публикации читателями произойдет трансформация имиджа в образ, т. к. под воздействием случайных факторов (особенности восприятия, противоречия между информацией из разных источников, личный опыт и др.) осуществляется преломление задуманного имиджа» [5, с. 186].

Стоит обратить внимание и на исследования, которые настроены достаточно критично в отношении формирования объективного медийного образа региона. Исследователи рассуждают о корпоративной культуре журналиста, который связан трудовыми отношениями с издательством. И имен-

но эта связь не дает выстраивать объективную картину мира, в том числе и медиаобраз региона: «Но современные массмедиа делают человека маргиналом, конструируя для него неадекватный, агрессивный и ускользающий образ мира, составленный из мелких пазлов. Журналисты сегодняшних СМИ и не могут предложить ничего другого, так как основным профессиональным принципом стало следование так называемой корпоративной этике, которая на самом деле является не чем иным, как служением интересам владельцев СМИ» [14, с. 91].

Также в наше исследовательское поле попали работы, авторы которых рассуждают о важности и необходимости формирования медиаобраза региона в принципе. Затронутая проблема является очень важной в силу того, что «для людей, проживающих в других городах и регионах, медиаобраз населенного пункта, где они ни разу не были, в полной мере замещает реальную действительность» [15, с. 82].

Таким образом, в исследовательской литературе затронутая проблема обсуждается весьма активно. Исследователи выделяют разные аспекты изучаемой проблемы, дискутируя друг с другом.

Методы исследования

Про данное исследование смело можно утверждать, что оно носит междисциплинарный характер, поскольку является объектом интереса со стороны таких наук, как журналистика, лингвистика, психология, социология, политология. Для проведения исследования мы используем инструментарий социологической науки, без которого невозможно, на наш взгляд, изучение проблем в современных гуманитарных науках: нами используются методы контент-анализа, сравнительный метод, а также исторический. Контент-анализ помогает нам представить в цифровом измерении информацию, содержащуюся в СМИ. Сравнительный метод позволяет сопоставить публикации 2019 и 2025 годов (первый и второй срок действующего губернатора). Исторический метод мы используем потому, что формирование контента и осознание специфики его воздействия на аудиторию возможно только в конкретном историческом контексте.

Таким образом, методология исследования базируется на систематическом подходе, который позволяет рассмотреть специфику формирования медиаобраза региона в условиях медиатизации политического пространства как сложную систему, в которой взаимосвязаны несколько самостоятельных субъектов данного вида деятельности, а также факторов, оказывающих влияние на данный процесс.

Эмпирическим материалом для исследования послужили тексты новостных публикаций ведущих СМИ региона и страны, таких как «Федерал-пресс», «Коммерсант Челябинск», «Сегодня»,

«Взгляд», «Деловая газета», «Первый областной», «Вечерний Челябинск». Также мы обратились к материалам издательств, которые представляют результаты социологических опросов по интересующей нас проблеме. Это ресурс «Идеология» и платформа «Национальный рейтинг». Также мы сделали объектом своего исследования несколько телеграм-каналов, поскольку некоторые блогеры по количеству подписчиков собирают аудиторию, соотносимую с полноценными СМИ.

Результаты и дискуссия

Цель данной статьи – выявление специфики формирования медиаобраза региона в условиях перехода политического процесса в медийное пространство. Данную проблему мы будем рассматривать на примере Челябинской области. Нам важно осознать новую роль СМИ и общества в формировании медиаобраза региона. Если раньше обществу отводилась роль пассивного объекта, на который субъекты политического, информационного процесса накладывают свою волю, то сегодня с распространением новых средств массовой коммуникации, включая блогерскую деятельность, соотношение сил заметно меняется. Мы видим, как традиционные СМИ, включающие в себя полноценные редакции, по популярности часто уступают место отдельно взятому блогеру, который заметно формирует политическую повестку, в том числе, и медиаобраз региона. И общество своими информационными действиями, а именно: подписками на канал, цитированием, репостами – также становится субъектом, который формирует медиаобраз региона.

Исследователи выделяют несколько подходов к формированию медиаобразов. «Субъектно-объектный сценарий описывает процесс односторонней трансляции медиаобразов в традиционных СМИ (журналист влияет на аудиторию). Субъектно-субъектный сценарий, наоборот, подразумевает полилогический, а не монологический характер коммуникации между журналистом и аудиторией. Этот сценарий характеризуется процессом совместного формирования и освоения образов действительности в медиaprостранстве: не только журналист, транслируя медиаобразы, влияет на аудиторию, но и аудитория, также способная формировать и распространять медиаобразы, может влиять на автора медиатекста» [16, с. 36].

Мы согласны с таким подходом, поскольку, как отмечали в своих исследованиях ранее, «событийная сторона политики сегодня уходит на второй план, а на первый план выходит информационная составляющая, которая зависит от позиции нескольких крупных игроков на политической арене. Такие лидеры, как Илон Маск, Дональд Трамп, Дмитрий Медведев и многие другие, сначала выражают свою точку зрения в социальных сетях, а уже потом она трансформируется в политические события и во многом формирует полити-

ческую повестку. Это позволяет нам говорить, что нелинейное протекание современного политического процесса не просто происходит в условиях массмедийной реальности, а является следствием того, что массмедийная реальность сегодня – основа политического процесса, которая во многом формирует повестку дня» [17, с. 10].

Исследователи отмечают, что за СМИ сегодня закреплены особые функции в процессе формирования медиаобраза региона, поскольку именно у СМИ сосредоточены важнейшие рычаги управления общественным мнением: «Они диктуют способы представления информации, приемы интерпретации общественно значимых событий, позволяют организовать диалог с аудиторией, формируют список приоритетных тем. Именно эта локальная повестка с существующими особенностями представления и интерпретации информации формирует медиaprостранство региона, которое, в свою очередь, создает медиаобраз конкретного региона проживания» [3, с. 31]. И в этом отношении мы укладываемся в так называемую концепцию интервенционизма медиа, про которую исследователи говорят следующее: «В основе рассмотрения медиатизации со стороны медиаторов находится концепция интервенционизма медиа – их вмешательства в различные сферы обществ, в том числе и в политическую» [16, с. 33].

При этом отметим авторскую позицию в отношении данного высказывания. По нашему убеждению, СМИ с момента своего возникновения всегда играли роль гораздо большую, чем просто передача информации от властвующего объекта к подвластному субъекту, а в период неясности политических ситуаций, политических переворотов и переломных моментов в судьбе страны именно в руках СМИ оказывалась ведущая роль не просто по формированию политических предпочтений, но и по направлению политического процесса в определенное русло. Именно поэтому, на наш взгляд, во всех вопросах, в том числе в вопросах формирования медиаобраза региона, СМИ являются полноправным субъектом этого процесса.

Что касается самого механизма формирования медиаобраза региона, мы убеждены, что все заявленные выше способы формирования образа региона должны строиться на конкретных персоналиях, в нашем случае медиаобраз региона будет включать идентификацию самого региона с представителем субъектом, которым является глава региона (в нашем случае – губернатор Алексей Леонидович Текслер). Также медиаобраз региона включает в себя представления о самой территории, которые транслируются в СМИ.

Представим, каким образом трансформировался образ А. Текслера с 2019 г. по настоящее время. В 2019 году в информационное пространство был внедрен термин «разворот Текслера». Как писали СМИ, «менее чем за три месяца ему

удалось продемонстрировать высокую управленческую и публичную эффективность, переформатировать работу областного правительства и наметить решение наиболее острых проблем» [18]. Отметим, что «Взгляд. Деловая газета» – это не региональное, а федеральное издание, с явно выраженной провластной позицией. Посчитать количество просмотров приведенной публикации не представляется возможным, однако можно обозначить сам факт попадания этой информации в крупнейшие федеральные СМИ как признание заслуг тогда еще исполняющего обязанности губернатора А. Текслера. Относительно популярности издания можно сказать, что количество подписчиков в социальной сети «ВКонтакте» у него достаточно большое – 108 754 человека. Термин «разворот Текслера» стал «отправной точкой» в построении медиаобраза губернатора. Его комментировала газета «Вечерний Челябинск» [19], которая позиционирует себя как независимое СМИ, но по характеру публикаций относится к официозным изданиям, разделяющим позицию властных структур. И хотя в социальной сети «ВКонтакте» у издания подписчиков не так много – 6 418, портал «Медialogия» отмечает, что «Медialogия» опубликовала рейтинг цитируемости челябинских СМИ. Среди печатных изданий лидером в нем стала газета «Вечерний Челябинск». При этом, в общем рейтинге СМИ газета занимает третье место, уступив только двум интернет изданиям – «Первому областному» и portalу 74.ru» [20, 21]. Медиаобраз губернатора как передового управленца, который хочет разобраться в проблемах региона, увидеть все своими глазами, стал тиражироваться в СМИ. Так, к его образу добавилась характеристика объективного взгляда на проблемы: «Картина должна быть объективная». По охвату аудитории Уралинформбюро в социальной сети «ВКонтакте» имеет не самое большое количество подписчиков – 7 236 человек, но, по мнению исследователей, входит в ТОП-20 самых цитируемых СМИ [22]. Результат тиражирования данного медиаобраза врио губернатора – попадание в топ в федеральном рейтинге Медialogии. Эту тему подхватили местные СМИ: «Алексей Текслер попал в тройку федерального рейтинга “Медialogии”» [23].

Однако отметим, что положительный медиаобраз А. Текслера не распространился на саму территорию, которая, напротив, стала восприниматься как проблемная. Медиаобраз хорошего хозяина должен был «развернуться» только на территории, в которой есть проблемы, оставшиеся от предыдущего губернатора. На этой антитезе был во многом построен медиаобраз региона, где губернатор восклицает: «Это бардак!» [24].

Обратимся к медиаобразу самой территории. Челябинская область ассоциируется с промышленным потенциалом страны. Исследователи отмечают: «Огромное влияние на имидж Челябин-

ской области оказывает имидж Челябинска как столицы Южного Урала. Челябинск – типичный мегаполис с акцентом на секторе производства» [25]. Область известна по комедийным выступлениям в скетч-сериале «Наша Russia», где персонаж Иван Дулин (в исполнении Сергея Светлакова) – фрезеровщик с Челябинского завода. В выпусках программы Comedy Club резидент шоу Павел Воля уделяет Челябинску много времени: памятник Ницшему на Кировке, метеорит, Париж (Нагайбак) и т. д. Благодаря такому освещению на федеральных каналах медиаобраз Челябинской области не создан как «проблемный», скорее, наоборот. Популярность указанных федеральных программ формирует медиаобраз региона и «на месте» как обладающего собственной спецификой и поэтому интересного даже комикам – никакой другой регион такой популярностью в данных топовых шоу не пользуется. И здесь есть определенный «разрыв»: область воспринимается не как проблемная, а как интересная, самобытная и специфическая. И это доказывает, что медиаобраз губернатора не равен медиаобразу региона, хотя во многом и формирует его.

Обратимся к трансформации медиаобраза региона за прошедшие годы. В это время произошло активное развитие блогерской деятельности, что не могло не сказаться на формировании медиаобраза и губернатора, и региона. Так, некоторые политики используют возможности телеграм-каналов для своей деятельности. После принятия Законодательным Собранием Челябинской области бюджета области в 2025 году с дефицитом, в пространстве социальных сетей и каналов эту тему «увязали» с проходящим голосованием за культурную столицу. Словосочетание «культурная бедность» подхватили многие СМИ и блогеры [26, 27]. Снижился рейтинг губернатора, который на сегодняшний день на той же платформе «Медialogия» занимает 37 место [28], а на платформе «Национальный рейтинг» – 21 место [29].

Однако негативные оценки блогеров и пользователей социальных сетей не перешли на медиаобраз региона, который, напротив, воспринимается как центр культуры [30]. Достаточно сказать, что публикацию «Челябинск не стал культурной столицей» просмотрело рекордное количество пользователей социальной сети «ВКонтакте» – более 190 тысяч, при этом анализ комментариев показывает, что медиаобраз Челябинска как раз ассоциируется и с культурой, и с промышленностью. Это доказывает, что трансформация медиаобраза губернатора более подвержена ситуативным факторам, чем медиаобраз самого региона.

Отметим, что далеко не все исследователи разделяют весомость общественного мнения при формировании медиаобраза региона, утверждая, что «институт общественного мнения имеет в РФ пока очень небольшой по историческим меркам опыт

существования» [4]. Однако мы согласны с исследователями, которые полагают, что «общественное мнение, сформированное под воздействием СМИ, – это не просто важный инструмент в процессе самоидентификации населения, которое проживает на определенной территории, это – залог демократического устройства общества» [31, с. 105].

Выводы

Таким образом, можно резюмировать: формирование медиаобраза региона зависит от медиаобраза его руководителя, но является более устойчивым явлением. На медиаобраз руководителя региона заметно влияют ситуативные факторы: мнение отдельных блогеров, политическая ситуация и т. д. Медиаобраз региона более устойчив к ситуативным проявлениям. Это означает, что формирование медиаобраза региона – это проблема, которая только начинает обсуждаться с точки зрения различных наук и должна рассматриваться в комплексе, используя весь арсенал методов и направлений, в исследовательское поле которых эта проблема попадает.

Литература

- Blumler, J. G. Mediatization as a Combination of push and pull Forces: Examples During the 2015 UK General Election Campaign / J. G. Blumler, F. Esser // *Journalism*. – 2019. – Vol. 2, № 7. – P. 855–872.
- Гуреева, А. Н. Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы / А. Н. Гуреева, В. С. Кузнецова // *Вопросы теории и практики журналистики*. – 2021. – № 1. – С. 191–205.
- Симакова, С. И. Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона / С. И. Симакова, Д. И. Кваша // *Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 28–38.
- Галумов, Э. А. Имидж России в глобальном пространстве / Э. А. Галумов // *Правоведение и политология*. – URL: <https://pravo33.wordpress.com/2010/02/14/э-галумов-имидж-россии-в-глобальном-пр/> (дата обращения: 07.12.2025).
- Сидорская, И. В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях. Проблемы медиапрезентации территорий / И. В. Сидорская // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. – 2021. – № 3. – С. 173–192.
- Hepp, A. *Cultures of Mediatization* / A. Hepp. – Cambridge : Polity. 2012. – 112 p.
- Couldry, N. *The Mediated Construction of Reality* / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge : Polity Press, 2017. – 290 S., kt.
- Couldry, N. *The Mediated Construction of Reality* / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge : Polity Press, 2018. – 290 p.
- Hepp, A. *Mediatized worlds: Understanding everyday mediatization* / A. Hepp, F. Krotz [eds.] // *Mediatized worlds: Culture and society in a media age*. 2014. – London : Palgrave. – P. 1–15.
- Киселев, Д. Г. Медиаобраз Челябинска в программах телеканала ОТВ (Челябинск) / Д. Г. Киселев, С. И. Симакова // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. – 2023. – № 2. – С. 120–123.
- Горбаль, Д. Э. Современные подходы к феномену медиаобраза / Д. Э. Горбаль // *Наука и образование сегодня*. – 2020. – № 11 (58). – С. 72–75.
- Морозова, О. В. Речевые способы формирования образа России в российских и американских СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Морозова. – Саратов, 2018. – 22 с.
- Ковач, О. А. Принципы конструирования медиаобраза государства / О. А. Ковач // *Медиасреда*. – 2019. – № 1. – С. 57–62.
- Хочунская, Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект / Л. В. Хочунская // *Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика»*. – 2013. – № 2. – С. 91–95.
- Мальшева, Е. Г. Образ, медиаобраз, медиаобраз региона VS имидж, медиаимидж, имидж региона: понятийно-терминологический аппарат современных российских исследований / Е. Г. Мальшева, Ю. Е. Русакова // *Вестник МГУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. – 2024. – № 2 (54) – С. 76–94.
- Гуреева, А. Н. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации / А. Н. Гуреева, П. А. Киреева // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. – 2022. – № 6. – С. 28–48.
- Балынская, Н. Р. Нелинейность современного политического процесса в условиях массовой реальности: теоретическое осмысление проблемы / Н. Р. Балынская, Р. А. Муртазин // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. – 2025. – Т. 52. – С. 8–14.
- Гурьянов, С. Эксперты оценили «разворот Текслера» / С. Гурьянов // *Взгляд. Деловая газета*. – URL: <https://vz.ru/news/2019/6/10/981883.html> (дата обращения: 07.12.2025).
- Ваганов, А. Челябинские блогеры и политологи продолжают комментировать «разворот Текслера» / А. Ваганов // *Вечерний Челябинск*. – URL: <https://vecherka.su/articles/society/142056/> (дата обращения: 07.12.2025).
- Артемьева, А. «Вечерний Челябинск» стал самой цитируемой газетой Челябинской области / А. Артемьева // *ЧЕЛЯБИНСКСЕГОДНЯ*. – URL: <https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/vecherniy-chelyabinsk-stal-samoy-tsitiruemoy-gazetoy-chelyabinskoy-oblasti/> (дата обращения: 08.12.2025).
- Поворот Текслера: врио губернатора Южного Урала объяснил резкую смену планов // *Уралинформбюро*. – URL: <https://www.uralinform.ru/>

news/politics/307656-povorot-teklera-vrio-gubernatora-uchnogo-urala-obyasnil-rezkuyu-smenu-planov/ (дата обращения: 08.12.2025).

22. «Уралинформбюро» признано информационным лидером Екатеринбурга // Уралинформбюро. – URL: <https://www.uralinform.ru/news/society/129068-uralinphormbyuro-priznano-inphormacionnym-liderom-ekaterinburga/> (дата обращения: 08.12.2025).

23. Маметьев, В. Алексей Текслер попал в тройку федерального рейтинга «Медиалогии» / В. Маметьев // 1obl.ru. – URL: <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/aleksey-tekler-popal-v-troyku-federalnogo-reytinga-medialogii/> (дата обращения: 08.12.2025).

24. Титова, А. «Это бардак!» – Алексей Текслер сделал традиционный «разворот» в Бакале / А. Титова // 1obl.ru. – URL: <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/eto-bardak-aleksey-tekler-sdelal-traditsionnyu-razvorot-v-bakale/> (дата обращения: 08.12.2025).

25. Хажиева, А. А. Структура имиджа Челябинской области / А. А. Хажиева // РРИМРА. – 2007. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-imidzha-chelyabinskoy-oblasti> (дата обращения: 08.12.2025).

26. Подопригора, А. Культурная бедность / А. Подопригора // Урал.Главное. – URL: <https://t.me/UralGlavnoe/24248> (дата обращения: 08.12.2025).

27. Подопригора, А. Культурная бедность / А. Подопригора. – URL: https://vk.com/wall-230557683_1171 (дата обращения: 08.12.2025).

28. «Медиалогия» подготовила медиарейтинги губернаторов в ноябре 2025 года. Главы регионов РФ – ноябрь 2025 // Медиалогия. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/14337/> (дата обращения: 08.12.2025).

29. Национальный рейтинг. – URL: <https://russia-rating.ru/info/23607.html> (дата обращения: 08.12.2025).

30. Челябинск не стал культурной столицей. – URL: https://vk.com/wall-87721351_6851674 (дата обращения: 08.12.2025).

31. Соловьева, Н. В. Ценностный компонент медиаобраза региона в ракурсе Специальной военной операции (на примере Забайкальского края) / В. Н. Соловьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25. – № 2. – С. 105–111.

Балынская Наталья Ринатовна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: balynskaiandr@susu.ru. ORCID 0000-0001-6683-6503

Поступила в редакцию 11 декабря 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260208

THE SPECIFICS OF SHAPING A REGIONAL MEDIA IMAGE IN THE CONTEXT OF POLITICAL SPACE MEDIATIZATION: A CASE STUDY OF THE CHELYABINSK REGION

N. R. Balynskaya

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The formation of a regional media image in the new geopolitical context, where political space has transitioned into mass media space, is essential for researchers. This article aims to study the process of shaping a regional media image through the example of the Chelyabinsk region. This region was chosen because it represents all major types of activities and hosts representatives of all nationalities in Russia. Therefore, trends observed here are likely to apply to other territories as well. The article explores the concept of “media image” and concludes that it can refer to specific politicians, regions, or countries, and is a phenomenon consistently perceived by the public. Additionally, the paper raises questions about the subjects involved in shaping the regional media image. The author argues that mass media outlets act as legitimate agents of politics, being the primary subject responsible for shaping the regional media image within the context of mediatized political processes. Furthermore, the author discusses key factors that influence the formation of a media image, including the representation of the regional leader and the territory in collective consciousness, as well as audience feedback on these representations.

Keywords: media image, mediatization, political space, image, region, the Chelyabinsk region.

References

1. Blumler J.G., Esser F. Mediatization as a Combination of Push and Pull Forces: Examples During the 2015 UK General Election Campaign // *Journalism*. 2019. Vol. 2, № 7. P. 855–872.
2. Gureeva A.N., Kuznetsova V.S. Kontseptualizatsiya fenomena mediatizatsii politiki: osnovnie teoreticheskie podkhodi [Conceptualization of the Phenomenon of mediatization of politics: Basic Theoretical Approaches] // *Voprosi teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2021. № 1. P. 191–205.
3. Simakova S.I., Kvasha D.I. Mediaobraz kak odna iz sostavlyayushchikh formirovaniya mediaesteticheskogo koda regiona [Media Image as One of the Components of Forging the Media Aesthetic Code of the Region] // *Izvestiya UrFU. Seriya I. Problemi obrazovaniya, nauki i kulturi*. 2023. T. 29, № 1. P. 28–38.
4. Galumov E.A. Imidzh Rossii v globalnom prostranstve [Image of Russia in the Global Space] // *Pravovedenie i politologiya*. URL: <https://pravo33.wordpress.com/2010/02/14/e-galumov-imidzh-rossii-v-global-nom-pr/> (date of accessed: 07.12.2025).
5. Sidorskaya I.V. Ob upotreblenii terminov “obraz” i “imidzh” v russkoyazychnykh issledovaniyakh. Problemy mediaprezentatsii territoriy [On the Use of the Terms “Image” and “Image” in Russian-Language Research. Problems of Media Cutting of Territories] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2021. № 3. P. 173–192.
6. Hepp A. *Cultures of Mediatization*. Cambridge: Polity. 2012. 112 p.
7. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2017. 290 s., kt.
8. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2018. 290 p.
9. Mediatized worlds: Understanding everyday mediatization / A. Hepp, F. Krotz [eds.] // *Mediatized worlds: Culture and society in a media age*. 2014. London: Palgrave. – P. 1–15.
10. Kiselev D.G., Simakova S.I. Mediaobraz Chelyabinska v programmakh telekanala OTV (Chelyabinsk) [Media Image of Chelyabinsk in the Programs of the OTV Channel (Chelyabinsk)] // *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2023. № 2. P. 120–123.
11. Gorbal’ D.E. Sovremennye podkhody k fenomenu mediaobraza [Modern Approaches to the Phenomenon of Mediaform] // *Nauka i obrazovanie segodnya*. 2020. № 11 (58). P. 72–75.
12. Morozova O.V. Rechevye sposoby formirovaniya obraza Rossii v rossijskikh i amerikanskikh SMI [Speech Methods of Forming the Image of Russia in the Russian and American Media]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2018. 22 p.
13. Kovach O.A. Printsipy konstruirovaniya madiaobraza gosudarstva [Principles of Designing the Media Image of the State] // *Mediasreda*. 2019. № 1. P. 57–62.
14. Khochunskaya L.V. Fenomen mediaobraza: sotsial’no-psikhologicheskii aspekt [The Phenomenon of Media Image: Socio-Psychological Aspect] // *Vestnik RUDN. Seriya “Literaturovedenie. Zhurnalistika”*. 2013. № 2. P. 91–95.
15. Malysheva E.G., Rusakova Y.E. Obraz, mediaobraz, mediaobraz regiona VS imidzh, mediaimidzh, imidzh regiona: ponyatiyno-terminologicheskii apparat sovremennykh rossijskikh issledovaniy [Image, Media Image, Media Image of the Region VS Image, Media Image, Image of the Region: Conceptual and Terminological Apparatus of Modern Russian Studies] // *Vestnik MGU. Seriya “Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie”*. 2024. № 2 (54). P. 76–94.
16. Gureeva A.N., Kireeva P.A. Formirovanie mediaobraza gosudarstva v kontekste mediatizatsii politicheskoy kommunikatsii [The Formation of the Media Image of the State in the Context of Mediatization of Political Communication] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 10. Zhurnalistika*. 2022. № 6. P. 28–48.
17. Balynskaya N.R., Murtazin R.A. Nelineynost’ sovremennoy politicheskoy protsessy v usloviyakh massmedijnoy real’nosti: teoreticheskoe osmyslenie problemy [The Non-Linearity of the Modern Political Process in the Conditions of Mass Media Reality: Theoretical Understanding of the Problem] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2025. T. 52. P. 8–14.
18. Gur’yanov S. Eksperty otsenili «razvorot Tekslera» [Experts Appreciated the “Tekslers U-turn”] // *Vzglyad. Delovaya gazeta*. URL: <https://vz.ru/news/2019/6/10/981883.html> (date of accessed: 07.12.2025).
19. Vaganov A. Chelyabinskii blogery i politologi prodolzhayut kommentirovat’ “razvorot Tekslera” [Chelyabinsk Bloggers and Political Scientists Continue to Comment on the “Tekslers U-turn”] // *Vecherniy Chelyabinsk*. URL: <https://vecherka.su/articles/society/142056/> (date of accessed: 07.12.2025).
20. Artem’eva A. “Vecherniy Chelyabinsk” stal samoj tsitiruemoj gazetoj Chelyabinskoy oblasti [“Evening Chelyabinsk” Became the Most Cited Newspaper of the Chelyabinsk Region] // *CHELYABINSKSEGODNYA*. URL: <https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/vecherniy-chelyabinsk-stal-samoy-tsitiruemoj-gazetoy-chelyabinsk-oy-oblasti/> (date of accessed: 08.12.2025).
21. Povорот Tekslera: vrio gubernatora Yuzhnogo Urala ob“yasnil rezkuyu smenu planov [Tekslers’ Turn: the Acting Governor of the South Urals Explained the Sharp Change of Plans] // *Uralinformbyuro*. URL: <https://www.uralinform.ru/news/politics/307656-povorot-tekslera-vrio-gubernatora-yujnogo-urala-obyasnil-rezkuyu-smenu-planov/> (date of accessed: 08.12.2025).

22. “Uralinformbyuro” priznano informatsionnym liderom Ekaterinburga [Uralinformburo is Recognized as the Information Leader of Yekaterinburg] // *Uralinformbyuro*. URL: <https://www.uralinform.ru/news/society/129068-uralinphormbyuro-priznano-inphormacionnym-liderom-ekaterinburga/> (date of accessed: 08.12.2025).
23. Mamet’ev V. Aleksej Teksler popal v trojku federal’nogo rejtinga “Medialogii” [Alexey Teksler was in the Top Three of the Federal Rating of “Medialogia”] // *Iobl.ru*. URL: <https://www.iobl.ru/news/o-lyudyakh/aleksey-teksler-popal-v-troyku-federalnogo-rejtinga-medialogii/> (date of accessed: 08.12.2025).
24. Titova A. “Eto bardak!” – Aleksej Teksler sdelał traditsionnyy “razvorot” v Bakale [“This is a mess!” – Alexey Teksler Made a Traditional “U-turn” in Bakale] // *Iobl.ru*. URL: <https://www.iobl.ru/news/o-lyudyakh/eto-bardak-aleksey-teksler-sdelal-traditsionnyy-razvorot-v-bakale/> (date of accessed: 08.12.2025).
25. Khazhieva A.A. Struktura imidzha Chelyabinskoy oblasti [The Structure of the Image of the Chelyabinsk Region] // *PRRIMRA*. 2007. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-imidzha-chelyabinskoy-oblasti> (date of accessed: 08.12.2025).
26. Podoprigora A. Kul’turnaya bednost’ [Cultural Poverty] // *Ural.Glavnoe*. URL: <https://t.me/UralGlavnoe/24248> (date of accessed: 08.12.2025).
27. Podoprigora A. Kul’turnaya bednost’ [Cultural Poverty]. URL: https://vk.com/wall-230557683_1171 (date of accessed: 08.12.2025).
28. “Medialogiya” podgotovila mediarejtingi gubernatorov v noyabre 2025 goda. Glavy regionov RF – noyabr’ 2025 [Medialogia Prepared Media Ratings for Governors in November 2025. Heads of Regions of the Russian Federation – November 2025] // *Medialogiya*. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/14337/> (date of accessed: 08.12.2025).
29. Natsional’nyy reyting [National Ranking]. URL: <https://russia-rating.ru/info/23607.html> (date of accessed: 08.12.2025).
30. Chelyabinsk ne stal kul’turnoy stolitsey [Chelyabinsk did not Become a Cultural Capital]. URL: https://vk.com/wall-87721351_6851674 (date of accessed: 08.12.2025).
31. Solov’eva, N. V. Tsennostnyy komponent mediaobraza regiona v rakurse Spetsial’noy voennoy operatsii (na primere Zabajkal’skogo kraja) [The Value Component of the Media Image of the Region from the Perspective of the Special Military Operation (on the Example of the Zabaykalsky Territory)] // *Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Sotsial’no-gumanitarnye nauki”*. 2025. T. 25. № 2. P. 105–111.

Natalya R. Balynskaya – D. Sc. (Politics), Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: balynskaianr@susu.ru

Received December 11, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Балынская, Н. Р. Специфика формирования медиаобраза региона в условиях медиатизации политического пространства (на примере Челябинской области) / Н. Р. Балынская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 66–74. DOI: 10.14529/ssh260208

FOR CITATION

Balynskaya N. R. The specifics of shaping a regional media image in the context of political space mediatization: a case study of the Chelyabinsk region. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 66–74. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260208

ЧТО И ЗАЧЕМ ЧИТАЕТ ГЕРОЙ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА: МОТИВ ЧТЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ В РОМАНЕ «ЧАГИН»

Е. Г. Белоусова

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье исследуется проблема саморефлексии литературы, которая на материале романа Е. Г. Водолазкина «Чагин» рассматривается как литературная рефлексия о читателе. Предмет исследования – мотив чтения, который фиксирует в тексте различные способы и формы взаимоотношений героя и литературных текстов, входящих в основной круг его чтения.

Выявляется связь мотива чтения с основными темами романа – любви, преступления и наказания, греха и искупления, смысла жизни, судьбы, соотношения вымысла и реальности в жизни и творчестве. Анализируется воплощение мотива чтения на уровне сюжета, восходящего к универсальному «сюжету чтения», и образной системы романа. Определяются основные функции мотива чтения: сюжетная, характеризующая, герменевтическая (использование литературного произведения как способ истолкования собственной жизни), моделирующая (использование литературного произведения как новое основание для жизненной практики) и металитературная функция, раскрывающая представление автора о характере взаимоотношений жизни и творчества.

Делается вывод о самобытности мотива чтения и существенном расширении его функционала в романе «Чагин», а также его структурной и концептуальной значимости. Мотив чтения проявляет отношение Водолазкина к литературной традиции, вопросам соотношения искусства и жизни, способности искусства влиять на действительность и даже менять ее.

Ключевые слова: мотив чтения, сюжет чтения, герой-читатель, металитературная проблематика, Е. Г. Водолазкин.

Введение

Идея «воскрешения субъекта», возникшая в конце XX столетия как «инструмент борьбы с радикальным постмодернизмом, который на протяжении десятилетий последовательно строил децентрированный мир» [1, с. 3], мир без автора, актуализирует проблему авторской рефлексии о литературе. Проявляя отношение писателя к литературной традиции, собственной творческой манере и экзистенциальным вопросам судьбы художника, в тексте она может выражаться по-разному: прямо – в виде авторских рассуждений о природе словесности, изображения самого процесса творчества или опосредованно, например, посредством подчеркнутой литературности авторского письма.

Ведущие современные исследователи (В. И. Тюпа, Д. П. Бак [2], М. А. Хатямова [3], О. Н. Турышева [4] и др.) прочно связывают феномен литературной авторрефлексии с поиском своей идентичности и своего языка. В частности, В. И. Тюпа и Д. П. Бак определяют литературную авторрефлексию как «эвристическую рефлексию поиска субъектом своей актуальной позиции, на которой он еще не утвердился окончательно» [2, с. 5]. И далее: «Это не рефлексия самопознания, а *рефлексия самоопределения**» [2, с. 5].

Как следствие, основной формой литературной авторрефлексии, получившей наибольшее рас-

пространение в мировой литературе, становится «литературная рефлексия о письме» (термин О. Н. Турышевой). В современной русской прозе эта тенденция представлена, например, в романах Е. Г. Водолазкина «Авиатор» (2015), А. А. Матвеевой «Каждые сто лет. Роман с дневником» (2021) и др. Носителем литературной рефлексии в них помимо автора является герой-писатель. По словам О. Н. Турышевой, такая форма авторрефлексии «особенно проблематизирует письмо как диалог с литературой», как «способность самого художника выразить отношение к специфическим для него образным средствам познания» [4].

Вместе с тем исследовательница убедительно показывает значимость и другой тенденции, представленной произведениями, фиксирующими «литературную рефлексию о чтении». Назовем в их числе романы Т. Н. Толстой «Кысь» (2000), М. Ю. Елизарова «Библиотекарь» (2007) и др. Носителем литературной рефлексии в таких произведениях оказывается не только автор, но и герой-читатель, а ее предметом – самоопределение не столько автора как творца произведения, сколько «*читателя как творца собственной жизни*» [4].

Е. Макеенко справедливо связывает эту особенность современного литературного процесса с природой постмодернистской литературы: «в условиях всеобъемлющего интертекста <...> не рефлексия собственного творческого метода, но рефлексия текстов предшественников становится первичной темой для метатекста» [1, с. 4].

* Здесь и далее, в том числе и в цитатах, курсивом выделено нами – Е. Б.

Все вышесказанное определяет прагматический ракурс исследования и его предмет. Нас интересуют взаимоотношения читателя и литературы, а именно – *мотив чтения*, понимаемый как читательская деятельность персонажа, включающая в себя как само событие чтения, особый опыт переживания или осмысления текста, так и использование этого опыта во взаимоотношениях с действительностью [5]. Причем книжные аспекты поведения или мировосприятия героя должны иметь непосредственное выражение в тексте, т. е. мы сознательно сужаем предмет исследования, вынося за скобки различные формы интертекстуальности.

Выбор материала не случаен. Е. Г. Водолазкин – один из ярчайших представителей современной русской прозы, литературность его письма неоднократно отмечалась исследователями [6–8]. Так, В. В. Абашев справедливо отмечает, что фрагмент текста у Водолазкина «отсылает одновременно ко многим источникам, цитируя не какой-то конкретный текст, а скорее *топос культуры, сложившийся как результат эманации многих произведений* в совокупное представление о стиле, эпохе, образе исторического лица и т. п.» [8, с. 321]. В этих условиях особенный интерес представляют те литературные произведения, которые автор выбирает из общего культурного фона и делает предметом чтения своего героя.

К тому же в «Чагине» соединились обе обозначенные выше традиции и обе формы литературной авторефлексии. Главный герой выступает в нем отчасти как писатель (автор дневника и поэмы «Одиссей») и как читатель. И все же определяющее значение в романе имеет рефлексия чтения. Неслучайно молодой архивист Павел Мещерский (один из самых объективных рассказчиков в романе¹), разбирая дневники Чагина после его смерти, замечает отсутствие в нем художественной образности и делает вывод: «Чагин – не писатель, он – мнемонист, и в данном случае мало чем отличается от диктофона» [9, с. 18].

Учитывая эти обстоятельства, сосредоточим свое внимание именно на мотиве чтения. Тем более что «роман о читателе», как и «роман о писателе», тоже разрабатывает «проблематику соотношения искусства и действительности, размышляя о границах между ними» [10, с. 293], в случае с Водолазкинским – о соотношении реальности и вымысла (фантазии, мифа).

Обзор литературы

Вышедший в 2022 году роман «Чагин» еще не получил должного научного осмысления. На данном этапе исследователи в большей степени сосредоточены на его конструктивных особенностях:

¹ Роман «Чагин» включает в себя четыре части («Дневник Чагина», «Операция “Биг-Бен”», «Незабываемое» и «Лета и Эвноя») – четыре зеркала, в которых отражается личность главного героя. И каждая из частей имеет своего рассказчика.

С. В. Овсянникова – на архитектонике и образной системе романа [11], Е. Г. Белоусова – на системе двойников [12], О. С. Крюкова и М. Б. Раренко – на организации хронотопа [13], О. А. Гримова – на особенностях повествовательной структуры [14].

Конечно, литературность романа тоже не осталась незамеченной, но она фиксируется лишь попутно и в рамках интертекстуального подхода, а не прагматического. Так, чеховские реминисценции в романе «Чагин» обнаруживают О. С. Крюкова и М. Б. Раренко, чеховские и гоголевские – М. Пророков [15], шукшинские – В. В. Десятов [16].

Отсюда *цель статьи* – выявить специфику художественной репрезентации и смысловую роль мотива чтения в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин».

Методы исследования

Методология исследования опирается на принципы семиотического, рецептивного и структурного анализа, используемых комплексно.

Результаты и дискуссия

Прежде всего мотив чтения реализуется в тексте на уровне сюжета, определяя судьбу главного героя как историю преступления и наказания, точнее греха, покаяния и искупления. Соблазнившись возможностью остаться после окончания института в Ленинграде, наделенный феноменальной памятью Исидор Чагин соглашается на сотрудничество со спецслужбами и внедряется в Шлимановский кружок молодых ленинградских интеллигентов. С фотографической точностью он воспроизводит своим кураторам содержание разговоров в кружке, что приводит к аресту его руководителя Вельского, обвиненного в распространении запрещенной литературы.

Наказанием за содеянное становятся разрыв с Верой (не смогла простить предательства), муки совести и одиночество, растянувшиеся практически на всю жизнь, ведь наделенный даром феноменальной памяти Исидор Чагин ничего не может забыть.

Но поскольку в строгом смысле слова «романом о читателе» «Чагин» не является, мотив чтения не разворачивается в нем до полноценного «сюжета чтения», восходящего, по Турышевой, к обряду инициации [10, с. 293]. В рамках такого сюжета исследовательница выделяет четыре основных элемента, каждый из которых представляет определённую фазу в судьбе героя и соотносится с комплексом устойчивых мотивов: фаза кризиса – с мотивом потери, фаза выбора / обретения книги – с мотивом выбора пути, фаза «использования» книжного знания – с мотивом испытания, завершает сюжет фаза преобразования, которая соотносится с мотивами обретения сакрального знания и преобразования / возрождения героя.

Сохраняя общую логику и смысл «сюжета чтения» – «символическое путешествие героя в царство смерти и последующее возвращение его

в мир живых» [10, с. 293], Водолазкин воплощает их по-своему.

Начнем с того, что на первых порах Исидора Чагина трудно назвать полноценным субъектом чтения. Во-первых, он практически не вникает в смысл прочитанного и лишь механически («фотографическая память») воспроизводит набор любых знаков, увиденных на странице. Так, не зная греческого, Исидор без единой ошибки, со всеми надстрочными знаками, воспроизводит две страницы «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, но не может их прочитать.

Во-вторых, выбор судьбоносных книг за Чагина осуществляют другие персонажи, следовательно, сознательного и активного поиска книги герой не ведет. Тем важнее нам представляется пересечение рекомендованных списков чтения, актуализирующих тему судьбы в романе.

Благодаря сотруднику спецслужбы Ивану Николаевичу в жизни Исидора Чагина «для лучшего понимания оперативного материала» появляются биография Шлимана из серии «Жизнь замечательных людей» и поэма Гомера «Илиада». Затем по рекомендации Вельского вместе с другими участниками кружка герой знакомится с дневниками Шлимана, обсуждает роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» и вновь читает «Илиаду». Чтобы продемонстрировать свои феноменальные способности и завоевать Веру, Чагин блистательно воспроизводит по памяти знаменитый список кораблей из гомеровской поэмы.

Уже на этом этапе (не соответствующем у Водолазкина фазе кризиса) у Чагина, ранее книг не читавшего², начинает формироваться собственная читательская рецепция. Он вдруг обнаруживает прямую и тесную связь реальной действительности и вымышленной. Сначала дети, гуляющие с мамашами в Юсуповском саду, где Чагин читает книгу, воспринимаются им лишь как «уместная иллюстрация» к биографии Шлимана, выросшего в многодетной семье. Но открывшееся в процессе чтения сходство Чагина с героем беллетризованной биографии (печальный опыт первой любви, феноменальная память) меняет ракурс восприятия. И теперь, наоборот, литература включается в реальную жизнь Исидора. В биографии Шлимана он ищет ключ к пониманию своего дара: «рассматривал этот сюжет как одну из дорожек к пониманию своей удивительной памяти» [9, с. 28].

Тогда же меняется и чагинское восприятие Илиады. Она становится тренажером для освоения мнемонических техник. ««Илиаду» (Песнь вторую) Чагин читал в Летнем саду, но фоном ее описаний

были причалы у Эрмитажа. Логика запоминания вроде бы понятна: идея причаливания выражена ярче всего именно там. При этом есть здесь и некая нелогичность. Кораблей у Гомера такое количество, что их и в большом порту не разместить. А его, Чагина, память упорно ведет громадный флот к пятачку у Зимнего дворца» [9, с. 31].

Отдельного внимания заслуживает чагинское восприятие поэзии. Стихи эмигранта Георгия Иванова герой впервые в жизни слышит в кружке, и вновь благодаря Вельскому, который приносит ксерокопии запрещенной книги. Неожиданно стихи Исидору понравились. Правда тут же Водолазкин уточняет, что более всего понравилось звучание имени – Ив́анов, а не Ивано́в: «Протяжное а звучало, по его мнению, очень поэтично» [9, с. 53]. Да и сама рецепция еще сводится к узнаванию и буквальной визуализации услышанного: «С невероятной четкостью он [Чагин – Е. Б.] видел описанную Ивановым рыжую траву и слышал плеск Невы. Волны с шлепаньем накатывали на гранитные ступени у сфинксов...» [9, с. 53]. Однако итогом этого фрагмента становится мысль Веры, которую Чагин фиксирует в своем дневнике, предвосхищая финальную часть своей жизни и романа в целом: «Всякая поэзия – вымысел, – ответила она. – То есть не то чтобы совсем вымысел – просто она не имеет прямого отношения к действительности» [9, с. 54].

В результате пересечения разных рекомендаций обнаруживаются главные книги в жизни Исидора Чагина – поэмы Гомера, дневники и письма³ Шлимана, роман Дефо⁴ – и три его двойника – Генрих Шлиман, Даниэль Дефо и Одиссей. Двое из них – реальные исторические деятели, но в жизненную орбиту героя они попадают только благодаря чтению, что дает основание рассматривать эти образы как способ реализации мотива чтения.

Двойники по-своему акцентируют основные темы романа (поиски смысла жизни, предательства, преступления и наказания, греха и искупления), включая металитературную проблематику – *вопрос о соотношении вымысла и реальности в жизни и творчестве*.

Генрих Шлиман и Даниэль Дефо – фантазеры, которые подменяют реальную жизнь вымыслом. Как следствие, первый зарабатывает репутацию патологического лгуна, второй – великого мистификатора.

При этом в нравственном плане Шлиман и Дефо оказываются антиподами. Шлиман – бескорыстный романтик, увлеченный поисками ле-

² Показателен диалог Чагина со случайным прохожим: «Кивнув на портфель Исидора, кавторанг спросил, не водка ли там. Чагин ответил, что книги. Например, «Илиада». Кавторанг тут же вспомнил, что в этом произведении есть список кораблей, который он смог дочитать только до половины. *Исидор признался, что даже половины не прочел. Вообще ни строчки*» [9, с. 26].

³ В будущем, во время работы в Архиве, по долгу службы Чагин вновь будет заниматься перепиской Г. Шлимана и Г. фон Краузе.

⁴ К чтению «Робинзона Крузо» Чагин вернется по рекомендации Веры.

гендарной Трои, а Дефо – доносчик⁵ и «интриган», стоящий у истоков политического сыска [9, с. 47]. За одну из самых сомнительных мистификаций он три дня простоял у позорного столба. Тем не менее «в Шлимановском кружке Дефо все-таки оправдали, и главным основанием стал (конечно же) “Робинзон Крузо”. Он всё оправдывает», – заявляет Мещерский, после прочтения дневника Чагина [9, с. 47]. Мысль эта настолько важна для Водолазкина, что он еще раз фиксирует ее в тексте уже как запись в дневнике Чагина: «Любое творчество – это своего рода оправдание» [9, с. 47].

В этой (как и в ряде других) паре двойников Чагин занимает *промежуточное положение* [12]. Смысл такой позиции сам Водолазкин объясняет в одном из интервью. «На самом деле ключевые вещи все существуют в парах. Памяти противостоит забвение, даже не противостоит, а соответствует. Слово существует только потому, что существует молчание, или, наоборот, молчание есть, потому что есть слово. Все ключевые понятия существуют как *промежуточное звено между двумя полюсами*. И нет ничего хуже, чем существование на одном из полюсов» [17]. Как следствие: «дар, доведенный до крайности, превращается в антидар» [17].

Как и его предшественники, Чагин не считает вымысел (фантазию) ложью и не противопоставляет его реальности. «Крепко задумавшись, он, бывало, уходил в другую реальность, которая, выражаясь словами учебника философии, не была дана в ощущениях. Являвшееся Чагину в воображении оказывалось ярче и убедительнее реальности существующей. Что греха таить – в эти путешествия Исидор отправлялся с большой охотой» [9, с. 44].

По этой причине герой замечает явное сходство между Дефо и Шлиманом, а в последнем безошибочно узнает «родственную душу». Шлиман убежден: «Фантазия – это *жизнь в ее идеальном проявлении*» [9, с. 133], – и эта убежденность позволяет археологу-самоучке, опираясь на фантазию и текст Гомера, найти легендарную Троию. А Чагин видит в фантазии «увеличительное стекло», необходимое для того, «чтобы лучше разглядеть предмет» [9, с. 130].

Ранее мы уже отмечали, что образная система «Чагина» находится в тесной связи с хронотопом романа и авторской картиной мира, которую он реализует [12]. Контраст-единство реального и воображаемого миров, которые не столько опровергают, сколько дополняют и углубляют друг

друга, обусловлены у Водолазкина концепцией непрерывного времени, восходящей к средневековому мировоззрению. Она трактует жизнь человека как единство прошлого, настоящего и будущего, которое в силу своей закрытости воспринимается как вымысел. Так, преодолевая ограниченность земного существования, человек реализует свое стремление к вечности.

Вместе с тем между Чагиным и его двойниками есть принципиальная разница. В отличие от Шлимана Чагин не замещает реальную жизнь вымыслом, а *стремится преобразовать ее с помощью вымысла и тем самым создать высшую реальность*. Именно такую реальность мы видим в автобиографической поэме «Одиссей», которую герой Водолазкина пишет в конце жизни (четвертая часть романа). Исправляя ошибки молодости, он воссоздает в ней свою подлинную биографию, где есть Вера и Шлимановский кружок, но нет предательства. Таким образом, гомеровский Одиссей становится еще одним двойником Чагина, одержимого мечтой возвращения к возлюбленной и себе самому, а созданная героем поэма – *высшей точкой читательской субъектности*, которую Е. Макеенко характеризует как объединение рецептивной и креативной функций [1, с. 13]. Интерпретация текста предшественника становится основой для создания нового текста (художественного и биографического), получившего графическое выражение в собственном дискурсе, т. е. Чагин становится Творцом, в том числе Творцом собственной жизни.

В отличие от Дефо Чагин не может забыть свой грех и не только в силу того, что начисто лишен способности забывать. Героя мучит совесть, поэтому совместное чтение «Робинзона Крузо» с Верой причиняет герою страдания. «Чтение стало главной болью Чагина, ведь на месте Дефо он неизменно представлял себя. Иногда ему снилось, как в течение трех дней он стоит, прикованный к позорному столбу. <...> Две соединенные колодки с отверстиями для головы и рук. Все имели право бросить в него чем угодно. И бросали» [9, с. 49]. По этой же причине во время суда Исидор попросит прощения у Вельского, хотя судьба последнего была предreshена и по-настоящему от Чагина не зависела: в кружке был еще один доносчик – Альберт. В отличие от Чагина, он «стучал на Шлимановский кружок вдохновенно» [9, с. 145], угрызениями совести не мучился и впоследствии даже женился на Вере.

Выводы

Как видим, «сюжет чтения» Водолазкин использует очень редуцированно. Основные этапы жизни Исидора Чагина книгой не обусловлены, а связанные с ними испытания герой проходит не благодаря «использованию» книжного знания или литературных моделей, описанных в текстах предшественников. И все же книга играет очень

⁵ «Принадлежит к религиозному движению диссентеров, Дефо анонимно призывал к расправе с ними (за это он был приговорен к позорному столбу). Несколько раз переходил от тори к вигам и обратно, становясь тайным агентом обеих партий. В постоянном предательстве Дефо Чагину виделось своего рода вдохновение, не имевшее отношения к обычной корысти. Мутная, завораживающая поэзия измены» [9, с. 47].

важную роль, активно участвуя в формировании героя – сотворении его субъективности – и его судьбе – проявляет ее основной вектор, позволяет осознать судьбу и даже повлиять на нее.

«Робинзон Крузо» Дефо знаменует период кризиса, который сопровождается мотивом потери (конец Шлимановского кружка, разрыв с Верой, уход из института), и начало этапа испытаний, который приобретает вид борьбы с собственным даром, т. е. связан с мотивом забвения. «Одиссея» Гомера соотносится с этапом преобразования и возрождения героя: муки совести и любовь к Вере, пронесенные через всю жизнь, даруют прощение – долгожданное забвение и новую встречу с возлюбленной. И вновь важную роль в развитии и завершении сюжета у Водолазкина играет книга.

Роман Чагина и Веры развивается под аккомпанемент чтения вслух: Исидор по памяти воспроизводит нужный текст, вызывая неизменное восхищение возлюбленной. Помимо романа Д. Дефо, о котором уже шла речь выше, Вера выбирает повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики», которая прогнозирует счастливый финал истории. «Она тогда сказала: – Это – повесть о великой любви. – Ты бы хотела, чтобы у нас была такая? – спросил Исидор. Вера задумалась. – Мы – другие, и любовь у нас другая. Я бы хотела, чтобы она была такой же сильной» [9, с. 49].

Из переписки Павла Мещерского и его возлюбленной Ники мы узнаем, что, несмотря на неизлечимую болезнь и смерть Веры, последние страницы жизни героев читаются как подлинная история Филемона и Бавкиды, т. е. история вечной любви, над которой не властно время.

Как следствие, в романе значительно расширяется функционал мотива чтения: к сюжетобразующей функции добавляются характеризующая, а также герменевтическая и даже моделирующая функции. Мы имеем в виду использование литературного произведения как способ «узнавания» себя, истолкования собственной жизни и новое основание для жизненной практики. Одиссей-Чагин возвращается к себе, возвращает себе свою жизнь.

И конечно, мотив чтения выполняет в романе металитературную функцию, проявляя ключевые темы романа, раскрывая представления автора о сути жизни и творчества, характере их взаимоотношений. По Водолазкину, искусство (фантазия, вымысел, миф) способно менять действительность, высвечивая ее подлинный вариант, сбывшуюся мечту. Неслучайно в финале романа Павел и Ника уничтожают дневник Чагина, повествующий о «реальности», ее окончательно замещает автобиографическая поэма «Одиссей».

Литература

1. Макеенко, Е. В. Автор и читатель в структуре художественного текста (на материале русской литературы 1990-х – 2010-х гг.) : автореф.

дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Макеенко. – Новосибирск, 2013. – 19 с.

2. Тюпа, В. И. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики / В. И. Тюпа, Д. П. Бак // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. – Кемерово, 1988. – С. 4–15.

3. Хатямова, М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / М. А. Хатямова. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 328 с.

4. Турышева, О. Н. Прагматика художественной словесности как предмет литературного самосознания : дис. ... д-ра филол. наук / О. Н. Турышева. – Екатеринбург, 2011. – 375 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-khudozhestvennoi-slovesnosti-kak-predmet-literaturnogo-samosoznaniya> (дата обращения: 21.11.2025).

5. Турышева, О. Н. Мотив чтения в структуре повествовательного сюжета / О. Н. Турышева // Вестник ЧГПУ. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 1. – С. 363–371.

6. Абашев, В. В. «Проект грядущего восстановления мира...»: роман Евгения Водолазкина в контексте художественной сотериологии русской литературы / В. В. Абашев // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин ; под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков, 2019. – Т. 2. – С. 319–332.

7. Импости, Г. Э. Роман Евгения Водолазкина «Авиатор»: воздушное обозрение / Г. Э. Импости // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин ; под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков, 2019. – Т. 2. – С. 297–309.

8. Солдаткина, Я. Диалог с русской литературой XX века в романах Евгения Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» / Я. Солдаткина // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин ; под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков, 2019. – Т. 2. – С. 309–318.

9. Водолазкин, Е. Г. Чагин / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. – 378 с.

10. Турышева, О. Н. Роман о читателе как случай метаромана / О. Н. Турышева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 292–304.

11. Овсянникова, С. В. Об архитектонике романа Евгения Водолазкина «Чагин» / С. В. Овсянникова // Отечественная филология. – 2025. – № 1. – С. 122–131.

12. Белоусова, Е. Г. Двойничество в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин» / Е. Г. Белоусова // Вестник Томского университета. – 2025. – № 505. – С. 27–33.

13. Крюкова, О. С. Художественное пространство и герой, его организующий, в романе Е. Водолазкина «Чагин» / О. С. Крюкова, М. Б. Ра-

ренко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 9 (877). – С. 143–148.

14. Гримова, О. А. Биографический дискурс в романе Е. Водолазкина «Чагин» / О. А. Гримова // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения) : материалы VIII Международной научной конференции. – М. : Макс Пресс, 2023. – С. 175–178.

15. Прокопов, М. Чагин, чудо памяти / М. Прокопов // Коммерсантъ. 31.10.2022. № 202. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5644800> (дата обращения: 21.11.2025).

16. Десятов, В. В. Шукшинский слой реми-

нисценций в романах Е. Г. Водолазкина «Брисбен» и «Чагин» / В. В. Десятов // Филология – XXI проблемы, перспективы, новации в науке и образовании : материалы VI Всероссийского научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка : сборник научных статей. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2023. – С. 9.

17. «Личность – это память»: Евгений Водолазкин о своем новом романе и мифологии человека. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/480767/licnost-eto-pamat-evgenij-vodolazkin-o-svoem-novom-romane-i-mifologii-celoveka> (дата обращения: 21.11.2024).

Белюсова Елена Германовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: belou Elena@gmail.com. ORCID 0000-0002-5593-2628

Поступила в редакцию 28 ноября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260209

WHAT AND WHY DOES E. G. VODOLAZKIN'S HERO READ: THE READING MOTIF AND ITS MANIFESTATION IN THE NOVEL *CHAGIN*

E. G. Belousova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article explores literary self-reflection, which can be defined as a literary reflection on the reader within the context of the novel *Chagin* by E. G. Vodolazkin. The research subject is the reading motif, which captures various modes and forms of interaction between the protagonist and the literary texts that form his reading circle.

The work reveals the connection between the reading motif and the main themes in the novel, such as love, crime and punishment, sin and redemption, the meaning of life, fate, as well as the relationship between fiction and reality in life and creativity. The article analyzes how this reading motif is manifested in the plot, which ultimately leads to the universal “plot of reading”, and the figurative system of the novel. The research also defines the main functions of the reading motif. They are plot, characterization, hermeneutic (using a literary work as a way to interpret one’s own life), modeling (using a literary work as a new foundation for life practice), and metaliterary function revealing the author’s understanding of the nature of the relationship between life and creativity.

The author concludes that the reading motif is unique, structurally and conceptually significant, and its functionality is considerably expanded in the novel *Chagin*. The reading motif shows Vodolazkin’s attitude towards literary tradition, the relationship between art and life, as well as the ability of art to influence and even transform reality.

Keywords: reading motif, plot of reading, protagonist-reader, metaliterary problems, E. G. Vodolazkin.

References

1. Makeenko E.V. Avtor i chitatel' v strukture khudozhestvennogo teksta (na materiale russkoy literatury 1990-kh – 2010-kh gg.) [Author and Reader in the Structure of a Literary Text (Based on Russian Literature of the 1990s–2010s)]: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2013. 19 p.

2. Tyupa V.I., Bak D.P. Evolyutsiya khudozhestvennoy refleksii kak problema istoricheskoy poetiki [The Evolution of Artistic Reflection as a Problem of Historical Poetics] // *Literaturnoe proizvedenie i literaturnyy protsess v aspekte istoricheskoy poetiki*. Kemerovo, 1988. P. 4–15.
3. Khatyamova M.A. Formy literaturnoy samorefleksii v russkoy proze pervoy trety XX veka [Forms of Literary Self-Reflection in Russian Prose of the First Third of the 20th Century]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2008. 328 p.
4. Turyшева O.N. Pragmatika khudozhestvennoy slovesnosti Kak predmet literaturnogo samosoznaniya [Pragmatics of Literature as a Subject of Literary Self-Awareness]: dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 2011. 375 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-khudozhestvennoi-slovesnosti-kak-predmet-literaturnogo-samosoznaniya> (date of accessed: 21.11 2025).
5. Turyшева O.N. Motiv chteniya v strukture povestvovatel'nogo syuzheta [Reading Motive in the Narrative Plot Structure] // *Vestnik ChGPU. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 2010. № 1. P. 363–371.
6. Abashev V. "Proekt gryadushchego vosstanovleniya mira...": roman Evgeniya Vodolazkina "Aviator" v kontekste khudozhestvennoy soteriologii russkoy literatury ["Project for the Future Restoration of the World ...": Eugene Vodolazkin's Novel The Aviator in the Context of the Literary Soteriology of Russian Literature] // *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin*; pod red. A. Skotnickoy, Y. Svezhego. Krakov, 2019. T. 2. P. 319–332.
7. Imposti G.E. Roman Evgeniya Vodolazkina "Aviator: vozdušnoe Obozrenie" [Evgeny Vodolazkin's novel "Aviator: An Air Review"] // *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin*; pod red. A. Skotnitskoy, Y. Svezhego. Krakov, 2019. T. 2. P. 297–309.
8. Soldatkina Y. Dialog s russkoy literaturoy XX veka v romanakh Evgeniya Vodolazkina "Lavr" i "Aviator" [A Dialogue with 20th-Century Russian Literature in Evgeny Vodolazkin's Novels "Lavr" and "The Aviator"] // *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin*; pod red. A. Skotnitskoy, Y. Svezhego. Krakov, 2019. T. 2. P. 309 – 18.
9. Vodolazkin E.G. Chagin [Chagin]. Moscow: AST: Publishing House of Elena Shubina, 2022. 378 p.
10. Turyшева O.N. Roman o chitatele kak sluchay metaromana [The Novel about the Reader as a Case of Meta-Novel] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2020. № 63. P. 292–304.
11. Ovsyannikova S.V. Ob arkhitektonike romana Evgeniya Vodolazkina "Chagin" [On the Architectonics of Evgeny Vodolazkin's Novel "Chagin"] // *Otechestvennaya filologiya*. 2025. № 1. P. 122–131.
12. Belousova E.G. Dvoynichestvo v romane E.G. Vodolazkina "Chagin" [Duality in the Novel by E.G. Vodolazkina "Chagin"] // *Vestnik Tomskogo universiteta*. 2025. № 505. P. 27–33.
13. Kryukova O.S., Rarenko M.B. Khudozhestvennoe prostranstvo i geroy, ego organizuyushchiy, v romane E. Vodolazkina "Chagin" [Artistic Space and the Hero who Organizes it in E. Vodolazkin's Novel "Chagin"] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023. № 9 (877). P. 143–148.
14. Grimova O.A. Biograficheskiy diskurs v romane E. Vodolazkina "Chagin" [Biographical Discourse in E. Vodolazkin's Novel "Chagin"] // *Russkaya literatura XX–XXI vekov kak edinyy protsess (problemy teorii i metodologii izucheniya): materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow: Maks Press, 2023. P. 175–178.
15. Prorokov M. Chagin, chudo pamyati [Chagin, a Miracle of Memory] // *Kommersant*. 31.10.2022. № 202. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5644800> (date of accessed: 21.11 2025).
16. Desyatov V.V. Shukshinskiy sloj reministsentsiy v romanakh E.G. Vodolazkina "Brisben" i "Chagin" [Shukshin's Layer of Reminiscences in E.G. Vodolazkin's Novels "Brisbane" and "Chagin"] // *Filologiya – XXI problemy, perspektivy, novatsii v nauke i obrazovanii: materialy VI Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminaru kafedry obshchey i prikladnoy filologii, literatury i russkogo yazyka: sbornik nauchnykh statey*. Barnaul: Altay State University, 2023. P. 9.
17. "Lichnost' – eto pamyat'": Evgeniy Vodolazkin o svoem novom romane i mifologii cheloveka ["Personality is memory": Evgeny Vodolazkin about his New Novel and Human Mythology]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/480767-licnost-eto-pamat-evgenij-vodolazkin-o-svoem-novom-romane-i-mifologii-cheloveka> (date of accessed: 25.08.2024).

Elena G. Belousova – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: belouelena@gmail.com

Received November 28, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Белуосова, Е. Г. Что и зачем читает герой Е. Г. Володашкина: мотив чтения и особенности его воплощения в романе «Чагин» / Е. Г. Белуосова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 75–82. DOI: 10.14529/ssh260209

FOR CITATION

Belousova E. G. What and why does E. G. Vodolazkin's hero read: the reading motif and its manifestation in the novel *Chagin*. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 75–82. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260209

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАБОТЕ ГТРК «ЮЖНЫЙ УРАЛ»

Е. Л. Дмитренко^{1,2}, Р. Р. Булатов¹, Л. П. Шестеркина¹

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²ГТРК «Южный Урал», г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена анализу роли и места искусственного интеллекта в деятельности ГТРК «Южный Урал» как представителя современных средств массовой информации: Актуальность работы определяется цифровой трансформацией медиаиндустрии, обусловленной развитием искусственного интеллекта, что требует не только технологической адаптации, но и осмысления новых профессиональных форм, в которых будет развиваться журналистика будущего. Проведённое исследование позволило выявить ключевые особенности внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность регионального медиахолдинга – ГТРК «Южный Урал». В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты внедрения ИИ-технологий в её медиaproстранство, включая автоматизацию создания контента, использование нейросетей для генерации текстов, изображений и видео, а также применение алгоритмических инструментов в журналистской практике. особое внимание уделено этическим и правовым вопросам, связанным с использованием искусственного интеллекта в деятельности медиахолдинга, включая проблему авторства, ответственности за достоверность информации и защиту персональных данных; на основе анализа конкретных кейсов ГТРК «Южный Урал» авторы делают вывод о трансформации профессии журналиста под влиянием цифровых технологий и выявляют ключевые вызовы, стоящие перед данным медиахолдингом на пути дальнейшего внедрения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: журналистика, искусственный интеллект, СМИ, медиасистема, ГТРК «Южный Урал», информационные технологии.

Введение

Современные средства массовой информации переживают этап глубокой цифровой трансформации, одним из центральных компонентов которой выступает внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ). На сегодняшний день ИИ активно применяется для анализа больших массивов данных, автоматической генерации текстового и визуального контента, персонализации медиапотребления, а также оптимизации рутинных редакционных процессов. Актуальность этих решений особенно возрастает в условиях стремительного информационного потока и возрастающих требований к скорости и точности обработки данных.

Настоящее исследование посвящено анализу практического опыта использования ИИ в деятельности регионального медиахолдинга – ГТРК «Южный Урал». Основная цель работы – выявить текущие направления внедрения ИИ в журналистскую практику, оценить эффективность применяемых инструментов и проанализировать правовые и этические вызовы, связанные с использованием алгоритмически сгенерированного контента.

Обзор литературы

В последние годы тема использования искусственного интеллекта в средствах массовой информации приобретает всё большую научную и практическую значимость. Ускорение информационных потоков, экспоненциальный рост объёмов данных и необходимость оперативного реагирования на события стимулируют внедрение алгоритмических решений в повседневную журналистскую

практику. В научной среде активно обсуждаются этические последствия применения нейросетей, их влияние на профессиональную идентичность журналиста, а также трансформация медиaproстранства в условиях цифровой трансформации.

Отечественные и зарубежные исследователи рассматривают различные аспекты интеграции искусственного интеллекта в СМИ. Так, А. Р. Акуличева и С. А. Алиева акцентируют внимание на этических дилеммах, связанных с использованием «умных» технологий, и подчёркивают необходимость чёткого распределения ответственности за создаваемый контент [1].

А. В. Алпатов анализирует изменения в журналистике под влиянием искусственного интеллекта, в частности, его роль в автоматизации генерации новостей [2].

А. Д. Арсентьева и А. А. Морозова указывают на системные барьеры внедрения искусственного интеллекта в российскую медиасреду, включая недостаточную техническую оснащённость и дефицит квалифицированных кадров [3].

Особое внимание в литературе уделяется автоматизации новостного производства. А. А. Беляков подробно описывает применение искусственного интеллекта для создания новостных текстов и приводит примеры таких инструментов, как RoboGPT и аналогичные платформы [4].

Е. А. Бондаренко и Н. Л. Курдюмова исследуют более широкий спектр технологий искусственного интеллекта в медиа – от генерации текстов до создания видео и графики [5].

Возможности использования ИИ в теле- и радиожурналистике рассматриваются в работе И. Б. Орлова [6].

Параллельно развивается дискуссия о доверии к алгоритмическим системам. В. В. Бителин подчёркивает, что прозрачность и этическая регуляция применения искусственного интеллекта в СМИ являются ключевыми условиями формирования общественного доверия к медиаконтенту [7].

Вопросы цифровой этики в контексте внедрения искусственного интеллекта освещаются Т. В. Чистяковой, которая настаивает на необходимости разработки новых этических норм для цифровой журналистики [8].

О. В. Васильева также обращает внимание на важность соблюдения профессиональных стандартов при работе с нейросетевыми инструментами [9].

Отдельное направление исследований посвящено роли искусственного интеллекта в креативной журналистике. А. В. Голубева отмечает, что, хотя автоматизация значительно сокращает временные затраты на подготовку материалов, контроль за качеством, уникальностью и смысловой достоверностью остаётся в компетенции человека [10].

Подобный вывод подтверждается и в работе А. А. Горелова, рассматривающего искусственный интеллект как фактор трансформации информационного пространства, но не как замену журналисту [11].

Таким образом, анализ научной литературы демонстрирует двойственную природу внедрения искусственного интеллекта в СМИ: с одной стороны, рост эффективности и расширение функциональных возможностей, с другой – возникновение этических, правовых и профессиональных вызовов. Особенно остро эти вопросы стоят в контексте региональных медиахолдингов, где ресурсы и нормативная база могут быть ограничены. В настоящем исследовании практическая реализация искусственного интеллекта рассматривается на примере ГТРК «Южный Урал». Эксперты компании отмечают, что использование ИИ-инструментов позволяет оптимизировать создание контента, особенно в задачах обработки больших данных и визуализации информации. Вместе с тем, подчёркивается необходимость постоянного редакционного контроля, особенно при работе с нейросетевой графикой, где возникают сложные вопросы, связанные с авторским правом и этической допустимостью.

Методы исследования

Для достижения цели и решения поставленных задач в работе были использованы как теоретические, так и эмпирические методы. Теоретический этап включал анализ научной литературы, нормативно-правовых актов, публикаций в отечественных и зарубежных средствах массовой ин-

формации, а также материалов официальных сайтов медиаорганизаций.

Эмпирическая база исследования включала анкетирование 32 сотрудников ГТРК «Южный Урал»: журналистов, редакторов, продюсеров, инженеров и юристов. Кроме того, был проведён контент-анализ 150 медиаматериалов, опубликованных в период с января по апрель 2025 года, из которых 47 материалов содержали элементы, созданные с использованием искусственного интеллекта (включая графику, тексты, поиск информации). Эти данные легли в основу количественных оценок, представленных в табл. 1 и 2.

Результаты и дискуссия

В ходе исследования были выявлены ключевые тенденции и особенности внедрения технологий искусственного интеллекта в работу ГТРК «Южный Урал». Ниже представлены результаты и их научное обсуждение.

1. Основные направления и результаты использования искусственного интеллекта в ГТРК «Южный Урал»

На основании проведённого исследования установлено, что внедрение искусственного интеллекта в деятельность ГТРК «Южный Урал» осуществляется в следующих направлениях: генерация графических материалов, подготовка текстовых публикаций, поиск информации и другие аспекты. Более подробная информация результатов и описания представлена в табл. 1.

Таблица 1
Распределение задач, выполняемых с помощью ИИ в ГТРК «Южный Урал» (в %)

Table 1
Distribution of tasks performed using AI in GTRK Yuzhny Ural (in %)

Задача	Кол-во материалов	Процент выполнения, %	Основное значение
Генерация графики	31	66,0 %	Создание иллюстраций к публикациям, особенно при отсутствии реальных фотографий или необходимости соблюдения анонимности источников
Подготовка текстов	9	19,1 %	Автоматизация написания шаблонных новостей, расшифровка интервью, проверка грамматики и стилистики с помощью сервисов (Grammarly, НейроТекстер и др.)
Поиск информации	5	10,6 %	Сбор данных, мониторинг СМИ и социальных сетей с использованием ИИ-инструментов
Другое	2	4,3 %	Создание чат-ботов, автоматизация рассылок, поддержка взаимодействия с аудиторией

2. Анализ мнений сотрудников ГТРК «Южный Урал», полученных в ходе анкетирования и 12 полуструктурированных интервью, выявил двой-

ственное отношение к внедрению искусственного интеллекта в редакционную практику: с одной стороны, признание его практической эффективности, с другой – наличие профессиональных и этических рисков.

Более 70 % респондентов отметили, что использование ИИ-инструментов позволяет значительно сократить время на выполнение рутинных задач и повысить общее качество подготовки медиаматериалов. Количественная оценка подтверждается данными табл. 2: при генерации графики экономия времени достигает 4 часов на один материал, при подготовке текстов – до 1,5 часов, при поиске информации – 1,5–2,5 часа. В совокупности это обеспечивает сокращение ежедневной рабочей нагрузки на 7–8 часов, что особенно важно в условиях ограниченных ресурсов регионального медиахолдинга.

В то же время около 40 % журналистов выразили обеспокоенность по поводу утраты индивидуального авторского стиля и снижения уровня личной этической ответственности за контент, созданный с участием нейросетей. Эта тревога усиливается из-за отсутствия формализованных внутренних стандартов работы с искусственным интеллектом и недостатком специализированной подготовки: более 80 % сотрудников осваивают ИИ-инструменты эмпирически – методом проб и ошибок, без участия в обучающих программах.

Таблица 2
Оценка эффективности использования искусственного интеллекта в автоматизации рабочих процессов ГТРК «Южный Урал»

Table 2
Evaluation of the effectiveness of using artificial intelligence in automating the work processes of GTRK Yuzhny Ural

Категория	Временные затраты (вручную)	Временные затраты (с ИИ)	Экономия времени
Генерация графики	до 4–5 часов	~1 час	до 4 часов / график
Подготовка текстов	до 3 часов / материал	~1,5 часа / материал	до 1,5 часов / материал
Поиск информации	до 2–3 часов	до 0,5 часа	1,5–2,5 часа
Общая экономия	до ~9–11 часов	до ~3 часов	до ~7–8 часов

Стоит отметить, что практическое применение искусственного интеллекта в редакции носит целенаправленный характер и соответствует выявленным потребностям. Согласно контент-анализу 47 медиаматериалов, созданных с использованием искусственного интеллекта в 2024 году (см. табл. 1), основное применение технологии нашли в генерации графики (31 материал, 66,0 %) – преимущественно для иллюстрации публикаций при отсутствии реальных фотографий или необходимости соблюдения анонимности. На втором месте – подготовка текстов (9 материалов, 19,1 %), включая автоматизацию шаблонных новостей и редакторскую проверку с помощью Grammarly,

НейроТекстера и аналогичных сервисов. Менее распространены задачи поиска информации (5 материалов, 10,6 %) и вспомогательные функции, такие как чат-боты и рассылки (2 материала, 4,3 %).

Таким образом, восприятие искусственного интеллекта в ГТРК «Южный Урал» формируется не абстрактно, а на основе конкретного опыта его применения в рамках узких, но востребованных направлений. Это позволяет избежать технологического энтузиазма и сосредоточиться на решении реальных редакционных задач, сохраняя при этом критическое отношение к ограничениям и рискам, связанным с алгоритмическими инструментами.

3. Правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта в ГТРК «Южный Урал».

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в медиaprостранство обостряет необходимость правового регулирования и этического сопровождения их применения. Эмпирический анализ практики ГТРК «Южный Урал» позволил выделить два взаимосвязанных блока проблем – правовые и этические, – которые определяют специфику интеграции ИИ в региональное медиапроизводство.

Правовые аспекты

Центральное место среди правовых вызовов занимает вопрос ответственности за достоверность информации. Согласно Федеральному закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», юридическая ответственность за точность и объективность публикуемого контента возлагается на главного редактора. Применение ИИ-инструментов для генерации текстов не отменяет эту норму: алгоритмы не освобождают редакцию от обязанности верифицировать информацию как минимум по двум независимым источникам. Таким образом, искусственный интеллект усложняет, но не отменяет распределение юридической ответственности, оставляя её за человеком – журналистом или редактором.

Второй значимой проблемой является неопределённость авторства ИИ-генерированного контента. Действующее законодательство РФ не содержит норм, регулирующих авторские права на визуальные произведения, созданные нейросетевыми моделями. Это порождает правовую неопределённость, особенно в случаях, когда сгенерированные изображения стилистически имитируют творчество известных художников (например, визуальные отсылки к анимации студии Ghibli). Отсутствие чёткого правового статуса таких объектов затрудняет как защиту интересов правообладателей искусственного интеллекта, так и предотвращение авторско-правовых конфликтов.

Особую озабоченность вызывает соблюдение требований Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». При генерации изображений с помощью искусственного ин-

теллекта существует риск создания виртуальных лиц, случайно совпадающих с реальными индивидами, включая несовершеннолетних. Такие случаи могут быть квалифицированы как обработка персональных данных без согласия субъекта, что влечёт за собой административную и репутационную ответственность. Это подчёркивает необходимость разработки специализированных нормативных актов, учитывающих особенности функционирования искусственного интеллекта в медиасфере.

Этические аспекты

С этической точки зрения наиболее острыми являются вопросы стилевых заимствований и имитации авторских манер. Нейросети, обученные на массивах художественных произведений, способны воспроизводить узнаваемые стили, что может восприниматься как нарушение профессиональной этики, даже при формальном соблюдении закона. В ГТРК «Южный Урал» осознают этот риск и сознательно ограничивают использование стилизованных образов, отдавая предпочтение абстрактной, нейтральной или футуристичной графике.

Не менее важным является этическое измерение генерации изображений людей, особенно несовершеннолетних. Даже при отсутствии прямого нарушения законодательства, создание ИИ-образов, ассоциирующихся с реальными личностями, может вызывать негативную реакцию аудитории и порождать моральные дилеммы. Это требует от медиаорганизаций выработки внутренних этических стандартов, регулирующих допустимые границы использования генеративных технологий.

Наконец, ключевым принципом современной журналистики становится прозрачность. В условиях распространения deepfake-технологий и дезинформации доверие аудитории напрямую зависит от открытости источников контента. Этическая норма требует информировать зрителей о том, какие элементы публикации (тексты, изображения, видео) созданы с участием искусственного интеллекта. Такая практика не только укрепляет репутацию медиа как надёжного источника, но и способствует формированию у аудитории критического отношения к цифровому контенту.

Таким образом, анализ практики ГТРК «Южный Урал» показывает, что внедрение искусственного интеллекта в медиапроизводство сопряжено с комплексом правовых и этических вызовов, отражающих общероссийские и глобальные тенденции. Табл. 3, отражающая частоту упоминания ключевых проблем, требует их решения – как совершенствования законодательной базы, так и разработки профессиональных этических кодексов, ориентированных на специфику работы с генеративными технологиями в СМИ.

Эти данные свидетельствуют о том, что внедрение искусственного интеллекта в деятельность СМИ требует разработки чёткой правовой базы, регулирующей взаимодействие между авторами,

медиаорганизациями и алгоритмическими системами. Как показывает табл. 3, наиболее остро сотрудниками ГТРК «Южный Урал» воспринимаются вопросы авторства ИИ-контента (87,5 %) и ответственности за достоверность информации (81,3 %), что подчёркивает сохраняющуюся центральную роль человека в медиапроизводстве даже в условиях автоматизации.

Таблица 3

Доля распределения правовых и юридических аспектов использования искусственного интеллекта (ИИ)

Table 3
The share of distribution of legal and judicial aspects of using artificial intelligence (AI)

№	Категория проблемы	Кол-во респондентов	Доля, %
1	Авторство ИИ-контента	28	87,5 %
2	Ответственность за достоверность информации	26	81,3 %
3	Прозрачность и доверие	24	75,0 %
4	Защита персональных данных	22	68,8 %
5	Воспроизведение авторских стилей	20	62,5 %
6	Использование изображений людей / детей	18	56,3 %

Полученные результаты позволяют утверждать, что интеграция ИИ в региональные СМИ открывает перед редакциями новые возможности – прежде всего за счёт сокращения временных затрат на рутинные операции и повышения оперативности выпуска контента. Вместе с тем она порождает комплекс этических, правовых и профессиональных вызовов. Несмотря на то что ИИ значительно ускоряет подготовку материалов, он не способен заменить журналиста в ключевых функциях: интерпретации событий, построении нарратива и обеспечении верификации информации.

Особую озабоченность вызывает дефицит нормативного регулирования в сфере генеративных технологий. Отсутствие законодательных норм, определяющих статус авторства на ИИ-сгенерированный контент, а также неопределённость в распределении ответственности за ошибки, допущенные алгоритмами, создают риски юридических споров и репутационных потерь для медиаорганизаций.

В то же время сотрудники ГТРК «Южный Урал» рассматривают ИИ не как конкурента, а как инструмент, способный высвободить профессиональный ресурс журналиста для выполнения творческих и аналитических задач. В этом смысле опыт данного холдинга представляет собой релевантный кейс адаптации регионального СМИ к условиям цифровой трансформации – с сохранением этических и профессиональных стандартов при активном освоении новых технологий.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить ключевые особенности внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность регионального медиахолдинга – ГТРК «Южный

Урал». Анализ практики показал, что ИИ активно используется в редакционной работе, прежде всего для генерации визуального контента, подготовки текстовых материалов, поиска и обработки информации, а также решения вспомогательных задач, связанных со взаимодействием с аудиторией.

Применение искусственного интеллекта способствует повышению оперативности и эффективности медиапроизводства за счёт автоматизации рутинных процессов. Особенно высокую практическую ценность искусственный интеллект демонстрирует при создании иллюстраций в условиях отсутствия фотофиксации, подготовке шаблонных новостей, транскрипции аудиозаписей и языковой проверке текстов. Вместе с тем сотрудники редакции подчёркивают, что технология не заменяет профессиональное суждение журналиста, а лишь освобождает его время для выполнения аналитических и творческих функций.

Одновременно с практическими преимуществами внедрение искусственного интеллекта сопряжено с рядом этических и правовых вызовов. Наиболее острыми среди них являются вопросы авторства алгоритмически сгенерированного контента, ответственности за достоверность информации и соблюдения норм защиты персональных данных. Отсутствие чёткого нормативного регулирования в этих сферах создаёт правовую неопределённость и повышает риски как юридических, так и репутационных последствий.

Опыт ГТРК «Южный Урал» свидетельствует о том, что искусственный интеллект воспринимается в профессиональной среде не как конкурент, а как инструмент, расширяющий функциональные возможности журналиста. Успешная интеграция ИИ в деятельность СМИ возможна лишь при условии сохранения ведущей роли человека в процессах интерпретации событий, построения нарратива и обеспечения верификации информации, а также при разработке внутренних этических стандартов и совершенствовании законодательной базы.

Таким образом, цифровая трансформация медиаиндустрии, обусловленная развитием искусственного интеллекта, требует не только технологической адаптации, но и осмысления новых профессиональных, этических и правовых рамок, в которых будет развиваться журналистика будущего.

Литература

1. Акуличева, А. Р. Нейросеть и журналистика: этический вопрос использования умных технологий в СМИ / А. Р. Акуличева, С. А. Алиева // Молодой учёный. – 2023. – № 51 (498). – С. 115–117.
2. Алпатов, А. В. Нейросети в медиа: как искусственный интеллект меняет журналистику /

А. В. Алпатов // Медиаисследования России. – 2022. – № 1. – С. 45–52.

3. Арсентьева, А. Д. Проблемы внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в российскую журналистику / А. Д. Арсентьева, А. А. Морозова // Огарёв-Online. – 2021. – № 2 (155). – С. 1–8.

4. Беляков, А. А. Автоновости: применение ИИ в создании новостных текстов / А. А. Беляков // Журналистское и медийное пространство. – 2021. – № 3. – С. 101–110.

5. Бондаренко, Е. А. Искусственный интеллект в современных СМИ: технологии создания медиаконтента / Е. А. Бондаренко, Н. Л. Курдюмова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 4. – С. 87–102.

6. Орлов, И. Б. Искусственный интеллект в теле- и радиожурналистике / И. Б. Орлов // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 470. – С. 134–141.

7. Бителин, В. В. О проблеме доверия к технологиям искусственного интеллекта / В. В. Бителин // Успехи кибернетики. – 2021. – № 2 (3). – С. 6–7.

8. Чистякова, Т. В. Цифровая этика в условиях внедрения ИИ в СМИ / Т. В. Чистякова // Философские науки. – 2021. – № 4. – С. 99–106.

9. Васильева, И. С. Искусственный интеллект и этика медиа: проблемы и пути решения / И. С. Васильева // Вестник Южного научного центра РАН. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 88–95.

10. Голубева, А. В. ИИ в креативной журналистике: возможности и ограничения / А. В. Голубева // Медиа-коммуникации. – 2022. – № 2. – С. 67–75.

11. Горелов, А. А. Медиа будущего: роль искусственного интеллекта в трансформации информационного пространства / А. А. Горелов // Философия и культура. – 2023. – № 6. – С. 45–59.

12. Городецкий, В. И. Искусственный интеллект: от символических систем до когнитивных роботов: учебное пособие / В. И. Городецкий. – СПб.: Питер, 2021. – С. 41–70.

13. Гребнев, Л. С. Технологии искусственного интеллекта в управлении медиаорганизациями / Л. С. Гребнев // Управление в сфере массовых коммуникаций. – 2021. – № 5. – С. 44–51.

14. Захаров, А. А. Журналистика на пороге цифровой эпохи: автоматизация, ИИ и новые форматы контента / А. А. Захаров // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2021. – № 2 (38). – С. 112–120.

15. Иванова, О. В. Этические аспекты применения искусственного интеллекта в СМИ / О. В. Иванова // Экономика социологии. – 2023. – Т. 24, № 2. – С. 120–134.

Дмитренко Евгения Леонидовна – кандидат филологических наук, директор ГТРК «Южный Урал», профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ИМСГН, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: evgdmitr@mail.ru

Булатов Рифат Ринатович – магистрант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ИМСГН, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: angel_zero88@mail.ru

Шестеркина Людмила Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: shesterkina@p@susu.ru. ORCID 0000-0002-2859-7991

Поступила в редакцию 23 февраля 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260210

FEATURES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE WORK OF GTRK YUZHNY URAL

E. L. Dmitrenko^{1,2}, R. R. Bulatov¹, L. P. Shesterkina¹

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²State Television and Radio Broadcasting Company «South Ural», Chelyabinsk, Russian Federation

The article analyzes the role and place of artificial intelligence (AI) in modern mass media. It examines both theoretical and practical aspects of introducing AI technologies into the media space, including the automation of content generation, the use of neural networks to generate texts, images and videos, as well as the prospects for the development of algorithmic tools in journalistic practice. The article also focuses on ethical and legal concerns related to the use of artificial intelligence in the media, including authorship, responsibility for the accuracy of information, and personal data protection. It presents examples of using artificial intelligence in the Russian media holding GTRK (State TV and Radio Broadcasting Company) Yuzhny Ural. The authors conclude about the transformation of the profession of a journalist under the influence of digital technologies and the main challenges faced by the industry on the way to further implementation of artificial intelligence.

Keywords: journalism, artificial intelligence, mass media, media system, GTRK Yuzhny Ural, information technologies.

References

1. Akulichева A.R., Alieva S.A. Neyroset' i zhurnalistika: eticheskiy vopros ispolzovaniya umnykh tekhnologiy v SMI [Neural Network and Journalism: the Ethical Issue of Using Smart Technologies in the Media] // *Molodoy uchenyy*. 2023. № 51 (498). P. 115–117.
2. Alpatov A.V. Neyroseti v media: kak iskusstvennyy intellekt menyayet zhurnalistiku [Neural Networks in the Media: how Artificial Intelligence is Changing Journalism] // *Mediainssledovaniya Rossii*. 2022. № 1. P. 45–52.
3. Arsentieva A.D., Morozova A.A. Problemy vnedreniya algoritmov iskusstvennogo intellekta v rossiyskuyu zhurnalistiku [Problems of Introducing Artificial Intelligence Algorithms into Russian Journalism] // *Ogarev-Online*. 2021. № 2 (155). P. 1–8.
4. Belyakov A.A. Avtonovosti: primeneniye II v sozdanii novostnykh tekstov [Auto-News: the Use of AI in the Creation of News Texts] // *Zhurnalisticheskoye i mediynoye prostranstvo*. 2021. № 3. P. 101–110.
5. Bondarenko E.A., Kurdyumova N.L. Iskusstvennyy intellekt v sovremennykh SMI: tekhnologii sozdaniya mediakontenta [Artificial Intelligence in Modern Media: Technologies for Creating Media Content] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2021. № 4. P. 87–102.
6. Orlov I.B. Iskusstvennyy intellekt v tele- i radiozhurnalistike [Artificial Intelligence in Television and Radio Journalism] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. № 470. P. 134–141.
7. Bitelin V.V. O probleme doveriya k tekhnologiyam iskusstvennogo intellekta [On the Problem of Trust in Artificial Intelligence Technologies] // *Uspekhi kibernetiki*. 2021. № 2 (3). P. 6–7.
8. Chistyakova T.V. Tsifrovaya etika v usloviyakh vnedreniya II v SMI [Digital Ethics in the Context of the Introduction of AI in the Media] // *Filosofskiye nauki*. 2021. № 4. P. 99–106.

9. Vasilyeva I.S. Iskusstvennyy intellekt i etika media: problemy i puti resheniya [Artificial Intelligence and Media Ethics: Problems and Solutions] // *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. 2023. Vol. 19, № 4. P. 88–95.
10. Golubeva A.V. II v kreativnoy zhurnalistike: vozmozhnosti i ogranicheniya [AI in Creative Journalism: Opportunities and Limitations] // *Media-kommunikatsii*. 2022. № 2. P. 67–75.
11. Gorelov A.A. Media budushchego: rol' iskusstvennogo intellekta v transformatsii informatsionnogo prostranstva [Media of the Future: the Role of Artificial Intelligence in the Transformation of the Information Space] // *Filosofiya i kultura*. 2023. № 6. P. 45–59.
12. Gorodetsky V.I. Iskusstvennyy intellekt: ot simvolnykh sistem do kognitivnykh robotov [Artificial Intelligence: From Symbolic Systems to Cognitive Robots]: uchebnoye posobiye. Saint Petersburg: Piter, 2021. P. 41–70.
13. Grebnev L.S. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v upravlenii mediaorganizatsiyami [Artificial Intelligence Technologies in Media Organization Management] // *Upravleniye v sfere massovykh kommunikatsiy*. 2021. № 5. P. 44–51.
14. Zakharov A.A. Zhurnalistika na poroge tsifrovoy epokhi: avtomatizatsiya. II i novyye formaty kontenta [Journalism on the Threshold of the Digital Age: Automation, AI, and New Content Formats] // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 2 (38). P. 112–120.
15. Ivanova O.V. Eticheskiye aspekty primeneniya iskusstvennogo intellekta v SMI [Ethical Aspects of the Use of Artificial Intelligence in the Media] // *Ekonomika sotsiologii*. 2023. Vol. 24. № 2. P. 120–134.

Evgeniya L. Dmitrenko – Cand. Sc. (Philology), Director of GTRK Yuzhny Ural, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: evgdmitr@mail.ru

Rifat R. Bulatov – Master Degree Student at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: angel_zero88@mail.ru

Lyudmila P. Shesterkina – D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: shesterkina@susu.ru

Received February 23, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Дмитренко, Е. Л. Особенности использования искусственного интеллекта в работе ГТРК «Южный Урал» / Е. Л. Дмитренко, Р. Р. Булатов, Л. П. Шестеркина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 83–89. DOI: 10.14529/ssh260210

FOR CITATION

Dmitrenko E. L., Bulatov R. R., Shesterkina L. P. Features of using artificial intelligence in the work of GTRK Yuzhny Ural. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 83–89. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260210

МЕДИАТИЗАЦИЯ ЙОГИ И БОЛЛИВУДА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДА ИНДИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ

А. Н. Морева

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

В условиях усиления глобальной конкуренции между государствами за символический капитал, внимание международной аудитории и инвестиционные ресурсы особую значимость приобретает формирование национального бренда через инструменты «мягкой силы» и медиакоммуникации. Культурные феномены, обладающие высокой степенью узнаваемости, становятся важными агентами репутационного позиционирования стран на мировой арене. Цель исследования – выявить механизмы медиатизации йоги и Болливуда как стратегических атрибутов национального бренда Индии в условиях глобальной медиакоммуникационной среды. В работе применён междисциплинарный подход, включающий в себя качественный контент-анализ международных медиаматериалов, культурно-семиотический анализ символических кодов, а также метод кейс-стади. Эмпирическую базу составили материалы глобальных медиаплатформ, официальные коммуникационные кампании и аналитические отчёты, посвящённые индустрии йоги и индийского кино. Установлено, что йога и Болливуд являются устойчивыми культурными суббрендами, формирующими позитивную ассоциативную связь с Индией и усиливающими её международный имидж. Показано, что медиатизация культурных феноменов обеспечивает их трансформацию в устойчивые символические маркеры страны в глобальном информационном пространстве, а также, что синергия культурных, экономических и институциональных факторов позволяет интегрировать нематериальные культурные ресурсы в стратегию национального брендинга, обеспечивая его устойчивость и глобальную конкурентоспособность.

Ключевые слова: национальный брендинг, медиатизация, мягкая сила, культурная дипломатия, глобальные коммуникации, йога, Болливуд.

Введение

В условиях растущей конкуренции государств за внимание глобальной аудитории, символический капитал и инвестиционные ресурсы национальный бренд становится важным инструментом внешней политики, культурной дипломатии и международного позиционирования [1, с. 245; 2, с. 312]. В этой логике медиатизация культуры приобретает стратегическое значение, поскольку именно глобальные медиакоммуникации обеспечивают трансформацию культурных феноменов в устойчивые символические маркеры страны в международном публичном пространстве.

Индия представляет собой показательный пример государства, использующего культурные и медийные ресурсы для укрепления своего международного имиджа. Среди наиболее заметных и символически нагруженных инструментов индийской «мягкой силы» выделяются йога и Болливуд как феномены глобального культурного потребления, обладающие высокой степенью узнаваемости и устойчивой ассоциативной связью со страной происхождения [3, с. 78; 4, с. 56; 8, с. 112–125].

С точки зрения теории публичной дипломатии, place branding и медиакоммуникаций репрезентация национальных культурных кодов в глобальных медиа может рассматриваться как форма стратегической коммуникации, направленной на формирование позитивного образа страны [5,

с. 329–342; 6, с. 64–70; 7, с. 147–155]. Индийский кейс особенно значим потому, что культурное брендование здесь сочетается с институциональной поддержкой государства, а медиатизация таких практик, как празднование Международного дня йоги, усиливает их включённость в международную информационную повестку [8, с. 112–125; 9, с. 171–176]. Тем самым йога и Болливуд выступают не только как экспортируемые культурные продукты, но и как элементы глобального имиджа Индии в логике «наций как брендов» [10, с. 388; 11].

Выбор именно этих кейсов обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, йога и Болливуд обладают высокой международной узнаваемостью и прочно ассоциируются с Индией в глобальном культурном воображении [8, 12, 13]. Во-вторых, оба феномена представляют собой «мягкие» атрибуты нации, успешно интегрированные в медиaprостранство и способные формировать позитивные ассоциации с брендом страны [5, 6, 11]. В-третьих, они демонстрируют, как культурные практики и индустриальные продукты, сохраняя связь с территорией происхождения, превращаются в инструменты публичной дипломатии и медийного брендинга [1, 2, 10].

Цель исследования – выявить механизмы медиатизации йоги и Болливуда как стратегических атрибутов национального бренда Индии в условиях глобальной коммуникационной среды. Для дости-

жения этой цели решаются следующие задачи: проанализировать теоретические подходы к национальному и территориальному брендингу; рассмотреть роль «мягкой силы» и культурной дипломатии в укреплении международного имиджа государства; выявить особенности репрезентации йоги и Болливуда в глобальном медийном пространстве; определить значение институциональной поддержки в продвижении культурных суббрендов Индии.

Обзор литературы

Теоретические основания исследования связаны с развитием концепции национального и территориального брендинга, сформировавшейся на пересечении маркетинга территорий, публичной дипломатии и исследований международных коммуникаций. Одним из ключевых разработчиков данной концепции является Саймон Анхольт, предложивший рассматривать репутацию государства как стратегический ресурс, формируемый через совокупность экономических, культурных и политических факторов. В его работах подчёркивается взаимосвязь внешнеполитического позиционирования страны, публичной дипломатии, международной торговли и культурных репрезентаций с формированием её глобального имиджа [1, 9]. В рамках этого подхода национальный бренд рассматривается как комплексный коммуникативный конструкт, отражающий символический капитал территории.

Развитие концепции территориального брендинга связано также с работами Ф. Котлера и его соавторов, предложивших рассматривать территорию как объект стратегического маркетинга, конкурирующий за инвестиции, туристические потоки и человеческий капитал [10]. Позднее данная проблематика получила развитие в исследованиях К. Динни, рассматривающего национальный брендинг как совокупность коммуникационных практик, направленных на формирование устойчивых ассоциаций между страной и определёнными культурными, экономическими или политическими характеристиками [2]. В этой логике бренд государства формируется не только через экономические показатели, но и через символические репрезентации, распространяемые в медиaprостранстве.

Современные исследования *place branding* подчеркивают роль коммуникационных механизмов в формировании репутации территорий. Так, М. Каварацис рассматривает бренд места как систему символических значений, формируемых в результате совокупности коммуникационных процессов и репрезентаций [5]. Аналогичную позицию занимают Е. Браун, Й. Эшхейс и Э. Клейн, отмечающие, что эффективность бренда территории во многом определяется согласованностью коммуникационных стратегий государства, бизнеса и культурных институтов [6]. В совокупности данные подходы позволяют рассматривать нацио-

нальный бренд как результат длительного медиакommunikационного процесса, в рамках которого культурные феномены могут выступать носителями символического капитала страны.

В российской научной традиции исследования территориального брендинга акцентируют внимание на семантическом и культурном измерении образа страны. Так, Д. Н. Замятин рассматривает бренд территории как систему символических репрезентаций, формирующих пространственную идентичность и определяющих восприятие государства во внешнем и внутреннем дискурсе [14]. В российской научной традиции подобные процессы также анализируются в рамках концепции геобрендинга, рассматривающей символические репрезентации территории как инструмент формирования её пространственной идентичности и международного образа [14]. Сходную позицию занимают российские исследователи, анализирующие роль культурных и коммуникативных факторов в формировании политического и репутационного имиджа государства [7]. В рамках данного подхода национальный бренд интерпретируется как результат взаимодействия культурных кодов, медиапрактик и институциональных стратегий.

Важным направлением исследований является анализ структуры национального бренда и его внутренних компонентов. Так, А. А. Тонян рассматривает национальный брендинг как систему стратегических коммуникаций, направленных на формирование устойчивого международного имиджа государства [8]. О. Е. Кобякина предлагает модель «архитектуры бренда», в рамках которой национальный бренд складывается из совокупности суббрендов: туризма, кухни, культуры и других сфер символического производства [15]. Такая мозаичность бренда обеспечивает его гибкость и позволяет актуализировать те атрибуты, которые максимально релевантны конкретной целевой аудитории или коммуникативной ситуации.

Эта позиция согласуется с концепцией С. К. Райнисто, который рассматривает бренд территории как комплексное «суммарное предложение», включающее в себя культурные, экономические и символические ресурсы страны [11]. В такой модели культурные элементы: кинематограф, гастрономия, музыка или традиционные практики – могут превращаться в устойчивые маркеры национальной идентичности и выполнять функции репутационных сигналов в глобальном коммуникационном пространстве.

В условиях цифровизации медиасреды особую роль приобретает коммуникативное измерение брендинга. Современные исследования подчеркивают, что управление информационными потоками становится важным фактором формирования репутации государств, а культурные репрезентации являются значимым инструментом символического позиционирования стран в глобаль-

ной медиасреде [7]. В этих условиях культурные феномены могут выполнять функцию медиатизированных репутационных ресурсов, формирующих устойчивые ассоциации между страной и определёнными ценностными и культурными характеристиками.

Проведённый обзор литературы показывает, что национальный бренд формируется в результате взаимодействия культурных, экономических и коммуникационных факторов. В рамках данной исследовательской логики культурные феномены могут рассматриваться как медиатизированные символические ресурсы, способные усиливать международную узнаваемость государства. Это позволяет интерпретировать йогу и Болливуд как культурные суббренды Индии, функционирующие одновременно как элементы культурного наследия, индустриальные продукты и инструменты публичной дипломатии в глобальном медиакоммуникационном пространстве.

Методы исследования

В данной статье используется междисциплинарный подход, сочетающий методы медиакоммуникационного анализа, культурной семиотики и элементы качественного контент-анализа. Исследование опирается на совокупность методологических стратегий, направленных на изучение медиатизации культурных феноменов и их трансформации в инструменты формирования национального имиджа, что соответствует современным подходам в сфере национального и территориального брендинга [10; 2, с. 312; 12].

Качественный контент-анализ применялся для изучения репрезентаций Болливуда и йоги в материалах международных СМИ за период 2015–2024 гг., отобранных по критерию тематической релевантности, с акцентом на цифровых каналах и платформах глобального вещания. Эмпирической базой выступили материалы международных новостных агентств (BBC, CNN, Al Jazeera), официальные медиаресурсы индийских культурных и экономических инициатив, а также мультимедийные продукты, продвигаемые в рамках кампаний «Make in India» и «Incredible India» [8, с. 112–125; 3].

Культурно-семиотический анализ позволил выявить устойчивые символы и знаки, ассоциируемые с йогой и Болливудом как культурными кодами, формирующими глобальный бренд Индии [5, с. 329–342; 16]. Это позволило рассматривать указанные феномены не только как элементы культурного наследия, но и как медиатизированные конструкции, обладающие высокой степенью символического воздействия в глобальной медийной среде [1, с. 245; 5].

Также применялся метод кейс-стади (case study), обеспечивший более детальную проработку двух репрезентативных кейсов: институционализации Международного дня йоги и транснацио-

нального распространения Болливудской киноиндустрии. Эти кейсы были выбраны на основании значимости в международной информационной повестке и уровня государственной поддержки [13, с. 45–51; 12, с. 78–89]. Анализ дополнялся использованием актуальных отраслевых аналитических отчётов (Wellness Creative Co, 2024; Ormax Media, 2023), что позволило актуализировать результаты и отразить современное состояние изучаемых феноменов.

Комбинированное применение медиакоммуникационного анализа, культурно-семиотического подхода и метода кейс-стади позволило рассмотреть йогу и Болливуд не изолированно как культурные практики или элементы индустрии, а как взаимосвязанные медиатизированные суббренды, встроенные в единую коммуникационную архитектуру национального бренда Индии. Научная новизна методологического подхода заключается в синтетическом анализе «мягких» культурных феноменов и институциональных механизмов их продвижения в глобальной медиасреде, что дало возможность выявить эффект синергии между культурными, экономическими и государственными стратегиями брендинга. Такой подход позволяет выйти за рамки традиционных экономических или политико-ориентированных моделей национального брендинга и предложить интерпретацию медиатизации культуры как системного инструмента формирования устойчивого международного имиджа страны. Это позволило рассмотреть йогу и Болливуд не только как культурные практики или индустриальные продукты, но и как медиатизированные коммуникационные конструкции, через которые воспроизводится международный образ Индии в глобальном информационном пространстве.

Результаты и дискуссия

Популяризация йоги, учреждение Международного дня йоги, включение образовательных программ по йоге в индийскую программу технического и экономического сотрудничества ИТЕС (Indian Technical and Economic Cooperation Programme) – всё это рассматривается как институционально поддерживаемые механизмы продвижения йоги в качестве элемента национального бренда Индии.

Проведённый анализ показал, что медиатизация йоги формируется на пересечении институциональных и коммуникативных механизмов, обеспечивающих её устойчивое присутствие в глобальном информационном пространстве. Установлено, что ключевую роль играет институционализация практики, при которой культурный феномен получает официальную международную легитимацию и закрепляется в глобальной повестке как элемент национальной идентичности. В ходе анализа показано, что распространение практики сопровождается формированием устойчивого narra-

тива о йоге как «индийском подарке человечеству», который усиливает символическую привязку феномена к стране происхождения. Этот нарратив активно воспроизводится в международных медиакоммуникациях и формирует устойчивую символическую связь между практикой и её территориальным происхождением. При этом адаптация учения в западных контекстах зачастую отстает от исходной философско-этической модели, однако именно гибкость форматов (в том числе «фитнес-варианты») выступает стратегическим условием «мягкого» информационного распространения. Таким образом, медиатизация йоги происходит через процесс культурной универсализации, при котором практики адаптируются к глобальному потребителю, сохраняя при этом устойчивую ассоциативную привязку к Индии. Вместе с тем сохраняется дискуссионный вопрос о девальвации йоги как системы сакральных и философских знаний при её трансформации в рыночный потребительский продукт. Анализ показал, что коммерциализация практики не приводит к полной утрате её символической связи с территорией происхождения, а напротив, способствует расширению масштабов её распространения и усилению её репутационного потенциала.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что даже в коммерциализированных форматах йога продолжает функционировать как маркер индийской идентичности: практика остаётся строго ассоциируемой с Индией и транслирует культурный код территории происхождения через дискурс здорового образа жизни. Эта устойчивость подтверждается и экономической динамикой индустрии: вокруг йоги сформировался глобальный рынок (одежда, ретрит-туризм, приложения, обучающие курсы, оборудование). По оценке Wellness Creative Co. (2024), мировой рынок товаров и услуг, связанных с йогой, в 2024 году составил \$120 млрд, а число практикующих по всему миру приблизилось к 300 млн человек. Эти данные позволяют интерпретировать йогу не только как культурную практику, но и как масштабируемый медиатизированный суббренд, функционирующий в логике «мягкой силы» и обеспечивающий устойчивую символическую репрезентацию Индии в глобальной медиасреде.

В интерпретационном плане это позволяет рассматривать йогу как эффективный кейс «мягкой силы» и продвижения бренда территории, поскольку массовая практика поддерживает знание о культурном происхождении феномена (Wellness Creative Co., 2024). Массовое распространение практики в медиaprостранстве формирует эффект символической «якоризации» бренда страны: даже в коммерциализированных форматах йога продолжает воспроизводить устойчивую ассоциативную связь с Индией как территорией её культурного происхождения.

Схожий механизм выявляется и в случае Болливуда, выступающего важнейшим медиапродуктом и экспортируемым культурным символом Индии. Проведённый анализ показал, что брендообразующая функция Болливуда обусловлена не только масштабом киноиндустрии, но и способностью кинематографа транслировать устойчивые аудиовизуальные коды, формирующие узнаваемый образ страны в глобальной медиасреде. Анализ жанровой структуры демонстрирует, что глобальная «читабельность» болливудского кино обеспечивается формулой смешения жанров, которую Наталья Ткачева описывает как универсальный «медиа-коктейль», включающий мелодраму, комедию, боевик, мюзикл и фантастику [12]. Жанровая гибридность делает болливудский кинематограф культурно и эмоционально доступным для международной аудитории, обеспечивая транснациональную циркуляцию медиапродукта и одновременно воспроизводя устойчивые символические представления об Индии.

Важным фактором медиатизации Болливуда выступает и его экономико-индустриальная инфраструктура. Индийская киноиндустрия ежегодно производит сотни фильмов на различных языках и обладает широкой системой международной дистрибуции, ориентированной не только на внутренний рынок, но и на диаспоральную аудиторию, а также на зрителей стран Ближнего Востока, Африки, Юго-Восточной Азии и Европы [3]. В результате болливудские фильмы становятся устойчивым каналом культурной трансляции, через который в глобальном медиaprостранстве воспроизводятся образы индийского общества, эстетические коды и элементы национальной культуры. Как отмечают исследователи индийского кинематографа, киноиндустрия Болливуда играет заметную роль не только в культурной сфере, но и в экономике страны, формируя значимый сегмент креативных индустрий и поддерживая международную узнаваемость индийского культурного продукта [13].

Наряду с экономическим масштабом важную роль играет и коммуникативная природа кинематографа как медиума. Болливудские фильмы активно распространяются через цифровые платформы, стриминговые сервисы и социальные сети, что усиливает их присутствие в глобальном медиaprостранстве и способствует формированию устойчивых визуальных ассоциаций с Индией. Таким образом, кинематограф выступает не только средством развлечения, но и механизмом культурной репрезентации, через который формируется эмоционально насыщенный и узнаваемый образ страны.

Данный жанровый симбиоз («масала», «смесь специй») оказывается не только художественной особенностью, но и узнаваемым культурным кодом, стабильно воспроизводимым в медиапро-

странстве. Тем самым Болливуд функционирует не только как индустрия развлечений, но и как медиакоммуникационный механизм формирования репутационного капитала страны, обеспечивающий воспроизводство культурного образа Индии в глобальном информационном пространстве.

Завершая обсуждение, отметим, что выявленные в исследовании механизмы медиатизации демонстрируют двойственную динамику: с одной стороны, устойчивое укрепление репутационного капитала через культурные суббренды, с другой – риск дихотомии между сакральным и коммерческим. Перевод йоги в товарный формат, как и «поп-культуризация» Болливуда, несёт угрозу утраты культурной глубины, в связи с этим ключевым условием устойчивости бренда становится баланс между адаптацией к глобальному потребителю и сохранением идентичности, а также осмысленная коммуникация культурного кода, а не его стирание [5, 6].

Сопоставление двух рассмотренных кейсов позволяет выделить общий механизм медиатизации культурных феноменов в структуре национального бренда. Установлено, что культурный феномен становится устойчивым суббрендом территории при одновременном наличии трёх факторов: институциональной поддержки, медиальной воспроизводимости культурного кода и способности феномена адаптироваться к глобальному потребителю в контексте без утраты символической связи со страной происхождения. В случае Индии именно сочетание этих факторов обеспечивает превращение йоги и Болливуда в устойчивые элементы международного репутационного капитала государства.

Выводы

Проведённое исследование позволило уточнить роль медиатизации культурных феноменов в формировании национального бренда государства. Анализ показал, что йога и Болливуд функционируют не только как культурные практики или элементы индустрии развлечений, но и как медиатизированные суббренды, встроенные в коммуникационную архитектуру национального бренда Индии. Их глобальная узнаваемость и устойчивое присутствие в медиaprостранстве формируют долговременную символическую ассоциацию между культурным феноменом и страной происхождения.

Установлено, что ключевым механизмом функционирования культурных суббрендов является институционально поддерживаемая медиатизация культурных кодов. В рамках этого процесса традиционные практики и культурные индустрии получают поддержку со стороны государства и культурных институтов, активно репрезентируются в глобальных медиакоммуникациях и закрепляются в международном дискурсе как устойчивые символические маркеры территории. В этом

контексте йога выступает как универсализированный культурный символ, транслирующий идеи гармонии, благополучия и духовной практики, тогда как Болливуд выполняет функцию аудиовизуального медиапродукта, через который воспроизводится эмоционально насыщенный и культурно узнаваемый образ Индии.

Сопоставление двух кейсов позволило выявить общий механизм трансформации культурных феноменов в элементы национального бренда. Установлено, что культурный феномен приобретает статус устойчивого суббренда территории при одновременном наличии трёх ключевых условий: институциональной поддержки со стороны государства, устойчивой медиальной воспроизводимости культурного кода и способности феномена адаптироваться к глобальному культурному и потребительскому контексту без утраты символической связи со страной происхождения. Взаимодействие этих факторов обеспечивает превращение культурных практик и индустрий в долговременные репутационные ресурсы государства.

Полученные результаты показывают, что йога и Болливуд формируют своеобразную репутационную инфраструктуру национального бренда Индии, обеспечивая его воспроизводство в международном информационном пространстве и усиливая культурно-коммуникационное присутствие страны на глобальном уровне. Через медиaprостранство данные культурные феномены транслируют устойчивые символические образы страны, формируя у международной аудитории позитивные ассоциации с индийской культурой, образом жизни и креативными индустриями.

Тем самым индийская модель национального брендинга демонстрирует стратегию, основанную на медиатизации культурного капитала. В отличие от моделей, ориентированных преимущественно на промышленную или технологическую специализацию, она опирается на культурные ресурсы и их активное присутствие в глобальных медиакоммуникациях. В результате культурные феномены превращаются в инструменты публичной дипломатии, символической экономики и международного позиционирования государства, усиливая его репутационный потенциал и конкурентоспособность в глобальном пространстве [9, 11].

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с более детальным анализом цифровых механизмов распространения культурных суббрендов, включая роль стриминговых платформ, социальных медиа и алгоритмических систем распространения контента, а также с сопоставительным изучением стратегий культурного брендинга в различных странах.

Литература

1. Анхольт, С. Конкурентная идентичность: новое бренд-менеджмент-направление для наций /

- С. Анхольт. – Нью-Йорк : Palgrave Macmillan, 2007. – 245 с.
2. Dinnie K. Nation Branding: Concepts, Issues, Practice / K. Dinnie. – 2nd ed. – London : Routledge, 2015. – 312 p.
3. Ormax Media. Indian Film Industry Report 2023. – Mumbai, 2023. – 78 p.
4. Wellness Creative Co. Yoga Industry Report 2024. – London, 2024. – 56 p.
5. Kavaratzis, M. Place branding: A review of trends and conceptual models / M. Kavaratzis // *Marketing Review*. – 2005. – Vol. 5. – № 4. – P. 329–342.
6. Braun, E. The effectiveness of place brand communication / E. Braun, J. Eshuis, E. H. Klijn // *Cities*. – 2014. – Vol. 41. – P. 64–70.
7. Черепанова, Д. А. Брендинговый подход к проблеме формирования политического имиджа государства / Д. А. Черепанова // *Теории и проблемы политических исследований*. – 2016. – № 3. – С. 147–155.
8. Тонян, А. А. Национальный брендинг в Индии: стратегии и кампании / А. А. Тонян // *Гуманитарные и юридические исследования*. – 2018. – № 4. – С. 112–125.
9. Anholt, S. The Good Country Index: Methodology / S. Anholt // *Place Branding and Public Diplomacy*. – 2020. – Vol. 16. – № 3. – P. 171–176.
10. Kotler, P. Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations / P. Kotler, D. H. Haider, I. Rein. – New York : Free Press, 1993. – 388 p.
11. Rainisto, S. K. Success Factors of Place Marketing: A Study of Place Marketing Practices in Northern Europe and the United States / S. K. Rainisto. – Helsinki : Helsinki University of Technology, 2003.
12. Ткачева, Н. В. Киноиндустрия Индии: особенности современного развития / Н. В. Ткачева // *Меди@льманах*. – 2020. – № 5 (100). – С. 78–89.
13. Малижд Гедара, К. С. Болливудская киноиндустрия как важный фактор в экономике Индии / К. С. Малижд Гедара // *Интерактивная наука*. – 2020. – № 7 (53). – С. 45–51.
14. Zamyatin, D. Branding Russian Cities: Challenges and Opportunities / D. Zamyatin // *Cities*. – 2018. – Vol. 80. – P. 4–13.
15. Кобякина, О. Е. Брендинг территорий: национальная кухня как один из атрибутов бренда страны (на примере Дании, Швеции, Латвии и России) / О. Е. Кобякина // *Медиаскоп*. – 2016. – № 1.
16. Афанасьева, С. А. Визуальные коммуникации в цифровую эпоху / С. А. Афанасьева // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. – 2020. – Т. 5. – № 3.

Морева Анна Николаевна – старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий, научный сотрудник Лаборатории комплексных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Московский государственный лингвистический университет (Москва), email: annseasoul@gmail.com. ORCID 0009-0006-3404-285X

Поступила в редакцию 21 января 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260211

MEDIATIZATION OF YOGA AND BOLLYWOOD IN THE FORMATION OF INDIA'S NATIONAL BRAND WITHIN A GLOBAL COMMUNICATION STRATEGY

A. N. Moreva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

In the context of intensifying global competition among countries for symbolic capital, international attention, and investment resources, the formation of a national brand through soft power tools and mediated communication has become increasingly significant. Cultural phenomena with a high level of recognizability act as important factors in shaping a country's reputation in the global arena. This study aims to identify the mechanisms of the mediatization of yoga and Bollywood as strategic attributes of India's national brand in the global media communication environment. The research employs an interdisciplinary approach combining qualitative content analysis of international media materials, cultural semiotic analysis of symbolic codes, and the case study method. The empirical basis includes materials from global media platforms, official communication campaigns, and analytical reports on the yoga industry and the Indian film sector. The study demonstrates that yoga and Bollywood serve as stable cultural sub-brands that create positive associations with India and enhance its international image. The mediatization of these

cultural phenomena transforms them into stable symbolic markers for the country in the global information space. The synergy of cultural, economic, and institutional factors allows integrating intangible cultural resources into a national branding strategy, ensuring its sustainability and global competitiveness.

Keywords: national branding, mediatization, soft power, cultural diplomacy, global media communication, yoga, Bollywood.

References

1. Anholt S. Konkurentnaya identichnost': novoe brend-menedzhment-napravlenie dlya natsiy [Competitive Identity: the New Brand Management for Nations]. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 245 p.
2. Dinnie K. Nation Branding: Concepts, Issues, Practice. 2nd ed. London, Routledge, 2015. 312 p.
3. Ormax Media. Indian Film Industry Report 2023. Mumbai, 2023. 78 p.
4. Wellness Creative Co. Yoga Industry Report 2024. London, 2024. 56 p.
5. Kavaratzis M. Place Branding: A Review of trends and Conceptual Models. *Marketing Review*. 2005. Vol. 5. № 4. P. 329–342.
6. Braun E., Eshuis J., Klijn E.H. The Effectiveness of Place Brand Communication. *Cities*. 2014. Vol. 41. P. 64–70.
7. Cherepanova D.A. Brendingovyi podkhod k probleme formirovaniya politicheskogo imidzha gosudarstva [Branding Approach to the Formation of a State's Political Image] // *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2016. № 3. P. 147–155.
8. Tonyan A.A. Natsional'nyi brending v Indii: strategii i kampanii [National Branding in India: Strategies and Campaigns] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2018. № 4. P. 112–125.
9. Anholt S. The Good Country Index: Methodology. Place Branding and Public Diplomacy. 2020. Vol. 16. № 3. P. 171–176.
10. Kotler P., Haider D.H., Rein I. Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations. New York, Free Press, 1993. 388 p.
11. Rainisto S.K. Success Factors of Place Marketing: A Study of Place Marketing Practices in Northern Europe and the United States. Helsinki, Helsinki University of Technology, 2003.
12. Tkacheva N.V. Kinoindustriya Indii: osobennosti sovremennogo razvitiya [Indian Film Industry: Features of Contemporary Development] // *Media@Imanakh*. 2020. № 5 (100). P. 78–89.
13. Malizhd Gedara K.S. Bollivudskaya kinoindustriya kak vazhnyi faktor v ekonomike Indii [Bollywood Film Industry as an Important Factor in the Indian Economy] // *Interaktivnaya nauka*. 2020. № 7 (53). P. 45–51.
14. Zamyatin D. Branding Russian Cities: Challenges and Opportunities. *Cities*. 2018. Vol. 80. P. 4–13.
15. Kobyakina O.E. Brending territorii: natsional'naya kuchnya kak odin iz atributov brenda strany (na primere Danii, Shvetsii, Latvii i Rossii) [Territorial Branding: National Cuisine as an Attribute of a Country Brand (the Case of Denmark, Sweden, Latvia and Russia)] // *Mediascope*. 2016. № 1.
16. Afanas'eva S.A. Vizual'nye kommunikatsii v tsifrovuyu epokhu [Visual Communications in the Digital Age] // *Kommunikatsii. Media. Dizain*. 2020. Vol. 5. № 3.

Anna N. Moreva – Senior Lecturer at the Department of Communication Technologies, Research Fellow at the Asian-Pacific Integrated Research Laboratory, Moscow State Linguistic University (Moscow), email: annseasoul@gmail.com

Received January 21, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Морева, А. Н. Медиатизация йоги и Болливуда в формировании национального бренда Индии в глобальной коммуникационной стратегии / А. Н. Морева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 90–96. DOI: 10.14529/ssh260211

FOR CITATION

Moreva A. N. Mediatization of yoga and Bollywood in the formation of India's national brand within a global communication strategy. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 90–96. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260211

СОЗДАНИЕ МЕДИАПРОДУКТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

С. В. Незговоров

*Северный (Арктический) федеральный университет, г. Архангельск,
Российская Федерация*

Статья посвящена особенностям создания, видам и жанрам медиапродуктов, повествующих о различных видах деятельности и методиках оказания медицинской помощи государственных лечебных учреждений Архангельской области.

Целью настоящей статьи является анализ медиапродуктов, созданных в разных жанрах журналистики и направленных на формирование положительного медиаобраза лечебных учреждений путем презентации технологий, методов лечения, а также истории и традиций системы здравоохранения Архангельской области.

Рассматриваются технологии создания таких медиапродуктов, их тексты, видео и звуковое оформление, кроме того, анализируется воздействие создаваемых журналистами текстовых, видео или аудиоматериалов на получателя информации, а также формы размещения таких медиапродуктов.

Проанализировано и современное медиавзаимодействие больницы или поликлиники с потенциальным пациентом, являющимся читателем, зрителем, слушателем различных видов СМИ, в том числе, пользователем интернет-медиаресуров.

В качестве эмпирического материала использованы различные публикации, выходящие в региональных средствах массовой информации Архангельской области и других регионов России, а также в интернете. В данной статье представлен и авторский опыт создания документальных фильмов и книг о деятельности государственных медицинских учреждений Архангельской области разного уровня и видов деятельности, а также о медицинских работниках этого региона.

Ключевые слова: здравоохранение, журналистика, медиапродукт, медиаобраз, медицинские работники, Архангельская область.

Введение

Средства массовой информации всегда проявляют достаточно высокий интерес к деятельности учреждений здравоохранения. Это связано с особенностями работы этих учреждений и важностью выполняемых ими функций.

Публикуются как повышающие престиж медицинской профессии материалы о медиках-героях, успешных операциях, спасших жизни и т. д., так и разоблачающие материалы, информирующие об ошибках врачей, небрежном подходе к исполнению профессионального долга, проблемах в организации здравоохранения и другие.

Для публикации медиатекста требуется информационный повод, то есть событие, которое имеет общественно важное значение. Исходя из этого, получается, что любое событие, происходящее в сфере здравоохранения, – социально важное, а значит, может быть опубликовано на газетных полосах или в ленте новостей интернет-портала, принято в эфир радио или телевидения.

Цель данной статьи – на примере медиапродуктов, создаваемых в Архангельской области, проанализировать публикации, которые положительно отражаются на восприятии читателями или зрителями информации о медицинских организациях и, как следствие, служат важным элементом формирования позитивного образа учреждений.

Обзор литературы

По мнению С. П. Суворовой, востребованность медицинской информации объясняется ее высокой прагматической значимостью для массовой аудитории [1]. Особенно остро возникает потребность в создании медиапродуктов, демонстрирующих значимость медицинских работников, их профессионализм, а также уровень оказания медицинской помощи в регионах Российской Федерации.

В рамках современных медиаисследований проблемы медицинского дискурса в составе регионального медиаполя представляют интерес для многих исследователей, а частности, Т. В. Шемелева рассматривает медицинский дискурс в рамках новгородского регионального медиаполя. Исследователь выделяет три аспекта медиатекстов на медицинскую тематику: фактуру, контент и дискурсивные практики [2, с. 225].

Одной из особенностей современной медиасферы на протяжении ряда лет являются так называемые «информационные вбросы», которые часто публикуются блогерами, делающими себе имя на сенсациях и таким образом привлекающими к себе внимание читателей или зрителей.

А. Т. Аббасова отмечает, что актуальна этическая составляющая при создании публикаций на медицинскую тематику [3]. Согласимся с позицией исследователя, поскольку при погружении в сферу здравоохранения журналисту могут быть

известны персональные данные пациентов, особенности их заболеваний.

Методы исследования

В процессе исследования были использованы структурно-описательный, аналитический, сопоставительный методы. В качестве эмпирической базы в данной статье приведены журналистские тексты на медицинскую тематику различных регионов России и, главным образом, медиапродукты о лечебных учреждениях и на медицинскую тематику, созданные и опубликованные в Архангельской области.

Результаты и дискуссия

Ряд ученых при исследовании медиаматериалов о медицине, в том числе, о деятельности учреждений здравоохранения приводит термин «медицинская журналистика» и отмечает повышение интереса исследователей к этому направлению деятельности представителей медиасообщества.

Рассмотрим, какие особенности включает в себя медицинская журналистика. А. П. Воскобойникова, С. В. Ушакова, В. А. Рязанцев представляют медицинскую журналистику как «специализированную подсистему и как проблемно-тематическую область массовой коммуникации» [4]. Согласимся с приведенным мнением, однако дополним, что мы рассматриваем не те медиатексты, которые непосредственно презентуют инновации в медицине. В регионах Российской Федерации создается достаточно много публикаций о деятельности медицинских учреждений и личности медицинских работников. Такие публикации формируют образ медицинских организаций, подчеркивают уровень оказания медицинской помощи, в том числе с помощью медиапортретов сотрудников.

Отметим, что к публикациям о медицинских учреждениях получатели информации всегда проявляют высокий интерес. В связи с этим к медицинской теме активно обращаются многие средства массовой информации, а также блогеры. При этом повышенный интерес читателей к указанной тематике в ряде случаев используется, в том числе, определенными группами лиц для пропаганды своих взглядов.

Так в период пандемии COVID-19 появился целый ряд публикаций, настраивающих читателей против вакцинации. Чаще всего такие материалы подавались как сенсация или информационный вброс.

Понятие «информационный вброс» имеет негативную коннотацию, чаще всего это «сенсационное» размещение материалов на новостных лентах информационных агентств, реже в традиционных СМИ (газетах, радио и телевидении). Основной функцией «информационных вбросов» является многоуровневая провокация, так отмечают в своей статье Е. И. Федак и В. Н. Жуков [5, с. 86]. В то же время, по мнению Е. А. Носовой, информационный повод – это тоже своеобразный

«вброс», поскольку «вбрасывается» в медиа-среду и презентует факты, которые становятся поводом для новостного сообщения [6, с. 132].

Для привлечения внимания читателей в ряде случаев используются заголовки с использованием конструкций, повествующих о негативном результате вакцинации. Заголовок в журналистском тексте выполняет не только презентационную функцию, но и прогнозирующую функцию. Слова «умер», «смерть», использованные в заголовках, вызывают у читателей чувство страха. В этом случае заголовок выполняет функцию взаимодействия автор-читатель, которая влияет на первоначальное читательское восприятие [7, с. 296].

В качестве примера рассмотрим заголовки в некоторых интернет-СМИ периода 2020–2021 годов: «Умер после прививки от ковида» (76.ru), «“Привился и умер”: что говорят в соцсетях о вакцине от COVID-19» (fishki.net), «Смерть после прививки» (74.ru) и т. д. Как правило, после заголовка следует аналитический материал, где приводятся аргументы специалистов, разъясняется действие вакцин и т. д. Следовательно, увидев только заголовок, читатель задумается не об острой необходимости вакцинации, а о ее опасности. А медицинские работники в воображении читателя могут принять вид «опасных лугов».

Продолжая разговор о заголовках, стоит отметить, что прогнозирующая функция заголовков проявляется и тогда, когда они не содержат прямой номинации объекта (или проблематики) повествования [7, с. 295]. Приведем ряд заголовков в различных СМИ от 22 марта 2023 года. В текстах повествуется о смерти мужчины в поликлинике города Уфы. Рассмотрим заголовки, под которыми вышли эти публикации: «В Уфе у пациента поликлиники остановилось сердце перед сдачей анализов» (Газета.ру) [8], «Мужчина умер в уфимской поликлинике перед сдачей анализов» (НТВ) [9], «В Уфе пациент ГКБ № 18 умер на скамейке у входа» (mash.ru) [10].

Каждый из приведенных заголовков по-разному преподносит публикации на одну и ту же тему. По первым двум заголовкам (Газета.ру и НТВ) читатель может подумать, что остановка сердца и смерть мужчины связаны со сдачей анализов, поскольку авторы сообщают об этом в заголовке, а из третьего заголовка читатель получает информацию, что мужчина вообще в поликлинику не входил. При этом прогнозирующая функция заголовка выполняется, она задает тему публикации. При этом, если читатель не обратится к полному содержанию текста, он может получить ложное представление о произошедшем событии.

В последнее время все чаще можно встретить в различных средствах массовой информации публикации с умышленно-ложной информацией, которые обозначаются понятием «фейк». «Тема эксплуатации фейков в современном медиамире по-

прежнему сохраняет свою теоретическую и практическую актуальность», – пишет петербургский исследователь С. Н. Ильченко [11, с. 189]. По мнению ученого, «несмотря на новые возможности доступа и проверки информации в XXI веке, ситуация не сильно изменилась по сравнению с веком предыдущим: массовая аудитория не готова на постоянной основе проверять потоки получаемой информации, это обязательство было бы слишком ресурсозатратным» [12, с. 174]. Следовательно, читатель готов верить любой информации, получаемой из публичных источников, будь то газета, радио, телевидение, информационные агентства и даже социальные сети, популярность которых в последние годы растет. Социальные сети наиболее остро и активно реагируют на различные события, происходящие в городе, стране, мире.

По данным сайта brandanalytics.ru, 2020 год, когда была объявлена пандемия COVID-19, происходит значительное увеличение количества авторов социальных сетей (+30 %). В 2022 году именно социальные сети ярко реагируют на общественно-политические события (+36 %). Что касается 2023 года, что по данным за март не прослеживается существенной динамики в сравнении с октябрём 2022 года [13].

Далее рассмотрим публикации на медицинскую тематику в СМИ Архангельской области. Безусловно, в ряде СМИ подчеркивают проблему здравоохранения в регионе, в том числе, относительно персоналий. Так, в течение 2024–2025 годов в СМИ было достаточно много публикаций, посвященных арестам руководителей медицинских учреждений, в том числе, министра здравоохранения Архангельской области. Однако стоит отметить, что традиционно журналисты этого региона весьма активно интересуются яркими и значимыми событиями региональной системы здравоохранения. Так в различных средствах массовой информации за период 2020–2025 годов были целые серии публикаций о новом здании Виноградовской ЦРБ, открытии эндоскопического отделения в архангельской городской клинической поликлинике № 2, реализации национальных проектов, уникальных операциях и т. д.

Конечно, публикации даже в разных СМИ Архангельской области незначительно отличаются жанровым разнообразием. Наиболее часто встречаются информационные заметки, статьи, репортажи, режиссура – зарисовки и очерки, в том числе портретные.

В Архангельской области все важные события освещаются областной газетой «Правда Севера», которая выходит с 1917 года (с незначительным перерывом), а также в информационных выпусках ГТРК «Поморье», телеканала «Регион 29», нескольких радиостанций, а также на информационных интернет-порталах и в официальных группах

учреждений здравоохранения в социальной сети «В Контакте».

Областная газета «Правда Севера» публикует широкий спектр текстов, связанных со здравоохранением. Существуют специальные «медицинские» рубрики, которые в разные годы изменяли свое название, однако их тематическое текстовое наполнение остается неизменным.

Так, если обратиться к более раннему периоду, в рубрике «Твои люди, Север» как в конце XX века, так и в начале XXI публикуются статьи об известных архангельских врачах: Г. А. Орлове, В. Я. Бедило, Е. Е. Волосевич и многих других.

На протяжении десятилетий выходят передачи на медицинскую тематику на радиостанциях и телеканалах Архангельской области. Например, с 1996 по 2001 год в эфире радиоканала «Архангельск» в радиопередаче «Поговорим о здоровье» автор и ведущая, врач Е. Александрова, в доступной форме рассказывала о здоровом образе жизни, профилактике заболеваний, достижениях архангельской медицины. Гости передачи – врачи архангельских больниц и поликлиник.

В 2002 году на радиоканале «Архангельск» вновь появляется медицинская радиопрограмма, но уже под другим названием – «Санбюллетень». Её автором вновь становится специалист, сначала студент Северного государственного медицинского университета, а затем врач-офтальмолог, член Союза журналистов РФ Р. М. Панкратов. Темы программы самые разнообразные – от профилактики различных зависимостей (совместно с архангельским психоневрологическим диспансером) до инновационных методов лечения глазных болезней в Архангельской области.

На сегодняшний день на архангельском радио и в телеэфире продолжают выходить передачи на тему здравоохранения.

В телевизионном эфире Архангельска с 2019 года вышло несколько выпусков программы «Анатомия клятвы» (телеканал «Регион 29»). Каждая программа была посвящена одному из направлений оказания медицинской помощи в лечебных учреждениях региона.

На телеканале «Россия 1» два раза в месяц выходит телепрограмма «Здоровье северян», рассказывающая не только о медицинских технологиях в ряде учреждений здравоохранения, но и об особенностях социальной защиты населения.

Для демонстрации уровня системы здравоохранения региона, повышения престижа медицинской профессии, привлечения внимания населения к успехам архангельских медиков создаются документальные фильмы. Чаще всего такие фильмы не транслируются в телевизионном эфире, а остаются в качестве презентационного материала в самих учреждениях здравоохранения.

Идея создания таких видеофильмов принадлежит доктору медицинских наук Л. И. Меньши-

ковой (с 2010 по 2015 год министр здравоохранения Архангельской области, *авт.*) Первый информационно-имиджевый документальный фильм «Флагман Архангельской медицины» (автор С. Незговоров, режиссеры Е. Ланской, А. Тamarin) об Архангельской областной клинической больнице был создан в 2014 году.

Значение слова *флагман* – самое крупное или лучшее судно флота данного района, специальной флотилии, данного типа судов [14, с. 842]. Использование этого слова в названии видеофильма в качестве метафоры относит к передовому опыту больницы и таким образом передает содержание фильма о самом крупном, ведущем лечебном учреждении региона. Как уже было отмечено выше, название фильма презентует авторский замысел.

И действительно, в период создания видеофильма «Флагман архангельской медицины» был сдан новый корпус архангельской областной больницы, закуплено новое современное оборудование, началось строительство Перинатального центра. В фильме были показаны передовые на тот период времени методы лечения и операции; представлены врачи, внесшие значительный профессиональный вклад в деятельность учреждения.

«В Архангельской областной клинической больнице хирургическое направление – одно из основных. Здесь работает несколько узкопрофильных уникальных хирургических отделений. В них оказывают помощь пациентам с различными заболеваниями. Современные технологии лечения требуют от врача постоянного совершенствования своих знаний и опыта», – так подчеркивают авторы фильма приоритеты больницы.

Особое место в фильме было отведено взаимодействию Архангельской областной клинической больницы с Северным государственным медицинским университетом, представлена научная составляющая деятельности больницы: «...именно в областной больнице расположены многие кафедры Северного государственного медицинского университета. Профессора и доценты в случае необходимости оказывают консультативную помощь практикующим врачам».

И вновь выделено хирургическое направление деятельности больницы. В частности, доктор медицинских наук, профессор В. П. Быков рассказывал о роли университета в развитии хирургической службы больницы.

Фильм «Флагман Архангельской медицины» открывает целую серию имиджево-презентационных фильмов об учреждениях здравоохранения Архангельской области.

С 2014 года создаются видеофильмы о многих учреждениях здравоохранения Архангельской области: Устьянской, Шенкурской, Каргопольской, Плесецкой, Верхнетоемской центральных районных больницах; северодвинских учреждениях здравоохранения – горбольнице № 1 и станции

скорой медицинской помощи; учреждениях здравоохранения Архангельска – Первой городской клинической больнице им. Е. Е. Волосевич; Архангельской станции переливания крови; Родильном доме им. К. Н. Самойловой; Архангельской городской клинической больницы № 6; Архангельской областной клинической станции скорой медицинской помощи и многих других.

Рассмотрим подробнее некоторые из этих фильмов. Как правило, поводом для их создания становятся юбилейные даты учреждений. Так, в 2015 году Шенкурской центральной районной больнице им. Н. Н. Приорова исполнилось 180 лет. К этому событию приурочено создание фильма «Традиции и династии Шенкурской медицины».

Традиции и династии – тоже одна из важных имиджевых составляющих. Обратимся к семантике этих слов. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим одно из значений слова *династия*: «о тружениках, передающих от поколения к поколению мастерство, трудовые традиции» [14, с. 162], а слово *традиция* в том же словаре обозначено как «то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений» [14, с. 795]. Таким образом, заголовок фильма дважды обращается к традиционности, преемственности. Согласно Русскому ассоциативному словарю, слово *традиция* ассоциируется со словами *возрождать, продолжать, устоявшийся* [15, с. 138]. Этим раскрывается основной смысл, заложенный в фильме: сельская медицина сильна своими устоями и традициями, что показывает основательность и качество оказания медицинской помощи. А это, безусловно, работает на имидж учреждения.

«За все годы существования больницы формировались и укреплялись главные традиции – передавать наработанный опыт из поколения в поколение, не просто отрабатывать положенное время, а жить своим делом, помогая людям», – говорится в фильме.

Еще одним важным фактом, подчеркивающим профессиональный уровень персонала больницы, служит упоминание одного случая, когда врачи, благодаря своему опыту и неравнодушию спасли жизнь пациента: «Был случай, когда раненому сотруднику полиции срочно понадобилась помощь с хирургическим вмешательством на работающем сердце. Отсчет шел на минуты, спасти жизнь человеку пришлось практически в полевых условиях. Хирург Вячеслав Павлович Квашин и анестезиолог Василий Михайлович Анфимов успешно провели непростую операцию. Жизнь пациента была спасена».

Фильм «Спасители» об Архангельской областной станции скорой медицинской помощи, созданный в 2015 году, своим названием определяет основную функцию врачей скорой помощи, которые приезжают к пациенту, когда его жизнь под угрозой, когда минуты решают многое.

«Для сотрудников скорой медицинской помощи спасать людей – это не только профессиональные обязанности, это главное дело, без которого они себя не представляют», – так начинается документальный фильм «Спасители».

Имиджевые документальные фильмы, созданные в связи с датами от момента создания учреждения, как правило, демонстрировались в рамках торжественного мероприятия, посвященного этой дате.

При создании медиапродукта очень многое зависит от специалиста лечебного учреждения, который сопровождает журналиста. Важно, чтобы сотрудник медицинского учреждения (как правило, это пресс-секретарь, специалист по связям с общественностью или представитель организационно-методического отдела) сам глубоко понимал деятельность учреждения, любил свою работу. В противном случае, качество медиапродукта на выходе может оказаться низким, кроме того, журналист, в силу своей некомпетентности в деятельности медицинского учреждения, может допустить фактические ошибки при подготовке публикации. Но это не значит, что необходимо контролировать каждый этап работы над медиапродуктом, важно помогать журналисту, настраивать его, но не мешать ему.

Одна из важных особенностей языка публицистики – социальная оценочность, которая, по мнению Г. А. Солганика, связана с журналистом не только как с «человеком социальным», но и как с «человеком частным» [16, с. 204]. Ученый отмечает, что на первый план выдвигается личность публициста, которая в большей или меньшей степени проявляется в тексте [16, с. 205]. Отсюда следует, что каждый текст подается автором со своей позиции, через взгляды автора на описываемую ситуацию.

Рассмотрим текст, опубликованный на сайте <https://pravdasevera.ru> под заголовком «Жительница Архангельской области через суд добилась компенсации за удаленный зуб» (опубликован 18 ноября 2023 года) [17].

Читаем: «...причины и последствия нежданной операции исследовал суд». Прилагательное *нежданный* имеет значение – неожиданный, случайный [14, с. 396]. Это дает повод читателю задуматься об отсутствии острой необходимости в проведении операции, описанной в публикации.

Рассмотрим глагол *исследовать*. Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводит два значения: 1. Подвергнуть научному изучению; 2. Осмотреть для выяснения чего-либо [14, с. 249]. В данном случае более уместными были бы глаголы *изучил* или *разобрался*, поскольку медицинских научных исследований судебные инстанции самостоятельно не проводят.

В рассматриваемом тексте не приводится комментарий представителей лечебного учрежде-

ния. Оно лишь упоминается следующим образом: «Представитель ответчика, не оспаривая вины, пояснил, что лечащий врач-стоматолог действительно удалил два зуба вместо одного и не проинформировал об этом истца, не провёл перед операцией необходимое рентгенографическое исследование».

Данный текст подготовлен представителями пресс-службы Архангельского областного суда, а редакция решила не проводить собственное расследование, а просто выложить на своем портале то, что написала пресс-служба.

Подобные сообщения все чаще появляются в средствах массовой информации. Отсюда возникает вывод о необходимости постоянного взаимодействия лечебных учреждений с журналистами. А в случае непредвиденных ситуаций, инцидентов и появления новостей любого характера лечебное учреждение должно самостоятельно без промедления сообщать в средства массовой информации. Это, во-первых, позволит избежать нежелательной оценки ситуации со стороны СМИ, а во-вторых, будет способствовать взаимодействию с журналистами через передаваемые эксклюзивные публикации.

Еще одним видом медиапродуктов, связанных с медицинскими учреждениями, являются публикации, направленные на профилактику заболеваний.

Архангельский городской эндокринологический центр под руководством заведующей, кандидата медицинских наук З. Э. Бахтиной постоянно готовит печатные и видеоматериалы по профилактике сахарного диабета, ожирения, остеопороза и т. д. Создаются сообщения о работе школы диабета и школы остеопороза, а также разъясняющие видеоролики об этих заболеваниях.

В 2016 году Министерство здравоохранения Архангельской области стало инициатором создания видеофильма «Служение во имя здоровья», приуроченного ко Дню медицинского работника. Курировал проект лично министр здравоохранения Архангельской области, кандидат медицинских наук А. А. Карпунов. Задача проекта – повысить престиж и показать развитие сельского здравоохранения в Архангельской области.

Фильм рассказывает о фельшерско-акушерских пунктах и участковых подразделениях Виноградовской, Приморской, Плесецкой, Няндомской, Каргопольской центральных районных больниц, а также о службе Санавиации и областном Центре лечебной физкультуры и спортивной медицины, который выходит на ведущие позиции среди аналогичных учреждений Северо-Западного федерального округа и всей России.

В 2017 году председатель Ассоциации организаторов здравоохранения Архангельской области, кандидат медицинских наук К. В. Барышков, инициирует создание видеоальманаха «Здравоохранение в Архангельской области», в котором

лечебные учреждения региона представляют свои достижения за год. Датой выхода альманаха устанавливается итоговое заседание Ассоциации.

Видеоальманах тиражируется на компакт-дисках и распространяется по всем учреждениям здравоохранения Архангельской области, а также передается в Ассоциации организаторов здравоохранения других регионов России. Видеоальманах становится своеобразной визитной карточкой системы здравоохранения Архангельской области. Всего за период с 2017 по 2024 год вышло 7 выпусков видеоальманаха «Здравоохранение в Архангельской области». Его участниками стали практически все государственные учреждения здравоохранения региона.

В 2021 году главный врач Архангельского клинического онкологического диспансера (АКОД) А. Ю. Панкратьева в рамках празднования 75-летия учреждения предлагает новый формат медиаматериалов: не большой фильм, хронометраж которого составляет от 15 минут, а серию коротких видеороликов, хронометражем не более 5 минут. Каждый ролик демонстрирует одно определенное направление деятельности учреждения.

В частности, в АКОД это были ролики по следующим темам: история, сегодняшний день онкологической службы, лекарственная терапия, хирургия, радиотерапия. В дальнейшем аналогичный формат видеоматериалов использовался в Новгородской центральной городской больнице, Архангельской городской клинической больнице № 6, Архангельской областной детской клинической больнице им. П. Г. Выжлецова и других учреждениях.

Еще один вид медиапродукции, работающий на формирование положительного имиджа учреждения и профессии медицинского работника, – это печатная продукция, не относящаяся к средствам массовой информации.

Лечебные учреждения постоянно выпускают брошюры, листовки, буклеты для профилактики различных заболеваний. Кроме того, в 2011 году выходит книга «Путь к успеху» (составитель – доктор исторических наук, профессор Г. С. Щуров), посвященная 225-летию Первой городской клинической больницы им. Е. Е. Волосевич [18]. В книге описана история больницы, а также представлены лечебные отделения и подразделения, персоналии.

В 2014 году по инициативе главного врача Архангельской городской клинической поликлиники № 2 О. Ю. Лузановой и председателя Совета ветеранов поликлиники Н. В. Хомяковой выходит в свет «Летопись 2-й городской поликлиники» (составитель Н. В. Хомякова) [19]. В книге представлены основные этапы развития медицинского учреждения от 2-й Советской амбулатории до ГБУЗ «Архангельская городская клиническая

поликлиника № 2» по информации областного архива и воспоминаниям сотрудников поликлиники.

В 2021 году к 100-летию Архангельской областной станции скорой медицинской помощи выходит книга «Век скорой помощи» (составители С. В. Незговоров, Т. В. Колмыкова) [20]. Повествование построено через рассказы сотрудников, в разные годы работавших на станции скорой помощи и работающих в настоящее время. Всего представлено 100 рассказов. В аналогичном формате (50 рассказов к 50-летию) в 2022 году выходит книга «С заботой о каждом ребенке» (составители С. В. Незговоров, Н. В. Марков) об Архангельской областной детской клинической больнице [21].

Выводы

Таким образом, созданные публикации и медиатексты на различных ресурсах Архангельской области, рассмотренные в данной статье, выполняют функции, направленные на повышение достоверности информации о лечебных учреждениях. Содержание указанных публикаций положительно отражается на восприятии читателями или зрителями медицинских организаций, их деятельности и уровня оказания медицинской помощи и, как следствие, служит важным элементом формирования позитивного образа учреждений.

Литература

1. Суворова, С. П. Медицинская проблематика в российских печатных СМИ / С. П. Суворова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12-2(42). – С. 165–172.
2. Шмелева, Т. В. Медицинский дискурс регионального медиаполя: популяризация знаний о здоровье / Т. В. Шмелева // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2025. – № 2 (57). – С. 225–235.
3. Аббасова, А. Т. Тематика, жанровый состав и этика медицинских публикаций с элементами журналистского расследования / А. Т. Аббасова // Биоэтика. – 2009. – № 2 (4). – С. 48–54.
4. Воскобойникова, А. П. Российская медицинская журналистика: историческая традиция и актуальные тенденции / А. П. Воскобойникова, С. В. Ушакова, В. А. Рязанцев // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-meditsinskaya-zhurnalistika-istoricheskaya-traditsiya-i-aktualnye-tendentsii> (дата обращения: 11.10.2025).
5. Федак, Е. И. Информационный вброс как популярный прием негативного информационно-психологического воздействия / Е. И. Федак, В. Н. Жуков // Военный академический журнал. – 2020. – № 2 (26). – С. 85–88.
6. Носова, Е. А. Информационный повод как основа взаимодействия пресс-релиза и журналистского текста / Е. А. Носова // Филология и человек. – 2013. – № 2. – С. 132–139.
7. Незговоров, С. В. Структурно-семантические

- ские особенности заголовков газетных очерков (на материале газеты «Правда Севера» 70-х годов XX века) / С. В. Незговоров // Развитие Северо-Арктического региона: вопросы сохранения культурного наследия народов Арктики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2022. – С. 294–298.
8. <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/03/2/20028391>.
9. <https://www.ntv.ru/novosti/2753914>.
10. <https://mash.ru/ufa/news/167117>.
11. Ильченко, С. Н. Фейк и реальность нашего времени / С. Н. Ильченко // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 189–192.
12. Ильченко, С. Н. Сетевое информационное пространство как источник дезинформации / С. Н. Ильченко, В. М. Латенкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 1 (68). – С. 174–180.
13. <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2023>.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азъ, 1994. – 928 с.
15. Русский ассоциативный словарь. Кн. 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 2 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М. : ИРЯ РАН, 1996. – С. 138.
16. Солганик, Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г. Я. Солганик // Синтаксическая стилистика. – М., 2006. – С. 202–211.
17. <https://pravdasevera.ru/2023/11/18/>.
18. Путь к успеху. Первой городской клинической больницы г. Архангельска 225 лет / сост. Г.С. Щуров. – Архангельск : Правда Севера, 2011. – 328 с.
19. Летопись 2-й городской поликлиники / сост. Н. В. Хомякова. – Архангельск : ЮТРИКУС, 2014. – 222 с.
20. Век скорой помощи / сост. С. В. Незговоров, Т. В. Колмыкова. – Архангельск : ГБУЗ Архангельской области «АОКССМП», 2021. – 222 с.
21. С заботой о каждом ребенке: 50-летию Архангельской областной детской клинической больницы посвящается / сост. С. В. Незговоров, Н. В. Марков. – Архангельск : Лоция, 2022. – 184 с.

Незговоров Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры экономики, Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск), член Союза журналистов РФ, email: s.v.nezgovorov@yandex.ru

Поступила в редакцию 13 октября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260212

CREATING MEDIA PRODUCTS TO PROMOTE A POSITIVE IMAGE OF MEDICAL INSTITUTIONS IN THE ARKHANGELSK REGION

S. V. Nezgovorov

Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

The article is devoted to the features of creation, types and genres of media products, narrating about various types of activity and methods of providing medical care of state medical institutions of the Arkhangelsk Region.

The purpose of this article is to analyze media products created in different genres of journalism and aimed at forming a positive media image of medical institutions by presenting technologies, methods of treatment, as well as the history and traditions of the healthcare system of the Arkhangelsk Region.

The article examines the technologies of creating such media products, their texts, videos, and sound design, as well as the impact of text, video, or audio materials created by journalists on the recipient of information, as well as the forms of placement of such media products.

The article also analyzes the modern media interaction between a hospital or clinic and a potential patient who is a reader, viewer, or listener of various types of media, including internet media resources.

Various publications in the regional media of the Arkhangelsk Region and other regions of Russia, as well as on the Internet, were used as empirical material. This article also presents

the author's experience in creating documentaries and books about the activities of state medical institutions in the Arkhangelsk Region at various levels and types of activities, as well as about medical professionals in this region.

Keywords: healthcare, journalism, media product, media image, medical workers, Arkhangelsk region.

References

1. Suvorova S.P. Medicinskaya problematika v rossijskikh pechatnyh SMI [Medical Issues in the Russian Print Media] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 12-2 (42). P. 165–172.
2. Shmeleva T.V. Medicinskij diskurs regional'nogo mediapolya: populyarizaciya znaniy o zdorov'e [Medical Discourse of the Regional Media Field: Popularization of Health Knowledge] // *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025. № 2 (57). P. 225–235
3. Abbasova A. T. Tematika, zhanrovyy sostav i etika medicinskih publikacii s elementami zhurnalistskogo rassledovaniya [Topics, Genre Composition and Ethics of Medical Publications with Elements of Journalistic Investigation] // *Bioetika*. 2009. № 2 (4). P. 48–54.
4. Voskobojnikova A.P., Ushakova S.V., Ryazancev V.A Rossiiskaya medicinskaya zhurnalistika: istoricheskaya tradiciya i aktual'nye tendencii [Russian Medical Journalism: Historical Tradition and Current Trends] // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-meditsinskaya-zhurnalistika-istoricheskaya-traditsiya-i-aktualnye-tendentsii> (data of accessed: 11.10.2025).
5. Fedak E.I., Zhukov V.N. Informacionnyi vbros kak populyarnyi priem negativnogo informacionno-psihologicheskogo vozdeystviya [Informational Stuffing as a Popular Technique for Negative Information and Psychological Impact] // *Voennyi akademicheskij zhurnal*. 2020. № 2 (26). P. 85–88.
6. Nosova E.A. Informacionnyi povod kak osnova vzaimodeystviya press-reliza i zhurnalistskogo teksta [Informational Reason as the Basis for the Interaction of a Press Release and a Journalistic Text] // *Filologiya i chelovek*. 2013. № 2. P. 132–139.
7. Nezgovorov S.V. Strukturno-semanticheskie osobennosti zagolovkov gazetnyh ocherkov (na materiale gazety «Pravda Severa» 70-h godov XX veka) [Structural and Semantic Features of the Headlines of Newspaper Essays (Based on the Material of the Newspaper Pravda Severa of the 70s of the XX Century)] // *Razvitie Severo-Arkticheskogo regiona: voprosy sohraneniya kul'turnogo naslediya narodov Arktiki: materialy Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferencii*. Arhangel'sk: North (Arctic) Federal University, 2022. P. 294–298.
8. <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/03/22/20028391>.
9. <https://www.ntv.ru/novosti/2753914>.
10. <https://mash.ru/ufa/news/167117>.
11. Il'chenko S.N. Feik i real'nost' nashego vremeni [Fake and Reality of our Time] // *Gumanitarnyy vektor*. 2021. T. 16, № 4. P. 189–192.
12. Il'chenko S.N., Latenkova V.M. Setevoe informacionnoe prostranstvo kak istochnik dezinformacii [Network Information Space as a Source of Disinformation] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 2021. № 1(68). P. 174–180.
13. <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2023>.
14. Ozhegov S.I., Shvedova, N.Y Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Az, 1994. 928 p.
15. Russkii associativnyi slovar'. Kn. 4. Obratnyi slovar': ot reakcii k stimulu. Associativnyj tezaurus sovremennogo russkogo yazyka [Russian Associative Dictionary. B. 4. Reverse Vocabulary: from Reaction to Stimulus. Associative Thesaurus of the Modern Russian Language]. Ch. 2 / Y.N. Karaulov, Y.A. Sorokin, E.F. Tarasov, N.V. Ufimceva, G.A. Cherkasova. M.: IRL RAS, 1996. P 138.
16. Solganik G.Y. Avtor kak stileobrazuyushchaya kategoriya publicisticheskogo teksta [Author as a Style-Forming Category of Journalistic Text] // *Sintaksicheskaya stilistika*. M., 2006. P. 202–211.
17. <https://pravdasevera.ru/2023/11/18>.
18. Put' k uspekh. Pervoi gorodskoi klinicheskoi bol'nice g. Arhangel'ska 225 let [Path to success. The First City Clinical Hospital in Arkhangelsk is 225 Years Old] / sost. G.S. Shchurov. Arhangel'sk: Pravda Severa, 2011. 328 p.
19. Letopis' 2-i gorodskoi polkiliniki [Chronicle of the 2nd City Polyclinic] / sost. N.V. Homyakova. Arhangel'sk: YUTRIKUS, 2014. 222 p.
20. Vek skoroj pomoshchi [Age of Ambulance] / sost. S.V. Nezgovorov, T.V. Kolmykova. Arhangel'sk. AOKSSMP, 2021. 222 p.

21. S zabotoi o kazhdom rebenke: 50-letiyu Arhangel'skoi oblastnoi detskoi klinicheskoi bol'nicy posvyashchaetsya [Taking Care of Each Child: the 50th Anniversary of the Arkhangelsk Regional Children's Clinical Hospital is Dedicated to] / sost. S.V. Nezgovorov, N.V. Markov. Arhangel'sk: Lociya, 2022. 184 p.

Sergey V. Nezgovorov – Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Economics Department, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk), Member of the Union of Journalists of the Russian Federation, e-mail: s.v.nezgovorov@yandex.ru

Received October 13, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Незговоров, С. В. Создание медиапродуктов, направленных на формирование позитивного образа лечебных учреждений Архангельской области / С. В. Незговоров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 97–105. DOI: 10.14529/ssh260212

FOR CITATION

Nezgovorov S. V. Creating media products to promote a positive image of medical institutions in the Arkhangelsk region. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 97–105. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260212

САЙТЫ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ ЧУВАШИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИЗАЙН- И КОНТЕНТ-РЕШЕНИЙ РЕДАКЦИЙ

М. А. Ярадаев¹, А. Д. Гаврилов^{1,2}

¹Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

²Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема цифровизации региональных традиционных СМИ, вызванная интенсивным развитием коммуникационной инфраструктуры интернета и все большей востребованностью сетевых платформ в качестве источников массовой информации. Актуальность исследования объясняется тем, что в регионах процессы цифровизации и медиаконвергенции сопряжены с рядом трудностей, обусловленных отсутствием релевантного опыта у сотрудников редакций классических газет и журналов, недостаточностью материальной базы и технических ресурсов для создания и поддержания сайтов и аккаунтов в соответствии с актуальными запросами интернет-пользователей, дефицитом IT-специалистов и др. Авторами статьи предпринят анализ особенностей наполнения и оформления официальных сайтов наиболее крупных печатных изданий Чувашской Республики. Материалом исследования послужили сайты газет: республиканских «Советская Чувашия» и «Хыпар» и городских «Чебоксарские новости» и «Грани». Хронологические рамки исследования – с мая 2024 г. по январь 2025 г. Своеобразие дизайн- и контент-решений, используемых каждой из редакций при ведении сайтов изданий, выявлено и охарактеризовано методами качественного анализа элементов интерфейса и их сравнительного анализа. Отмечается, что на удержание и привлечение внимания аудитории влияют факторы удобства поиска информации на сайте, интуитивно понятная навигация, жанровое разнообразие материалов, мультимедийное сопровождение публикаций, которые не в полной мере продуманы и реализованы на изучаемых сайтах. Авторами работы в качестве рекомендации по повышению востребованности сайтов печатных изданий Чувашии предложены конкретные практики, внедрение которых позволит улучшить позиции анализируемых СМИ в региональном медиaprостранстве.

Ключевые слова: медиадизайн, цифровизация традиционных СМИ, медиаконвергенция, сетевая версия печатного издания, сайт газеты.

Введение

Процессы цифровизации общества, характерные для первой четверти XXI века, являются своеобразным катализатором множества изменений, затронувших институт средств массовой информации. Наряду с постоянным развитием информационных технологий и появлением площадок новых медиа, среди периодических печатных изданий прослеживается сокращение тиража и снижение доходов от его реализации. Предпочтения современного человека постепенно смещаются в пользу быстрого и удобного формата мобильного медиапотребления. Тем не менее, печатные СМИ остаются востребованными источниками массовой информации за счет сформировавшихся репутации бренда изданий и базы постоянных читателей. Пытаясь конкурировать с новыми медиа, классические редакции внедряют в работу современные цифровые практики и адаптируют собственный контент под онлайн-пространство.

Проблема исследования обусловлена тем, что, несмотря на медиаконвергентный рывок печатных изданий, связанный с дистрибуцией контента по разным каналам (сайт, социальные сети, мессенджеры, хостинги и др.), далеко не все из них сегодня успешно работают в кросс-медийном формате. В процессе цифровизации печатные

СМИ сталкиваются с трудностями в создании привлекательного и функционального веб-контента, монетизации действующих платформ и привлечении новой аудитории. Поскольку ведение сайта является одной из базовых форм виртуального присутствия издания и самых предсказуемых для аудитории точек взаимодействия в цифровой среде, работа над ним становится для редакций приоритетной. Ситуация осложняется тем, что журналисты традиционных СМИ, особенно региональные, зачастую не обладают исчерпывающим набором компетенций для создания цифрового контента, который бы соответствовал растущим требованиям современного пользователя. В связи с этим у исследователей и практиков медиа возникает необходимость изучения актуальных практик редакций по наполнению сайтов изданий, способствующих или препятствующих привлечению и удержанию внимания потенциальных пользователей, и выработке предложений по их совершенствованию.

Цель настоящего исследования – выявить особенности наполнения и оформления официальных сайтов наиболее крупных печатных изданий Чувашской Республики и охарактеризовать своеобразие дизайн- и контент-решений, используемых каждой из редакций.

Эмпирической базой выступили сайты газет: республиканских (русскоязычной «Советской Чувашии» и чувашезычной «Хыпар» (Весть)) и городских (русскоязычных; г. Чебоксары – «Чебоксарские новости» и г. Новочебоксарск – «Грани»). Хронологические рамки исследования охватывают период включенного наблюдения за обновлениями на сайтах обсуждаемых изданий с мая 2024 г. по январь 2025 г.

Обзор литературы

Освоение цифровой среды редакциями печатных СМИ – предмет научного интереса большого числа как зарубежных [1–5], так и российских ученых. «Наиболее востребованными направлениями для анализа среди зарубежных теоретиков можно назвать медиаэкономику и особенности медиапотребления, среди российских ученых – стратегическое развитие прессы в условиях цифровизации, опирающееся на разбор конкретных кейсов», – подчеркивает медиаисследователь Т. В. Яковлева [6, с. 20]. Функционирование газет в условиях цифрового развития общества уже более 15 лет комплексно изучают представители факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова [7–9]. Кроме того, отдельные ученые фокусируются на поаспектном рассмотрении проблем: ставят вопрос о специфике типографики сетевых СМИ [10], определяют особенности верстки и дизайна интернет-версий печатных изданий [11] и др.

Региональный опыт цифровизации традиционных массмедиа постепенно также осмысливается [12–13], на обсуждение выносятся конкретные достижения, проблемы и угрозы [14]. В отличие от федеральных изданий, как отмечают А. В. Вырковский и М. И. Макеенко, «в региональных СМИ ниже качество мультимедийного контента, хуже сконструированы сайты, гораздо меньше доступного на цифровых платформах видео- и аудиоконтента собственного производства» [8, с. 48]. Редакции, в свою очередь, не до конца понимают, какой контент стоит тиражировать и кто выступает основным потребителем их интернет-продукции. В то же время мультимедийный потенциал сетевых ресурсов позволяет добиваться аудиторного охвата, кратного превышающего тираж и количество подписчиков печатного издания.

В Чувашской Республике проблема цифровизации локальных СМИ активно разрабатывается исследователями. Одним из пилотных изысканий является работа А. П. Данилова и М. Г. Даниловой «Пресса Чувашии в Интернете» (2015), в которой делается вывод, что «трансформация СМИ оборачивается кризисом для неадаптированных традиционных изданий, усилением новых медиа» [15, с. 314]. В последние годы представлены тренды, оценки и перспективы развития печатных СМИ республики в конце первого – начале второго десятилетия XXI века [16], установлены современ-

ные конвергентные практики, присущие редакционным коллективам региона [17], а также с помощью экспертного опроса получены профессиональные оценки изменений, происходящих внутри медиасистемы, сложившейся в Чувашии к 2020 г. [18]. Однако специальный анализ наполнения и оформления сайтов местных печатных СМИ проведен не был. Настоящее исследование призвано восполнить данную лакуну не только в теоретическом, но и в практическом плане – с целью выработки рекомендаций редакциям по совершенствованию их работы в веб-среде.

Методы исследования

Предпринятое исследование реализовано в два этапа. На первом применялся метод качественного анализа элементов интерфейса сайтов рассматриваемых печатных изданий, на втором – метод сравнительного анализа дизайн- и контент-решений, используемых редакциями при оформлении и наполнении сетевых ресурсов соответственно.

При проектировании исследования мы обращались к сервису «Вордстат» для получения количественных данных о востребованности сайтов – статистики запросов названий изданий в поисковой системе «Яндекс». По состоянию на 21 октября 2024 г. зафиксированы следующие показатели: «Советская Чувашия» – 2 237 запросов в месяц, «Хыпар» – 1 435, «Чебоксарские новости» – 1 390 и «Грани» – 2 032 запроса. Учитывая схожесть ресурсов в целевой направленности и информационной повестке, мы предположили, что, имея большую заинтересованность пользователей, сайты изданий «Советская Чувашия» и «Грани» более привлекательны для интернет-аудитории.

Результаты и дискуссия

Прежде чем перейти к изучению материала исследования, конкретизируем, что под «анализом дизайн- и контент-решений редакций» мы подразумеваем аудит реальных практик журналистов в наполнении и оформлении сайтов изданий.

Республиканская газета «Советская Чувашия». Сайт издания заметно выделяется на фоне остальных веб-страниц выбранных нами ресурсов. К его визуальным особенностям можно отнести сдержанный лаконичный дизайн и простоту интерфейса. Удобство последнего объясняется тем, что при переходе на сайт внимание пользователя фокусируется на блоке, содержащем фильтрацию новостей по разным тематикам: общество, политика, спорт и т. д. Каждый из пунктов содержит раскрывающийся список, что существенно упрощает поиск публикаций определенной нишевой направленности. Верстка не предьявляет особых требований к пользовательскому опыту, маршрутизация не вызывает затруднений у аудитории.

Жанровое разнообразие мультимедийных форм контента, в сравнении с конкурентами, велико. Из характерных медиапрактик – цифровая

афиша, визуализирующая информацию о ближайших культурных событиях, а также раздел «История в фотографиях» – рубрика-фотохроника, освещающая культурное наследие республики. Публикации в последнем сопровождаются исторической справкой и оцифрованными архивными фотографиями. Систематически обновляется рубрика «Смотрим кино», состоящая из аналитических материалов, обзоров и рецензий на продукты современной киноиндустрии. На сайте также доступны галерея фоторепортажей, каталог публикаций с видеосопровождением. В дополнение: «Советская Чувашия» на протяжении 7 лет регулярно занимается производством инфографики.

Стоит отметить подход редакции к формированию информационной повестки. Ее публикации, по сравнению с остальными изданиями, чаще имеют аналитический уклон, охватывая злободневные вопросы и более широкий событийный контекст. В целом редакции газет региона сосредоточены преимущественно на подготовке новостных материалов. Аналитический же компонент в медиатекстах данной газеты, в свою очередь, обеспечивает ее большим откликом аудитории и способствует формированию широкого круга читателей.

Республиканская газета «Хыпар». Ее сайт выступает в роли гибридной интернет-площадки с доступом к нескольким периодическим изданиям, выпускающимся издательским домом с одноименным названием «Хыпар». Здесь представлены материалы, опубликованные в таких изданиях, как газеты «Хыпар» (Весть), «Самраксен хаҫаҫ» (Молодежная газета), «Чăваш хĕрарăмĕ» (Чувашская женщина), «Кил-сұрт, хушма хуҫалăх» (Приусадебное хозяйство), «Хресчен сасси» (Голос крестьянина), журналы «Тăван Атăл» (Родная Волга), «Тантăш» (Ровесник) и «Тетте» (Игрушка).

Навигация на сайте интуитивно понятна за счет продуманного меню «шапки»: несмотря на смешанный формат наполнения, выраженный в слиянии материалов нескольких газет и журналов в составе единого медиабренда, авторский контент изданий остается организованно структурированным. Помимо базового функционала, интерфейс сайта содержит такие блоки и поля, как опросы, комментарии, прогноз погоды и счетчик текущего трафика.

Медиа, объединяя на одной странице статьи из разных газет и журналов издательского дома «Хыпар», стремится охватить широкий спектр интересов аудитории, включая политическую, культурную и социальную тематику. Главная страница состоит в основном из новостных материалов и PDF-версий свежих номеров газет и журналов издательского дома.

Сайт издания, будучи ориентированным преимущественно на двуязычную региональную аудиторию, имеет две языковые версии – чуваш-

скую и русскую. Внимание журналистов «Хыпар» в немалой степени направлено на освещение этнокультурной тематики. Драйвером популяризации чувашского языка и культуры, сплочения этнокультурного сообщества и сохранения национального наследия выступают собственные проекты редакции. Среди них – «Аудиохаҫат» (аудиогазета), озвученные журналистами газеты выпуски «Хыпар» на чувашском языке. На сайте регулярно проводятся конкурсы поэзии, прозы, рисунков.

На наш взгляд, газеты и журналы, входящие в состав издательского дома, не получают должного освещения на сайте. В новостной ленте публикуется лишь часть материалов определенного издания, в то время как полные выпуски остаются пользователям недоступными. «Хыпар» размещает оцифрованную версию обложки нового номера, призывая читателей приобрести печатный выпуск. Между тем содержательно-тематическая направленность курируемых изданий остается нераскрытой за счет малого освещения на сайте. Подобный подход недостаточен для реализации потенциала издательского дома, крупнейшего в регионе и объединяющего пул этнических СМИ. Персонализация контента на основе материалов выпусков газет и журналов, входящих в бренд «Хыпар», использование журналистами разных мультимедийных форм подачи информации могли бы улучшить позиции издательского дома на местном медиарынке.

Чебоксарская городская газета «Чебоксарские новости». Верстка сайта исполнена в традиционном формате информационного портала, принцип организации блоков схож с сайтом «Советской Чувашии»: актуальные новости в роли первого смыслового элемента, вертикальная новостная лента, баннеры в боковой части страницы. Интерфейс прост и минималистичен, доступна специальная версия сайта, адаптированная под слабовидящих читателей. Несмотря на свою простоту, интерфейс не предусматривает возможности выбора и фильтрации публикаций по критерию тематической направленности.

Процесс медиапотребления выстраивается по принципу скроллинга «смешанной» ленты – без возможности сегментировать тематический контент исходя из своих интересов. Кроме того, заголовки материалов на сайте, как правило, недостаточно информативны, зачастую сформулированы с помощью метафористических приемов. Например, публикация под названием «С теплом души» посвящена деятельности волонтеров, а «Едиственный в Чувашии» – истории становления местного ботанического сада. Образная подача с ориентацией на чувственно-эмоциональное восприятие снижает эффективность заголовка как инструмента информирования. Кроме того, сайт не предусматривает возможности ознакомиться с подзаголовком или лидом в режиме скроллинга, вследствие чего оперативно определить тематику

и содержание публикации, находящейся в общей новостной ленте, без перехода на ее полнотекстовую версию, зачастую не представляется возможным.

Помимо архива публикаций, ставшего стандартной составляющей сайтов региональных СМИ, на главной странице присутствуют такие рубрики, как «Афиша» и «Спрашивали? Ответим!». Первая основана на анонсах грядущих городских мероприятий и досуговых активностей, вторая – на частичной интеграции пользовательского контента: сотрудники редакции дают содержательные ответы на поступающие от аудитории вопросы. Однако какое-либо аудиовизуальное сопровождение упомянутых разделов на сайте не предусмотрено. Тенденции новых медиа указывают на необходимость мультимедийной подачи информации и предполагают принципиально активную вовлеченность пользователей в процессы медиакommunikации. База читателей газеты «Чебоксарские новости» кратко превышает аудиторию параллельно анализируемых медиа: так, официальное сообщество издания в социальной сети «ВКонтакте» насчитывает 34 000 подписчиков. Учитывая это, подчеркнем, что усиление мультимедийной составляющей материалов сайта способно существенно повысить его привлекательность.

Новочебоксарская городская газета «Грани».

Сайт издания состоит из содержательного хедера (верхней части сайта, расположенной выше блока с основным контентом), вертикальной новостной ленты и баннерного раздела, занимающего около 40 % всего пространства.

На наш взгляд, структура сайта продумана недостаточно хорошо. Например, хедер содержит 39 кликабельных ссылок. Данное дизайн-решение в комплексе со множеством баннеров и рекламой в материалах создает информационную и визуальную перегруженность интерфейса. В процессе восприятия такого рода контента у пользователей активизируется «баннерная слепота». Как отмечают А. Н. Алфимцев и Ф. И. Хаев, опираясь на результаты своего исследования, «с возрастом баннерная слепота усиливается, причем нарастает она линейно. Это приводит к тому, что в среднем к 35–45 годам пользователи обучаются практически не воспринимать рекламу» [19, с. 76]. Таким образом, верстка, насыщенная большим количеством смысловых блоков, затрудняет навигацию на сайте и восприятие его контента в целом, повышая риски преждевременного ухода пользователей.

Издание «Грани» является городской газетой Новочебоксарска и потому в большей степени сосредоточено на местных информационных поводах. Помимо локально ориентированной повестки, на сайте можно встретить российские и мировые новости, первоисточником которых выступают федеральные СМИ и информагентства. Подход к написанию заголовков можно охарактеризовать как смешанный: новостная лента состоит из сти-

листически нейтральных и стилистически окрашенных заголовков. На сайте доступна галерея изображений, содержащая событийные фоторепортажи, раздел «Грани-ТВ», публикации в котором сопровождаются видеосюжетами. Авторский проект «Клубная жизнь» представлен разнообразным жанрово-тематическим комплексом: от статей, советов и подборок до рекламных интеграций в виде гостевого постинга.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что значительная часть печатных изданий Чувашии сталкивается с трудностями при переходе к работе в цифровом формате. Это обусловлено тем, что редакции традиционных СМИ, многие годы занимающиеся только выпуском печатной продукции, не до конца понимают механизмы продвижения контента в сети и сценарии медиапотребления пользователей. Основу интернет-аудитории данных изданий составляют преимущественно постоянные читатели, лояльность которых сохраняется благодаря бренду СМИ, в то время как привлечение новой аудитории посредством конвергентных практик происходит фрагментарно.

На основе данных анализа мы сформулировали несколько рекомендаций по оформлению и наполнению сайтов рассмотренных изданий. Предлагаем набор практик, внедрение которых позволит улучшить позиции изданий в региональном медиапространстве.

1. Оптимизация внутренней навигации с учетом пользовательского опыта (UX) и тепловых карт поведения.

2. Упор на разнообразии контента с учетом реальных потребностей разных социально-демографических групп в составе аудитории изданий.

3. Публикация на сайте материалов принципиально новых форматов и жанров, таких как подборки, гайды, обзоры, чек-листы, проблемные статьи, мультимедийные лонгриды, карточки, подкасты, онлайн-трансляции мероприятий.

4. Систематическое обновление уже существующих рубрик.

5. Переработка рекламных блоков для нивелирования негативной реакции аудитории (возможно, переход к нативной рекламе и гостевым публикациям).

6. Акцент на мультимедийном сопровождении при раскрытии сложных и / или специфических тем (видео, иллюстрации и инфографика могут способствовать более глубокому погружению читателя в журналистский нарратив).

7. Техническая доработка отдельных разделов и модулей сайтов (например, часть изданий сопровождает свои публикации фотографиями низкого качества или разрешения. В конкретных случаях фотографии на сайтах сжимаются в режиме предпросмотра. На наш взгляд, данное явление является ограничением самих сайтов, вследствие чего

при публикации контента журналисты получают сжатое и некачественное изображение).

Перспектива дальнейшего рассмотрения проблемы нам видится в комплексном подходе к изучению цифровизации традиционных СМИ региона, включая анализ наполнения и оформления их аккаунтов в социальных медиа и методов дистрибуции готового контента в интернете.

Литература

1. LaRose, R. The Problem of Media Habits / R. LaRose // *Communication Theory*. – 2010. – Vol. 20. – P. 194–200.
2. Lin, C. A. Audience attributes, media supplementation and likely online service adoption / C. A. Lin // *Mass Communication & Society*. – 2001. – Vol. 4. – P. 19–38.
3. McMullan, J. A new understanding of “New Media”: Online platforms as digital mediums / J. McMullan // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. – 2020. – Vol. 26. – № 2. – P. 287–301.
4. Nielsen, J. *Designing Web Usability* / J. Nielsen. – Indianapolis : New Riders Publishing, 2000. – 419 p.
5. Raeymaeckers, K. Research note: young people and patterns of time consumption in relation to print media / K. Raeymaeckers // *European Journal of Communication*. – 2002. – Vol. 17. – № 3. – P. 369–385.
6. Яковлева, Т. В. Газета в условиях цифровизации: компаративный анализ российских и зарубежных исследований / Т. В. Яковлева // *Меди@льманах*. – 2018. – № 6 (89). – С. 14–23.
7. Вартанова, Е. Л. Цифровой переход: от технологических к сущностным трансформациям медиа? / Е. Л. Вартанова // *Меди@льманах*. – 2024. – № 2 (121). – С. 8–15.
8. Вырковский, А. В. Конвергенция в российской ежедневной прессе: экономические особенности и перспективы / А. В. Вырковский, М. И. Макенко // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. – 2012. – № 5. – С. 36–49.
9. Смирнова, О. В. Печатные медиа в эпоху цифровых технологий / О. В. Смирнова // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. – 2013. – № 6. – С. 25–37.
10. Кузьмина, М. А. Типографика медиа: технические характеристики, сравнительный анализ UX/UI-дизайна сайта и полиграфической верстки (на примере русского издания *Esquire*) / М. А. Кузьмина // *Известия Тульского государственного университета. Технические науки*. – 2021. – № 3. – С. 272–276.
11. Беляев, А. А. Дизайн-модель Интернет-версии как результат трансформации модели печатного издания (на материале российских СМИ) / А. А. Беляев // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. – 2008. – № 2. – С. 52–62.
12. Баранова, Е. А. Особенности перехода российской региональной прессы в цифру / Е. А. Баранова, Г. Г. Новоселова // *Litera*. – 2024. – № 1. – С. 166–181.
13. Новые технологии в практике журналистов российских региональных газет / А. В. Колесниченко, О. В. Смирнова, Л. Г. Свитич, Д. А. Фомина // *Меди@льманах*. – 2019. – № 5 (94). – С. 42–55.
14. Тулупов, В. В. Современная региональная пресса: достижения, проблемы и угрозы / В. В. Тулупов // *Вестник Академии медиаиндустрии*. – 2024. – № 1 (37). – С. 101–106.
15. Данилов, А. П. Пресса Чувашии в Интернете / А. П. Данилов, М. Г. Данилова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2015. – № 5 (360). – С. 314–319.
16. Данилов, А. А. История развития техники и технологии современных печатных СМИ Чувашской Республики: тренды, оценки, перспективы / А. А. Данилов, А. П. Данилов // *Вестник Чувашского университета*. – 2017. – № 2. – С. 65–70.
17. Васильева, Л. А. Региональные издания Чувашии в условиях медиаконвергенции / Л. А. Васильева, Г. В. Хораскина, О. Р. Студенцов // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. – 2021. – № 1 (110). – С. 12–17.
18. Гаврилов, А. Д. Система средств массовой информации Чувашской Республики в условиях цифровизации общества / А. Д. Гаврилов // *Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 6. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2022. – С. 127–156.*
19. Алфимцев, А. Н. Пути преодоления баннерной слепоты в веб-интерфейсах / А. Н. Алфимцев, Ф. И. Хае // *Вестник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. Серия Приборостроение*. – 2014. – № 4 (97). – С. 70–79.

Ярадаев Максим Александрович – ассистент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова (Чебоксары), e-mail: yaradaev1@mail.ru. ORCID: 0009-0000-6194-5436

Гаврилов Артем Дмитриевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары), e-mail: artmaster28@rambler.ru. ORCID: 0000-0001-6031-2725

Поступила в редакцию 2 октября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260213

WEBSITES OF PRINT MEDIA IN CHUVASHIA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF DESIGN AND CONTENT SOLUTIONS OF EDITORIAL OFFICES

M. A. Yaradaev¹, A. D. Gavrilov^{1,2}

¹Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

²Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russian Federation

This article examines the digitalization of regional traditional media driven by the intensive development of the Internet communication infrastructure and increasing demand for network platforms as media sources. This study is relevant because digitalization and media convergence processes in the regions face numerous challenges due to the lack of relevant experience among editorial teams of classic newspapers and magazines, insufficient material base and technical resources to create and maintain websites and accounts meeting the current requests of Internet users, shortages of IT specialists, etc. The authors of the article analyze the content and design features of the official websites of major print media in the Chuvash Republic, focusing on the republican newspapers *Sovetskaya Chuvashia* and *Khypar*, and the city newspapers *Cheboksary News* and *Grani*. The study covered a period from May 2024 to January 2025. The uniqueness of the design and content solutions used by each editorial team to maintain the websites of their publications was identified and characterized using the qualitative and comparative analysis of interface elements. The authors note that the factors of convenient searching for information on the website, for example intuitive navigation, a variety of genre materials, multimedia support for publications, are not fully developed and implemented on the studied websites. This affects the ability to attract and retain the audience. To address these issues, the authors recommend specific practices to increase the demand for print media websites in Chuvashia. If implemented, they can improve the position of the analyzed media in the regional media landscape.

Keywords: media design, digitalization of traditional media, media convergence, online version of print editions, newspaper website.

References

1. LaRose R. The Problem of Media Habits // *Communication Theory*. 2010. Vol. 20. P. 194–200.
2. Lin C.A. Audience attributes, media supplementation and likely online service adoption // *Mass Communication & Society*. 2001. Vol. 4. P. 19–38.
3. McMullan J. A new understanding of “New Media”: Online platforms as digital mediums // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 2020. Vol. 26. № 2. P. 287–301.
4. Nielsen J. *Designing Web Usability*. Indianapolis: New Riders Publishing, 2000. 419 p.
5. Raeymaeckers K. Research note: young people and patterns of time consumption in relation to print media // *European Journal of Communication*. 2002. Vol. 17. № 3. P. 369–385.
6. Yakovleva T.V. Gazeta v usloviyakh tsifrovizatsii: komparativnyy analiz rossiyskikh i zarubezhnykh issledovaniy [Newspaper in the Context of Digitalization: a Comparative Analysis of Russian and Foreign Studies] // *Medi@l'manakh*. 2018. № 6 (89). P. 14–23.
7. Vartanova YE.L. Tsifrovoy perekhod: ot tekhnologicheskikh k sushchnostnym transformatsiyam media? [Digital Transition: from Technological to Essential Transformations of Media?] // *Medi@l'manakh*. 2024. № 2 (121). P. 8–15.

8. Vyrkovskiy A.V., Makeyenko M.I. Konvergentsiya v rossiyskoy yezhednevnoy presse: ekonomicheskiye osobennosti i perspektivy [Convergence in the Russian Daily Press: Economic Features and Prospects] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2012. № 5. P. 36–49.
9. Smirnova O.V. Pechatnyye media v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy [Print Media in the Digital Age] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2013. № 6. P. 25–37.
10. Kuz'mina M.A. Tipografika media: tekhnicheskiye kharakteristiki, sravnitel'nyy analiz UX/UI-dizayna sayta i poligraficheskoy verstki (na primere russkogo izdaniya Esquire) [Media Typography: Technical Characteristics, Comparative Analysis of UX/UI-design of the Website and Printing Layout (Using the Example of the Russian Edition of Esquire)] // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskiye nauki*. 2021. № 3. P. 272–276.
11. Belyayev A.A. Dizayn-model' Internet-versii kak rezul'tat transformatsii modeli pechatnogo izdaniya (na materiale rossiyskikh SMI) [The Design Model of the Internet Version as a Result of the Transformation of the Print Publication Model (Based on the Material of the Russian Media)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2008. № 2. P. 52–62.
12. Baranova Y.A., Novoselova G.G. Osobennosti perekhoda rossiyskoy regional'noy pressy v tsifru [Features of the Transition of the Russian Regional Press to Digital] // *Litera*. 2024. № 1. P. 166–181.
13. Novyye tekhnologii v praktike zhurnalistov rossiyskikh regional'nykh gazet [New Technologies in the Practice of Journalists of Russian Regional Newspapers] / A.V. Kolesnichenko, O.V. Smirnova, L.G. Svitich, D.A. Fomina // *Medi@l'manakh*. 2019. № 5 (94). P. 42–55.
14. Tulupov V.V. Sovremennaya regional'naya pressa: dostizheniya, problemy i ugrozy [Modern Regional Press: Achievements, Problems and Threats] // *Vestnik Akademii mediaindustrii*. 2024. № 1 (37). P. 101–106.
15. Danilov A.P., Danilova M.G. Pressa Chuvashii v Internetе [The Press of Chuvashia on the Internet] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 5 (360). P. 314–319.
16. Danilov A.A., Danilov A.P. Istoriya razvitiya tekhniki i tekhnologii sovremennykh pechatnykh SMI Chuvashskoy Respubliki: trendy, otsenki, perspektivy [History of the Development of Technology and Technology of Modern Print Media of the Chuvashia Republic: trends, assessments, prospects] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2017. № 2. P. 65–70.
17. Vasil'yeva L.A., Khoras'kina G.V., Studentsov O.R. Regional'nyye izdaniya Chuvashii v usloviyakh mediakonvergentsii [Regional Publications of Chuvashia in the Context of Media Convergence] // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Y. Yakovleva*. 2021. № 1 (110). P. 12–17.
18. Gavrilov A.D. Sistema sredstv massovoy informatsii Chuvashskoy Respubliki v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [The System of Mass Media of the Chuvash Republic in the Context of Digitalization of Society] // *Aktual'nyye voprosy istorii i kul'tury chuvashskogo naroda*. Vyp. 6. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2022. P. 127–156.
19. Alfimtsev A.N., Khayet F.I. Puti preodoleniya bannernoy slepoty v veb-interfeysakh [Ways to Overcome Banner Blindness in Web Interfaces] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. N.E. Bauman*. Seriya Priborostroyeniye. 2014. № 4 (97). P. 70–79.

Maxim A. Yaradaev – Teaching Assistant of the Department of Journalism, Chuvash State University (Cheboksary), e-mail: yaradaev1@mail.ru

Artem D. Gavrilov – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Journalism, Chuvash State University, Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary), e-mail: artmaster28@rambler.ru

Received October 2, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Ярадаев, М. А. Сайты печатных изданий Чувашии: сравнительный анализ дизайн- и контент-решений редакций / М. А. Ярадаев, А. Д. Гаврилов // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 106–112. DOI: 10.14529/ssh260213

FOR CITATION

Yaradaev M. A., Gavrilov A. D. Websites of print media in Chuvashia: a comparative analysis of design and content solutions of editorial offices. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 106–112. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260213

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, 454080, г. Челябинск, ул. С. Кривой, 79, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 2.

Адрес издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2026 Том 26, № 2

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 24.04.2026. Дата выхода в свет 30.04.2026. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,48. Тираж 500 экз. Заказ 78/118. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.